

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ АВТОРОВ

РУССКИЙ STIL 2013

STELLA
Германия

© Русский Stil-2013.

Литературный альманах современных русских авторов + CD.

В книге использованы работы, представленные на творческие конкурсы
сезона-2013.

ISBN 978-3-944121-78-9

Редактор-составитель Л. Баумгартен.

© Дизайн: В. Цветков.

Авторский стиль произведений сохранен.
Сохранены также особенности пунктуации и орфографии авторов.

Verlag «STELLA»
Deutschland

Фестиваль-конкурс литературы и искусства

- Представление современной русской литературы международной литературной общественности;
- Поиск значимых литературных произведений на русском языке, выявление новых талантливых авторов в России и за рубежом, создание им условий для публикаций в средствах массовой информации и издательствах Европы;
- Популяризация литературного творчества через визуальные формы, в том числе фото-, кино- и видео- форматы;
- Выявление талантливых поэтов-песенников, авторов-исполнителей и популяризация их творчества;
- Установление контактов между поэтами и композиторами независимо от места их проживания.

Объявление победителей и вручение наград происходит на ежегодном Фестивале в Германии, который по традиции проводится в первой половине осени. Участникам Фестиваля высылаются приглашительные документы в Германию.

«Русский Stil»
в Германии

Поэзия

Изяслав КОТЛЯРОВ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Баллада о сестре милосердия

Двоих она тащила, а в снегу
 вослед за ней мели поземкой пули.
 «Голубчики, терпите, помогу!» —
 и те себя ногами подтолкнули.
 Ослепла от внезапного огня —
 ракеты снег и небо осветили...
 «Голубчики, держитесь за меня!» —
 и те ее за плечи обхватили.
 От санной повернула колеи
 и трудно потащила из оврага.
 Просила их: «Голубчики мои,
 ну, шаг, другой, теперь еще — полшага...»
 И пот уже, и слезы на лице
 испуганном, усталом, виноватом.
 А справа, на немеющем плече,
 солдатик по-русски кроет матом.
 А пуля вновь поземкою метет
 в невыносимом отблеске зеленом.
 И еле-еле слышно: «О, майн Готт!» —
 солдатик слева отозвался стоном.
 Свалилась, обессиленная, ниц,
 с плеча брезгливо отстранила тело.
 И удивленно выдохнула: «Фриц?!» —
 впервые френч зеленый разглядела.
 И, отшатнувшись, мимо поползла...
 Уже в самозабвенье виноватом
 еще роднее, крепче, обняла
 того, кто по-русски кроет матом.
 ...Потом в окопе было горячо,
 и радостно, и так привычно было.
 Но стыдно ныло левое плечо,
 которое тогда освободила.

Не утоляла жажду и вода...
И словно чьи-то руки подтолкнули, —
рванулась из окопчика туда,
где на снегу мели поземкой пули.

* * *

Вдруг отец распахивает сени.
Дождь... В саду ворочается мгла...
— Шел с вокзала. А со мною — Женя.
Вот до самой хаты довела...
Бабушка ключи из рук роняет,
бабушка отца не понимает:
— Женя? Как?! Покойница жена?!
Мокрую шинель отец снимает,
бабушку сердито обрывает:
— Да она! Она это! Она!
За мостом окликнула несмело...
В голубом пальто и в шапке белой,
в чем ее оставил до войны...
Что я — не узнал своей жены?!
Воду жадно пьет отец из кружки.
— Кто б сказал... Поверил бы? Ни в жизнь!
Бабушка, лицом припав к подушке,
— Гришенька, — кричит ему, — очнись!
А отец как будто и не слышит —
словно добежал и трудно дышит.
Воду снова черпает и пьет —
разливает, в рот не попадет.
— Шли мы с ней одни, как в той пустыне.
Все она — о Славке и Фаине...
У дверей сказала мне: «Бывай!
Женишься — детей не обижай!»
— Господи! Да что же это значит? —
Бабушка опять в подушку плачет,
а отец рыдает у стены...
Третий день, как он пришел с войны.

Елена МОРОЗОВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

Вдоль моря

Я иду, дорог не разбирая.
Плеск волны за поворотом в ночь,
где в чешуйках лунная кривая
через море убегает прочь.

Стынет берег. Галькой ледяною
холодит. Здесь днем ходил Ты бос.
Прирученной тычется волною
море, будто мокрым носом пес.

Галечная мелочь голубая —
это ли дорога к небесам,
где пасешь Ты звезды, помогая
нам, Твоим назойливым истцам.

А самой-то мне помочь и нечем...
Ветер тучу на ночь приволок.
Под водою тоненькие свечи
угасают. Спать уходит Бог.

Легкий стишок

У окошка часы тик-так,
в крымском дворике все не так...
Кот бесшумно вошел, и шаг
невесом его, как душа.
В уголочке иконка — Бог.
Ступишь босо — дощат порог.
Абрикос с ветки шлеп — тяжел,
сочен, крупен и красно-желт.
Отряхнет солнце сотни искр,

до прожилок просвечен лист...
Ступишь в утро — горяч и рыж,
абрикосовым солнцем с крыш
день растянется, словно кот,
и вздохнешь ты легко-легко..

Облако

Ни пристанища ему, ни логова,
облаку, а лишь простор и путь,
да к холму замшелому, пологому,
на мгновенье головой прильнуть.
Пересмешником земного — облако:
что еси на небе, есть под ним.
Осьмикрылое, чудно не обликом,
а усердием. Но им одним
не понять летучему мир временный.
Да и нечем страннику небес.
До полудня жить ему отмерено
и упасть косым дождем на лес.

* * *

Там веками настояны смолы
в можжевеловой чаше ствола,
под полуденный огненный молот
ржавый бок подставляет скала.
Там уполз в море мысом ящер,
в склон сыпучий оазис врос —
виноградный и настоящий,
из кривых темно-бурых лоз.
Там горчит запах хвои терпкий,
море — в розовой пелене.
Затрепещет, минуя ветки,
солнце бабочкой на стене.

Марк ЯКОВЛЕВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Сон

Мне ночью снился странный сон,
В котором поменялись роли
Двух исторических персон:
В заснеженном январском поле
Убит не Пушкин, а Дантес...
А Пушкин в сани быстро влез
На ноги кинул старый плед,
(Назад взглянуть уже не смея),
Озябшие ладони грея
О еще теплый пистолет...

Мир снов — он все наоборот
События переитожит:
Поэт не мертв, поэт — живет,
Но, видно, что-то его гложет.
Который век, который год
Вдоль Мойки медленно идет,
Ни строчки написать не может...

Елабужская баллада

Памяти Марины Цветаевой

«Внимание! Рейс N 139 Казань-Елабуга
отменяется по метеоусловиям Елабуги».

Объявление по аэропорту Казань

Наверно рано мне в Елабугу,
Елабуга — она в конце...
Сначала в Петербург мне надо бы
С восторгом детским на лице,
Сначала надо — почувствовать,

Перестрадать, перелюбить,
 Сначала бы перекошунствовать —
 Каноны все перерубив!
 Сначала надо поотречься,
 Покаяться, попережить,
 Сначала надо покалечиться,
 Да милостыни не просить!
 Сначала надо соплеменником,
 Потом сподвижником, потом
 Быть неподвижным современником
 Былых и будущих времен.
 Какая надоба в Елабуге,
 Когда, не испытав стыда,
 Лечу, как и другие лабухи,
 Чтоб вновь настругивать слова,
 Чтобы найти тот дом, расшатанный
 От сотен любопытных ног,
 И бабку-гида, но внештатного,
 Дающую мне свой урок.
 И засыпать ее вопросами,
 И чувствовать, что все не так,
 Что в доме том другие россыпи
 И на других уже устах!
 Потом устав бродить по кладбищу,
 Искать то место, где она
 Всегда живая, вечно зрящая,
 В тот год была погребена.
 Затем пойти на Каму чистую,
 К воде пробравшись между трав,
 Вдруг вскрикнуть — тихо и неистово,
 На Речку Черную попав!
 Наверно поздно мне в Елабугу,
 Когда я знаю наперед:
 Там в вечных тучах небосвод,
 Там никогда не будет радуги,
 Лечу я просто на авось...
 Ах, где в России те елабуги,
 та бабка, та изба, тот гвоздь?..

Павел СЕРДЮК

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

Ты будешь картинной, жеманной и нагишом
встречать рассвет и гостей в гостиной.
Я буду стареющим немощным алкашом.
С тобою, очаровательной и subtilной,
мне будет теоретически хорошо
(как с Канделаки Тиной).

Ты будешь днем от еды толста,
и засыпать под сливой.
Я буду наряды кроить с холста.
Деятельностью кропотливой
я набатрачу невероятное количество гривн
(хватит на любые твои заморочки).
Я напишу о тебе, как Грин,
самые романтические в мире строчки.

И кто-то полюбит тебя любить.
Ну да! В такую — и не влюбиться?
Я, может, посуду попробую бить,
Ты улетишь, как с шифера голубица!
Крыша поедет, в дыру потечет вода
с нанесением имущественного вреда.

Я нарисую тогда двух кляч.
Буду клянчить подачки.
Типа, подайте тертому депутату калач.
С твоим неизвестным решать задачки.
В любую погоду накрою тебя плащом,
а, когда ты уйдешь на прогулку,
я, как Лоханкин, утешусь борщом
и разопью от беды пигулку.

Я, как Бульба, создал тебя и погублю,
 оборву все наспех сшивающие нитки.
 Отрежу банты и пуговицы, купленные по рублю,
 послушаю Реквием Альфреда Шнитке.
 Может быть, утоплюсь в глубинах солнечных луж,
 может, в морях, где пьяному по колено.
 А, может, женюсь на одной из домашних клуш
 с целью строгания Буратин из полена.

Но точно знаю, что прикоснувшись к перу,
 извлеченному из оперения синей птицы,
 я напишу и отправлю в отдаленную точку ги
 самые очаровательные о любви страницы.

* * *

Автобус вас увез на юг.
 Там солнце, море, школа юнг.
 Зимой там не бывает вьюг,
 а летом нет покоя.
 Там есть торговые ряды
 и окружающей среды
 воздействие морское.

Мне грустно здесь, пока вы там,
 в турне по рынкам и местам
 бываете приятным.
 С блокнотом свой досуг деля,
 я жду у трапа корабля
 с почти невероятным

(для осени) теплом в груди.
 Пятак орлом, и бигуди
 накручены для встречи.
 Опять я весел и здоров
 и различаю из даров
 отчетливо дар речи.

Михаил МАТУШЕВСКИЙ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

*И если призрак здесь когда-то жил,
То он покинул этот дом. Покинул.*

И. Бродский

Взглянув на календарь — не удивлюсь,
В который раз я вижу эти числа.
Не то, чтоб лет наваливался груз,
Но их повтор не прибавляет смысла.
Там жили мы, не различая дней
И не пытаюсь задержать мгновенья,
Когда прогал меж наших двух теней
Сливался, становясь единой тенью,
Немного погода включали свет.
Босых следов не видно на паркете
И повторив — «На свете счастья нет»,
Так сладко знать, что есть оно на свете.
Извне, четыре четверти окна
Переполюнялись временами года.
Весной была особенно слышна
Входная дверь, тогда еще без кода.
В краю, где март — адар, сентябрь — тишрей,
Где вещи зимние хранятся, хоть излишни,
Мне снятся отголоски тех дверей,
В которые вошли мы и не вышли.
Где вечно неисправный шнур искрил,
В дверной клеенке ширилась прореха,
И если призрак там когда-то жил,
Он переехал с нами. Переехал.

* * *

В девяностом году попрощаться зайду
И оставлю на память соседям
Стопку книг и какую-нибудь ерунду,
А потом мы уедем.
На последнем аккорде сорвется струна,
Отзовется гитарная дека,
И в окошке вагонном качнется страна
И приметы двадцатого века.
Не куда, а откуда изъят и влеком
С будоражающим воздухом вместе,
И к подошве прилипшему слову «погром»
Перед списком евреев в подъезде.
Обжитые края, до соринки в глазу,
До разлуки, что двигает нами,
Я оставлю здесь то, что с собой увезу,
Совпадут обе части краями.
Совпадут и вопрос, и ответа клише,
Но под слоем всегдашнего грима
Треугольник бермудский таится в душе,
Что там сгинуло — необъяснимо!
Лишь подъемная сила крыла и любви
Или ненависть, ждущая в шаге,
И стирают, и ставят все точки над «і»,
Им всегда не хватает бумаги...
Грузовик у подъезда набит барахлом,
Все потом пригодится едва ли.
Мы оставим здесь то, что с собой увезем,
Но тогда мы об этом не знали.
На морском берегу или в райском саду
Все же с местным акцентом не слиться.
В девяностом году, попрощавшись уйду,
Но прощание длится и длится.

Валентина НАЗАРОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

запахи весны
бороздит носом по снегу
собака... не дозваться

мальчик с мечом
выступает вперед
тень воина

долгий разговор
уже и луна
заглянула в гости

замер малыш —
на край коляски присела
б а б о ч к а

морозная ночь
чужие духи от твоей рубашки
заснуть не дают

старика уж нет
скрипит калитка
на ветру

прощаясь,
так долго целуешь
что остаюсь

из тени в свет
рождение и уход
из тени в свет

и на кого зол?
процарапал тропки кот
на карте мира

ожидание
подслушиваю тишину
сквозь сон

как в детстве
сидим, мурлычем песенки
каждый свою

расцвел бессмертник
льну к окну
увидеть невидимое

Молодые дарования

Елена САЯНОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

Пойдем на зимний Камергерский.
Пусть там в помине снега нет,
Зато горит веселый свет,
Неугасающий и дерзкий.
Зато рекламами глядят
На нас сегодняшние тени,
И москвичи, поддавшись лени,
В кафе красители едят.

Любимым пушкинским размером
Пойдем болтать с тобой вдвоём,
На вечер головы забьем
Его заманчивым примером.
Пусть ямб откроет глубину
В бесцельном нашем разговоре.
И через смех проступит горе,
К мощеному придавит дну.

* * *

*...Вырвали кнопку «off»,
значит, вечное «play», вперед!*

А. Беляева

Но вжат герлай, и снова тот же круг:
Будильник, насморк, институт, пора
Бежать, бегом английские слова
Чужим мозгам отксерить из своих,
Куда-нибудь еще?.. Похоже, нет,
Домой, в привычно-призрачный уют.
Ты устаешь, и в этом весь подвох.
Живой non-stop на паузу все чаще.
Но вжат герлай.

* * *

День, не хуже вчерашнего дня.
Что ошибку искать роковую?
Сын все меньше похож на меня
И не вспомнит, что я существую.

Степь надежд прогорела дотла.
Все привычные тропы сокрыты.
Но упрямая память вела:
Вот все тоже худое корыто.

Путь один — из кругов и петель.
И навстречу похожие лица.
Жар январский, июля метель —
Будто сон зачарованный длится.

Столько женщин мелькало во мгле.
Ни в одной я не встретил покоя.
Ветер прячет следы на золе,
Чтоб не тронули сердце изгоя.

Я любил. Просто, очень давно.
Как-то дни превращаются в годы.
Стало уксусом едким вино
И бесцветной эмаль небосвода.

* * *

Осенний день исполнен света,
В разъединенности един
Весь мир, не требующий чуда.
Любовь не требует ответа.
Тоска не требует причин.
Так счастье жить взялось откуда?

Анна ГРУБЕР

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Ахиллесова девочка

Его сердце приковано кентервильской цепью — порт
верен ему. Взгляд его — сталь. Взгляд его пристален.
Трубач баюкает футляр на пристани, а он — насвистывает.
Его грубые губы обветрены. Он — отчалил, отчаялся, но пока фьорд
любит его, он уверен, упрям, уперт.

Горе било его под дых, горе целилось в солнечное сплетенье,
укрывали горы от грома, горы ночью скалились тиграми.
Игры с кинжалами остаются беззвучными играми, тихими играми.
Ахиллесова девочка, точка возврата, не ходи за ним тенью,
белой немой ускользающей тенью —

помни — солнце уходит вечером и забирает тени с собой.
Ахиллесова девочка, развяжи его сети и возвращайся к нему —
танцуй для него на песке under a violet moon.
Слушай дыхание ветра и зверя. Слушай морской прибой,
заплети в волосах венки — пламя и зверобой.

Трогай раны его языком, ахиллесова девочка, девочка-медь.
Расширай зрачки его, не диктуй правил, не ставь границ,
уведи его из забытых снов, укради из пыльной клетки страниц.
Девочка-медь, люби его. Люби его, девочка-плеть,
он выпьет тебя до дна, не бойся дотла сгореть.

Только — не подавай виду,
что любишь ее...

Прятки

Ты вдыхаешь дым, шуришься в небо. И выдыхаешь
(новый шов, стежок):

я хочу, чтобы ты заблудилась, а я тебя — понимаешь? — нашел.

Я хочу, чтобы ты сбилась с ног и упала. Выпачкалась в траве
и земле. Чтобы держала курс на запад, но повернула правой.

Чтобы металась от дерева к дереву, звала меня — зверем.

Чтобы сначала предала, потом вернула то, во что верила,
прокляла, отреклась, замолила, разбила и склеила.

В корни вгрызаясь, ломая руки, в бессилии, в птичьей клетке,
обрывая ягоды волчьей, связки, воротник грязной рубашки, тонкие ветки,
бредила бы истошным:

любимыймойлюбимыйненавидимыймой.

Красная шапочка, забывшая маму, адрес, дорогу домой.

Ветер вполетал бы в волосы сорняки, змей, паутины нити,

ветер нашептывал бы на ухо: «разве ты хочешь выйти»,

а ты вроде была бы и не слишком уверена,

но отвечала бы: «двери мне подайте, двери мне!»

Ну же, зови меня, милая, зверем,

падай на землю, замерзай насмерть, становись немой.

Тынемоймоймоймоймоймой.

Я бы поднял тебя на руки, холодную, болотно бледную.

Беднаямоямоямоябеднаямоябеднаябедная.

Я хочу, чтобы ты заблудилась, а я тебя — понимаешь? — нашел.

Евгений ЛУМПОВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Неуч

Правил приличия до неприличья много.
Если бы дома мне дверь открывал дворецкий,
Я бы ни разу бы у твоего порога
Не был замечен и выбрал бы раут светский

В библиотеке, где узкие лбы морщиной
Сверх озадачил бы Клаус по кличке Санта.
Чтобы согреть тебя я подожду лучиной
Без сожаления том бедолаги-Канта.

Слышу, как прошлое каждую ночь крадется,
Ложью и правдами в двери твои стучится.
Ты не спугнешь меня, знаешь, скелет найдется
И у меня в шкафу, стоит лишь в нем порыться.

Кто там расшаркался снова в передней Бога?
В очередь встаньте, святые, имейте совесть.
Может, в душе моей мира совсем не много,
Может, не хватит всей жизни моей на повесть.

Только достаточно мне и того мгновенья,
В утреннем свете когда ты сидишь на кухне,
Чтобы найти в человеке свое спасенье,
Выстроить замок, который теперь не рухнет.

Грусть на ученых накатит волною пенной.
Мир охладел, но душою душа согрета.
Мне наплевать на безмолвие всей вселенной,
Нынче мы вместе и договорим до света.

Пасхальное

Христос Воскрес! Ты слышишь звон,
сомненьем выжженное сердце?
Не сотворив земной поклон,
за рукояти райской дверцы

возможно взяться. Отворись!
И в человеке неземное
найди! Почувствуй эту высь,
что в наше время вороное

все чаще прячется в тени
деревьев знания и незнания,
покуда мы считаем дни,
присев на плинтус мироздания.

И каждый строит свой ковчег...
Но, иногда, когда в апреле
с простывших душ уходит снег,
мы верим, что на самом деле

Христос Воскрес! И что-то в нас
на миг воскресло, исцелилось,
вернув забытые подчас
любовь, терпение и милость.

И сколь продлится этот миг —
решаем мы. Решаем снова,
чтоб от души, из мудрых книг
звучало истинное слово!

Александр МОСКВИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

На линии Маннергейма

Бессмысленная медяшка, растроченная копейка,
Луна из кармана Бога упала за горизонт,
Слегка осветив безлюдье Карельского перешейка,
Заставив к утру утихнуть дрожащий от взрывов фронт.
Погибель в неравной схватке оставит вопросом открытым,
Ответ на него развеяв, как крепкий табачный дым.
На линии Маннергейма кому-то лежать убитым,
За линией Маннергейма кому-то бродить живым.

Могильщики горам трупов пытались вести подсчеты,
Со счета они сбивались и счет начинали вновь.
Увы, результат менялся, огонь открывали доты —
Как нефть буровые вышки, они добывали кровь.
На линии Маннергейма легко получить расплату
За груз прегрешений прошлых, в которых не виноват,
Когда из груди стекает по белому маскхалату
Струя раскаленной крови, багряной, как тот закат...

Его я встречал с любимой на тихой лесной опушке.
С прохладой разлуки близкой стал воздух еще свежей.
«Эй, сколько мне жить осталось?» — спросил я тогда кукушку.
Кукушка в ответ умолкла: все было известно ей
Про линию Маннергейма жестокостью пуль капризных,
Идущую против правил в гамбите могильных плит.
Над линией Маннергейма я буду парить, как призрак,
Не зная, что был застрелен, не зная, что был убит.

От Содома до Саддама

Бесполезно своим невежеством
 Искушать всемогущий «Google»,
 Если ты, допустив погрешности,
 Сам себя загоняешь в угол.
 Устарев, будто ять да ижица,
 Адекватность среди бедлама
 По знакомым маршрутам движется
 От Содома и до Саддама.

С кукловодами кукол Барби и
 В перепалку вступать не стоит.
 Их идеи, как будто гарпии,
 По цикличности синусоид
 Пролетят над любой оказией,
 Не открывшей врата сезама,
 Выбирая надежный азимут —
 От Содома и до Саддама.

Бесконечная цепь случайностей
 С отстраненностью анонима
 Влет признает любые крайности,
 Но не то, что есть между ними.
 Непроигранное сражение
 Не уменьшит накала драмы
 И велит продолжать движение
 От Содома и до Саддама.

Дмитрий БОБЫЛЕВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Осеннее

Нет теперь зеленых парусов —
Голы руки,
Щиплет примороженный засов.
От разрухи
Прячутся деревья в синеву,
Дед — под шапку.
Крошат седовласую траву
Утра лапки.
Шамкать
Воздух тяжело —
Будто водку.
Влез на крышу — все село
Сиро
под ноги легло,
Нашептал оттуда солнцу вдогонку:
— Не оставь человекав,
«Ибо твое есть Царство
и сила
и слава во веки...»

Октябрь

Излом стекла напоминает осень —
Звенящую погоду в октябре,
Болящую любовь, простор, тире,
Военкомат, значок с взлетевшим лосем

Над пропастью, над городом взлететь —
Лишь вытряхнуть тяжелые карманы
И, если б не бояться снежной манны,
В глазах замерзшего котенка стекленеть.

* * *

*По родной стране пройду стороною,
Как проходит косой дождь.*

В.М.

На темных спинах мостовых
Он рисовал свои картины —
Бывали улицы пустынные,
Сверкали кожи постовых.

В его работах жил туман
И небо низкое, кривое,
Шел Маяковский стороною,
Всплывал из туч Альдебаран.

Топтали утра кирзачи
Его полотна слишком странны.
Сгорала осень, осияна
Огнем березовой свечи.

Кладбище

Глазами, полными синиц,
Вращает дерево натужно
И, опрокинутое в лужах,
Дотягивается до лиц

Лежащих здесь. На то и смерть,
На то и пестрядь рыхлой тучи,
Чтоб липа голос свой скрипучий
Могла в покой перенеметь.

Наталья ХМЕЛЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Все сохраняется

Все сохраняется...
Даже каштаны в твоей ладошке,
двадцать лет назад упавшие с крон.
И, когда чернеют фамильные вилки, ложки,
и расступится морем иная утварь — люди ищут порталы в замки,
где ничем нельзя обладать, кроме консервной банки,
из которой дети делают телефон.
Желудь с шапкой, грецкий орех и солнце
в пыльном просвете крыши, как мед, коричневой.
Самое нужное, знать,
нам остается
для обустройства дома, впервые-личного.
Радость бездомным! Вечный покой бесприютным!
Тлеют, как торф, потолки, размывая предел.
Но почему я боюсь не пространств безлюдных,
а человека, чью жертву никто не презрел?
Более всех
приволий пустых и белых —
тех собратьев, чья жертва не догорела,
я утрашилась, брат, и дары в корзине
превратились в дым уходящий синий.
Но хранится в пригоршни цвет акаций,
Жизнь назад добытый с весенних крон.
Думала, что истлели, что только снятся,
прихожу в тот дом, куда чад поднялся —
а сады цветут.
по-прежнему широко.

Универсальная вещь

Я ела печенье,
 читая Гайдара Аркадия.
 Ни Жака Лакана, не Жижека, не Деррида,
 ни Кристеву,
 а потрепанный братьями
 Пионерами томик
 из мира мая и true труда,
 где ни одного отстающего рядом и мертв бомонд,
 и девочки ждут тимуров, чердачных принцев,
 и дачных принцев, кстати, удачный принцип:
 Землю — дачникам, животноводство
 — ударный фронт.
 ... Но холод на улице, литературы излишки,
 Чтобы чуть-чуть согреться, отправят в печь,
 и я достаю из широких штанин
 — последнюю книжку.
 Советская книжка
 — универсальная вещь.

Что сотворит чужак

Что сотворит чужак — да с любым наречием,
 Чтоб сквозь него просвечивало иное,
 Чтобы в косноязычии — человечье
 Виделось, обновленное и живое!
 Мысль забьется в дрожи, найдется в хламе,
 Вынет себя за волосы из отцов.
 Люди стыннут вечными зеркалами,
 Трогая речь незнамую за лицо.
 Но не исчезнет и никуда не денется
 Из оков знакомого дух, и тельце
 Будет жечь замшелые листья, греться
 У знакомого старого огонька.
 Мы, сестра, друг дружке иноплеменницы.
 Мы друг другу, брат мой, всегда пришельцы.
 Тянется — не дотянется к дикому сердцу
 Щупальце непонятого языка.

«Русский Stil»
в Германии

Проза

Наталья ЖУКОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Когда в небе светит солнце

Олег смотрел на профиль жены и, совершенно неожиданно для самого себя, любовался им. Она почти не изменилась за их общие десять лет: те же нежные завитки волос на шее, детский вздернутый носик, трогательные бледные губы и смешной, делающий ее еще более ребенком, неряшливый хвостик. Совсем такая же, как прежняя Лена, которая, спеша после лекций к Олегу домой, забегала в институтскую столовку за булочками к чаю. К чаю она приносила три булочки. Всегда три — две для них с Олегом и одну — для его младшего брата Сашки.

«Неужели это конец? Нет! Это не может так быть! Я должен все исправить. Все еще можно успеть исправить. Мне нужен шанс, еще один шанс и немного времени. Немного жизни. Лениной жизни... Что же я наделал! Как я мог сотворить такое? Я просто заблудился, пошел не той дорогой. А сейчас вдруг ясно понимаю: мне не нужна никакая другая женщина! Я хочу, чтобы со мной была только Лена... Только бы была... Я точно знаю, как мне надо действовать — мы победим болезнь вместе: сделаем операцию, будем лечиться. Я буду здесь, не оставляю ее ни на минуту, буду ухаживать за ней. Пусть без груди, пусть без волос, она останется моей женой!»

Он не мог подойти и сесть рядом. Не мог обнять. Не мог посмотреть в глаза. Его телефон пропиликал. Сообщение. Катя.

Если бы не это телефонное пикивание. Если бы не эти последние месяцы бесконечного вранья. Если бы не те жестокие его слова, что он не желает ее видеть и не хочет с ней жить. Если бы не все это! Было бы так хорошо: он сидел бы сейчас рядом, а Ленина голова лежала у него на плече. Он обнимал бы ее и сдерживал ее дрожь, и даже немного понимал о чем она думает. Или может, если бы не все это, не случилось бы с ними этого тягостного ожидания в коридоре немецкой клиники.

«Я — подонок! Настоящий подонок! Вся эта неуместная страсть... Эта Катя... Совсем недавно думал: хоть бы Ленка делась куда-нибудь, свалила бы в шоп-тур вместе со своими подругами и не вернулась».

Страшная догадка о его вине в болезни жены разрывала голову. Он с ужасом вспоминал случайно попавшуюся в самолете статью о том, что основная причина раковой опухоли кроется в психике. Психике, пораженной стрессом. Сразу он даже не понял о чем эта статья, просто прочитал, чтобы скоротать время. Мысли уносили его из самолета обратно в Екатеринбург. Он волновался о Кате, думал: не увел бы кто ее в его отсутствие. Нужно позвонить ей, сказать, что он едет в Германию всего на пару дней, проверить, не очередной ли это Ленкин прием, чтобы удержать его, Олега. Но когда вчера он увидел жену здесь такую несчастную, такую одинокую и такую совсем молоденькую, абсолютно непохожую на других, пожилых, пациентов онкологической клиники, все стало очевидно для него. Все события последних месяцев сложились в четкую картину его безоговорочной вины. «Хотел беречь ее, хранить ее, а я... я ее убиваю. Что же я наделал!» Он зажал виски руками, словно это могло остановить мысли. Телефон пропиликал еще раз...

В голове Лены, как снежная пурга, метались сожаления, обдающие ее изнутри колючим холодом. «Неужели это конец! Нет, это не может так быть! Мне нужен шанс, еще один шанс и немного времени. Немного жизни. Моей жизни. Я все исправлю, ведь я так толком ничего и не успела. Все какие-то сумки, шубы, курорты. А когда-то хотела стать архитектором, говорили, неплохо рисовала в графике. Чем я занималась последние годы? Искала выгодные предложения курортных отелей, собирала скидки бутиков? Мужа потеряла. Он сидит теперь не рядом, а там, в кресле, на другом конце коридора и получает уже восьмое сообщение от своей новой девушки. Я вынуждена признать — у него любовь! А что у меня? Химиотерапия, больница... смерть?! Подружки, которые будут решать, подойдут ли им черные кружева от Dolce & Gabbana, или это будет выглядеть вызывающе на моих похоронах... И ровно ничего позади. Даже подходящей фотографии не осталось на памятник — все с курортов, в солнцезащитных очках. Остались одни сумки... Скажу Олегу, пусть вместо памятника мне поставят «Шанель 2.55». Цель всей жизни. На что я потратила ее? На сумки?!.. Боже мой! Это же не я! Я просто заблудилась, пошла не той дорогой...»

— Миссис и Мистер Соколов, фрау доктор Ван Бюрен готова вас принять.

Они зашли в кабинет. Слепляющий солнечный свет боролся с жалюзи на окнах и, побеждая, заливал всю комнату. Белые стены, выкрашенные серой краской деревянные двери, правильной геометрической формы два светло-серых стола... Слишком простая обстановка немецкой клиники, к которой никак не привыкнуть, после роскоши их квартиры в России.

«Сейчас она скажет диагноз — онкологическая опухоль левой груди. Потом будет подробно рассказывать о методах лечения: операция, четыре курса химиотерапии, возможно, облучение». Все это изучено Леной еще три недели назад, дома, в России, когда по результатам томографии, ей категорично было заявлено — рак. После она, не решившись сказать о страшном диагнозе мужу, уехала. Выбрала клинику небольшого города на юге Германии. Хотела скрыться ото всех, боялась стать объектом неискренней жалости. Она позвонила Олегу через неделю: «Мне очень страшно. Прошу тебя, приезжай!» Еще через сутки он жестко сказал, что приедет, но не более чем на пару дней.

«...Снижение иммунитета, постоянная рвота, облысение... Олег меня здоровую не желал даже видеть, а без волос, с одной грудью?.. Да зачем вообще такая жизнь — без волос и с одной грудью».

— Рада вашему визиту, миссис Соколова. Мистер Соколов, прибыли поддержать жену? Очень приятно, — доктор Ван Бюрен, худая высокая женщина, лет шестидесяти, с короткими темными волосами и пронзительным взглядом больших карих глаз, по-немецки подала руку для пожатия, сначала Лене, потом Олегу.

— Итак, мы подготовили результаты биопсии. И у меня прекрасные новости! Подозрения наших коллег в Екатеринбурге не оправдались: ваша опухоль не онкологической природы, она доброкачественная. Ее, безусловно, нужно удалить, но, к счастью, риска для жизни она не представляет, а на груди останется лишь небольшой шрам.

Лена посмотрела на мужа — две слезы катились по его небритым щекам.

— Вы уверены, доктор? Это точно? — робко спросил Олег.

— Абсолютно.

Потом Олег долго благодарил доктора, переводчицу Иру. Он целовал фрау Ван Бюрен кисти рук, вгоняя ее в краску. Лена улыбалась. Сквозь слезы. «Неужели, это шанс? Еще один шанс!»

— Вы уже знакомы с нашим Фрайбургом, господа?

— Еще нет, только в окрестностях клиники успели побывать.

— Прогуляйтесь по нашему старинному городу: узкие мощеные улочки с ручейками, расписанные золотом старинные дома, многочисленные фонтаны. Сегодня такой чудесный солнечный день, так часто бывает здесь в октябре. Мы, немцы, говорим: «Когда в небе светит солнце — ангелы в пути».

Они вышли из клиники. Лена расстегнула сумку, собираясь достать темные очки, но передумала, и вместо этого подняла голову вверх, навстречу, заставлявшему ее щуриться, солнцу:

— Смотри, какое высокое здесь небо! Я раньше не замечала.

Олег повернул лицо жены к себе и смело посмотрел ей в глаза:

— Лена, я хочу сказать тебе... Знаешь, почему я на тебе женился?.. Потому что ты всегда приносила булочку и для Сашки тоже...

Яркий-яркий солнечный свет заливал желтые от опавших листьев тропинки больничного парка. И еле ощутимо, почти невесомо, что-то нежное касалось их лиц вместе с солнечными лучами. «Это ангелы, ангелы в пути», — подумала Лена и взяла мужа за руку. Первый раз за последние полгода.

Вадим БОРИСОВ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Юра и Тамара

Мир — это то место, где ты сейчас. Жизнь, она, как мозаика, где всегда есть выбор среди тысяч вариантов. Ты мог уйти, уехать, вообще никуда не выезжать из дома. Ты сам выбираешь тот мир, в котором оказываешься каждую минуту. И потому ты сейчас здесь.

Точно так же и я, приехав в большой город, мог, некоторое время помотавшись, вернуться обратно, в свой закрытый для посторонних, застроенный номерными городами край. Но я не вернулся. Поскитавшись по общежитиям, я с радостью принял то, что мне предложили. Комнату в двухкомнатной квартире. «Сами мы там не живем. Там соседи пьют сильно», — как бы оправдываясь, сказали хозяева. Но меня это не смущало. В краю, где я вырос, гораздо сложнее было найти соседей, которые не пьют. Так я оказался в квартире, где жили Юра и Тамара.

Я поднимался на шестой этаж, и в душе у меня был какой-то трепет перед неведомым. Как-то меня встретят? Много ли там будет у соседей дружков-собутыльников? Как вообще?..

Мир, в котором я очутился, оказался гораздо спокойней, чем я его себе рисовал. Юра и Тамара не были буйными алкоголиками, которые каждый вечер, как цирк, собирали друзей. Друзей у них вообще не было, хотя с такими ценностями найти их было нетрудно. Были редкие родственники, которые жили здесь же, неподалеку. Но как-то очень неудобно было добираться, да и заняты были все время. Поэтому гостей у Юры и Тамары почти никогда не бывало. Пили они каждый день, но делали это как-то тихо, по-домашнему.

Сколько им было лет, сказать было почти невозможно. Все постоянно выпивающие люди находятся в одной возрастной категории, «лет так под пятьдесят». При этом им может быть и тридцать, и шестьдесят. Но зримо все они выглядят «под пятьдесят», и это стирает все барьеры и всякое недопонимание между поколениями. Это мир, в котором все равны.

Тамара работала в булочной, и хлеба в доме всегда хватало. Работа была посменной, и поэтому нередко Тамара хозяйничала по дому

днем. Любимым занятием было разгадывание кроссвордов и чтение гороскопов. «Та-ак. Что нас ожидает на этой неделе? Ты кто у нас? Овен? Ну, у тебя все хорошо будет. Юр, смотри, что тут про меня написано». Стоя в коридоре, у моей раскрытой двери, она одновременно читала и мне, и находящемуся в соседней комнате Юре. Получался монолог-декламация с рассуждениями с самой собой, так как мы с Юрой, каждый из своей комнаты, только кивали да изредка поддакивали в ответ на ее жизнерадостные восклицания. «Расположение звезд в этот период является для Вашего знака наиболее благоприятным. Вас ожидают счастливые события и праздник», — громко зачитывала она, и тут же, сама себя перебивая, вполголоса комментировала: «Ну, это у нас каждый день», и плавно переходила к следующей теме. Моего гуманитарного образования хватало, чтобы находить правильные слова для Тамариных кроссвордов. Я был для нее авторитетом, потому что «человек что-то в газету пишет и своей головой деньги зарабатывает». А когда в ответ на раздавшийся телефонный звонок я стал что-то говорить на английском, это был выход за пределы ее мира. «Ты представляешь, беру я нашу трубку, а оттуда «каля маля». Англичане!» — восторженно делилась она с Юрой. Поскольку Юра ее восторгов не разделял, Тамара повторила свой рассказ с вариациями несколько раз. Реакция была обратной. Юра как-то подозрительно на меня посмотрел. Это был взгляд советской эпохи, смешанный с ревностью уязвленного мужа. Позже, уже засыпая, услышал я его прорвавшийся гнев на очередной повтор Тамары: «Англичане, говоришь?! Шпион он, ...ля! Вот он кто!» Остаток ночи прошел в их взаимных укорах, прерывавшихся звяканьем бутылки о стаканы, звуками падающих со стола предметов и тел и нетвердого, но целеустремленного шарканья по коридору к своей комнате. Под утро все затихло и уснуло почти до полудня.

Когда я возвращался домой, Юра встретил меня в своей выцветшей военной рубашке. «Ты, это, не обижайся. Мы вчера с Тамаркой поговорили. Воспитывал я ее. Совсем сука от рук отбилась!» Через некоторое время появилась неизменно жизнерадостная Тамара со следами воспитания на опухшем лице. На кухне резались лук, хлеб, колбаса. Праздновалось примирение.

Юра нигде не работал и жил вольно, следуя за сменой времен года. В зимнее время что-то перепродавал около подземного перехода, весной тоже — как получится. Но больше всего Юра любил лето и осень. Он вообще очень любил природу. И не то, чтобы сильно маялся в город-

ской среде, но было видно, что город его как-то теснил и сковывал. Юра тосковал. Но как только стает снег, земля подсохнет и проклюнется первая зелень, выбирался он за город и собирал на колхозных полях все, что начинало проклевываться или осталось с прошлого года. В основном все продавалось там же, у подземного перехода, а оставшийся неликвид с купленными на вырученные деньги бутылками торжественно приносился домой. Юрины движения становились более плавными и даже величественными, а голос более строгим. В осеннее-летний сезон он становился главным кормильцем в доме и чувствовал себя настоящим Хозяином.

Поскольку время от времени я делился с ними продуктами, и у меня перехватывали «до полочки», осень была временем, когда Юра мог сделать ответный жест. Делал он это сочно и широко. В этом не было неискренности или желания унижить. А главное, ему действительно было приятно это делать. Так, в один из удачных осенних дней, когда кукурузных початков в полях было собрано столько, что и продали, и купили, что нужно, и дома поели, и еще вон сколько осталось... в этот день я вернулся домой засветло. Юру с Тamarой застал на обычном месте. Они сидели на кухне перед столом, заваленным дарами полей, выпивали и мирно разговаривали. Говорила, как обычно, одна Тамара. Но что удивительно, темы для разговоров всегда находились. И Юра, и я могли ограничиваться отдельными междометиями, и этого было достаточно, чтобы беседа текла плавно и создавала состояние уюта и покоя. Не было этого напряженного ожидания, что вот сейчас возникнет неловкая пауза, и надо срочно что-то придумать и сказать, чтобы ее заполнить. Юра находился в благостном настроении. «А-а! Здорово, студент. Алле, понимаешь, на вот, кукурузы себе свари», — говорил Юра, передавая мне целый пакет ярко-желтых початков. «Что-о, небось, иностранцы твои такого не пробовали?» — усмехался он, гордо глядя на Тамару и несколько свысока на меня. Я начал греть воду в огромной кастрюле, стоя возле них и отдельными репликами участвуя в беседе. Вода вскипела и, закинув початки, я начал сыпать крупную соль из разорванной картонной пачки. Соль слиплась в комки, и приходилось трясти, чтобы они хоть как-то равномерно ссыпались в воду. Один большой комок сорвался и с бульканьем упал в кастрюлю. «Эх, черт!» — не удержался я. «Что, перех...ячил?» — радостно включился Юра. «Да, многовато получилось», — согласился я. «Перех...ячил!» — передразнивая Юру, встала на мою защиту Тамара. «Интеллигентному человеку за тобой повторять неприлично. Хамье, ...ля!»

Произнеся несколько слов в защиту интеллигенции в целом и меня лично, Тамара обняла Юру и ласково пропела: «Эх, ты, моя деревенщина!» Юра просиял. Вечер получался очень душевным. Тамара принесла из комнаты семейный альбом и стала показывать мне старые фотографии. Фотографии были черно-белые. От времени они пожелтели, выцвели и приобрели тот благородно-бежевый цвет, который передает дух ушедшей эпохи. «А вот это я!» — улыбаясь, произнесла Тамара, переворачивая страницу. От фотографии шел какой-то солнечный свет. Из другой жизни на меня смотрела тоненькая девушка, в нереально белом и почти неземном платье, перехваченная в тонкой талии воздушной лентой. И как будто этой же лентой перехватило горло. И теплая волна подкатила к глазам. И защипало в носу. Тамара, насладившись произведенным впечатлением и закрыла альбом. «Садись, поешь с нами», — предложила она. И Юра с готовностью подвинулся со своей табуреткой, освобождая место у стола.

В этот вечер он рассказал кое-что о себе. Как служил на Байконуре. Как готовились к запускам. Как лежал в больнице. «А я думал, ты с детства заикаешься», — сказал я. «Мы, это, как оно называется, ну, корабль запускали в космос. Мы, это, алле понимаешь, их в космос запускали. Другие улетели, а один как пи...анул!..» — горячился Юра. Контузило Юру взрывом, или что-то произошло на нервной почве, этого мне у него выпытать так и не удалось. Когда я становился особенно настойчивым, Юра подозрительно смотрел мне прямо в глаза, и мне слышался его ночной приговор: «Шпион он! Вот он кто!» Обычная история. Служили солдатики в секретных частях. Все дали подписку о неразглашении. Ничего такого и не знали, но на всякий случай помалкивали всю жизнь. Запускали луноход. Был сбой при запуске. Через некоторое время луноход собрали и отправили на луну, а Юра так и остался заикающимся солдатом. Изуродованным осколком истории покорения космоса. Списали его или он дослужил до дембеля? Сам он об этом не говорил, а я больше не спрашивал.

Удивительно, что в этой повседневной спитости и выяснении отношений Юра и Тамара сохраняли какие-то особенно искренние чувства друг к другу. Их мир был маленьким мирком, постоянно пропитым, иногда прокурненным, но по-своему уютным пространством душевного тепла и любви. Как-то рано утром 8 Марта Юра ушел куда-то и вернулся, брякая пакетом, с цветами. Это было Событие, переполнявшее его через край. Он просто влетел в свою маленькую комнату, и широко распахнутая им дверь жестко впечаталась в Тамарину голову,

сонно свисавшую с кровати. «Да, ты что, ...ля, совсем ох...ел!» — хрипло начала Тамара. Юра даже не пытался оправдаться. Несколько раз, заикаясь и буксуя на одном месте, он, наконец, разогнался. «Алле, понимаешь... Я это... Я тебе цветки принес». Он неуклюже ткнул букетом в Тамару, со стоном обнимавшую свою голову. И мир вдруг сразу изменился. «Юра! Юрочка!» — запричитала Тамара, — «Дай я тебя поцелую! Ух, ты мой хороший...» Буквально через несколько минут то, что только что бесчувственно лежало в постельных мохрах, свешивая взлохмаченную голову... это уже порхало по кухне, выбирая, в какую банку поставить цветы... И снова садились сначала обедать, а потом ужинать до самого утра.

А что творилось в Юрином сердце! Какие страсти в нем кипели! На себе я почувствовал это только раз. Стоя как-то вечером под душем, вдруг услышал даже не громкий стук. Это был звук вышибаемой двери. Двери в мою ванную. «Открывай, сука!» — налегая всем телом, кричал Юра. Наскоро обмотавшись полотенцем, я высунулся из ванной: «Ты чего?» «Где она?» — почти хрипел он, врываясь в ванную и отталкивая меня. «Кто?» — не сразу поняв, спросил я. Увидев, что в ванной никого нет, Юра как-то сразу весь обмяк и, медленно повернувшись, побрел в свою комнату, что-то растеряно бормоча и ругая «Тамарку». Помню, я тогда про себя долго смеялся. Как это ему такое могло в голову прийти: «Я!» (про себя поднимая руку к небу) — и «Она!» (пренебрежительный жест вниз). Какой же я был самовлюбленный дурак! Так долго жил с ними. И так ничего не понял.

А потом я уехал. Просто переехал в отдельную квартиру и стал там строить свой новый мир. А тот мир, в котором жили Юра и Тамара, ушел куда-то на задний план; как будто кто-то забросил старый хлам в темноту сарая. Навсегда.

Только один раз этот мир снова всплыл в моей жизни. Серым мартовским вечером, когда в душе было так же сыро и грязно, как на улице, раздался телефонный звонок. Это был Юра. Я сразу узнал его. И не потому, что я помнил тембр его голоса. Или там вспоминал о них... за все это время, наверное, так не разу о них и не вспомнил. Так, если, шутя, что-то к слову приходилось, в беседе с новыми знакомыми, рисуясь и пыжась показать себя таким возвышенным и особенно утонченным: Вот, жил раньше в коммуналке... были, там, хоть и алкаши, но такие вполне забавные люди... Так, вот, это был Юра. «Алле, понимаешь, ты деньгами не выручишь?» Звучал он как-то механически пусто и совершенно безжизненно. «Что случилось, Юра?»

На другом конце провода возникла судорожная пауза, что-то всхрипнуло, и его голос протиснулся через скрип слез: «Тамарка умерла. Сожгли ее на днях».

Когда мы встретились, это был другой человек. Внешне, вроде, тот же самый. И пьяный, как обычно. Но без внутреннего света и спокойного тепла. Он был пьяный и озлобленный, озлобленный на весь мир, на все ЭТО вокруг. Потому что из него вдруг вынули душу. А там внутри пусто. Совсем пусто! Больше же ничего там нет! «Тамарка, это... она пошла в туалет, и все... И я ее только утром... Всю руку себе батареей обожгла». Ему было трудно говорить, все время душили слезы. И я так и не спросил, забрал он Тамару из крематория или нет. А он, по-детски боясь говорить про смерть, уходил от этого разговора. Это была знакомая вера, что если не говоришь, что близкий тебе человек умер, то он, вроде бы и не умер. А просто вышел куда-то. Просто на дольше, чем обычно. Но он точно вернется. Вот увидите... Я точно это знаю...

Юра без Тамары. Его как будто выжали да так и оставили сморщенным. На всю оставшуюся жизнь. А сколько ее осталось, не сказали. И маялся он, и не знал, чем себя в этой жизни занять. Куда себя прикнуть. И зачем оно теперь все. Когда я уезжал, он вызвался меня проводить. И потом долго стоял на темной остановке, глядя вслед уходящему автобусу. Такой одинокий, маленький. И совершенно никому не нужный. Во всем этом мире. И мира у него никакого не было. Потому что его унесли. И сожгли вместе с Тамарой. И осталась внутри пустота. И никого снаружи. И это навсегда. По крайней мере, так было в тот момент. Или просто так казалось.

Светлана ВОЛКОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Бася-кружевница

Тук-тук, тук-тук — постукивают друг о друга березовые коклюшки. Ловко перебирают их юркие узловатые басыны пальцы, словно играет она на неведомом инструменте. Невероятной красоты кружево рождается под эту музыку мерного перестука, с вычурными узорами и тончайшей выделки зубчиками. Не иначе, как Морозко рисует на молочно-белом окне свою зимнюю сказку.

Ученица Любка воткнула булавки в сколок, на котором был выведен примитивный рисунок, и вновь залюбовалась басынами говорящими руками, белоснежными, как само кружево, с голубыми жилами вен и россыпью пигментных крапин.

— А вот еще один военный был. Влюбился в меня без памяти. Все под окном топтался с зефиром. Голос зычный у него и усы. Все умолял: «Пани Бася, уедемте, уедемте!». А лакей не пушал его. А тот ему саблей так вжих! И ухо отсек под корешок самый.

— Саблей? — Любка разинула рот и уколола палец о булавку.

— Да что ты возишься со сколком час битый, кулема! И подушку поправь, а то кружево поедет. И коклюшки распутай загодя. Горе мне с тобой!

«Вот ведь, слепая карга, а все видит!» — подумала Любка и взяла первую пару коклюшек.

Сколок, а по иному говоря, квадратик линованной миллиметровой бумаги с нарисованным будущим узором, был аккуратно наклеен на валик-подушку, а та закреплена на самодельной подставке, коей служили обыкновенные козлы для распилки дров. Козлы отдал Любке дед, но наказал, что коли к лету не научится ладно плести, то заберет назад. К лету! Тут и жизни не хватит, чтобы сотворить простенькую салфеточку, но чтобы так, как старуха эта!

Слава о Басе-кружевнице давно перевалила за границы села Федотовки, и была Бася самой настоящей районной достопримечательностью. К ней возили и местную власть, и иностранцев, показывали по центральному телевидению, как вымирающую диковинную мастери-

цу. Таких шалей, покрывал, скатертей еще поискать по всему свету — не найдешь! Правда, характер был у Баси покруче, чем у Бабы Яги, но приходилось терпеть, коль хочешь перенять у нее мастерство. Хотя Любке иногда казалось, что Бася нарочно быстро плетет и невнятно поясняет, потому как не хочет все свои тайны раскрывать. А вот помрет старая, и унесет секреты в могилу, и угаснет Федотовское кружевоплетение. Таких, как Бася, больше нет и вряд ли будет.

Любка воткнула длинные булавки с цветными головками в значимые точки нарисованного узора и распределила по ним несколько пар коклюшек. Вдохнула, поглядела, как свисают они с валика, и принялась колдовать неуклюжими пальцами. Петелька за петельку, нитка за нитку. Глянула на Басю. Та смотрела прямо перед собой, а руки так и порхали, как бабочки. Зубцы узора выходили настолько филигранными, что опытный глаз не догадался бы, где была петелька от державшей его булавки, и где, собственно, долевы нити, — все было у Баси так состряпано, что казалось, не натуральное изделие выходит из-под ее золотых ручек, а карандашный рисунок. Белый меловой карандаш на невесомой бумаге воздуха. И ведь не путается в своих коклюшках, хоть их много, не сосчитать! И нитку не рвет о потрескавшиеся гвоздики-верхушки. Ведьма! И коклюшки у нее завороченные. Не даром не меняет их лет сто, и не выбрасывает ни одной, даже расколовшейся!

Любка взглянула на свой валик. Коклюшки с нитками свисали, как бигуди на бабьей голове. Тысячу раз спрашивала у Баси, как «ручеек» плести. Убьет ведь, коли спросить еще раз. Любка взяла в ладони по паре коклюшек.

— Что ты тискаешь их, как козье вымя! Ты приласкай их, вот так, вот так, они и сами шебурушить пойдут. Следи за моими пальцами!

Уследишь тут! Пальцы эти мельтешат, не ухватить глазом, какая коклюшка на какую накладывается. Раскрасила б она их, что ли! Желтые вправо, красные влево, синие в середине. Так и собирала бы свой кубик Рубика — по цветным граням, да и то наука мудреная.

— Ну и вот. А потом скидывает он ментик свой, а под ним на голом теле монеты золотые к волосьям на груди мукой разведенною приклеены. Вся грудь и спина, потому как он грузинский князь, и спина у него тоже волосатая. Так в золотой кольчуге из монет и стоит. И к ногам бросается и каждый палец на голой моей ноге целовать начинает... И говорит, что, мол, богат он несметно. А монетки на ем позвякивают так, динь-динь-динь.

Любка вздрогнула, дернула с силой за коклюшку, и петля провалилась. Нет, либо слушать бабкины бредни, либо кружево плести. А два дела Любка делать не умеет. Кружево требует предельного внимания и сосредоточенности.

— И председатель тоже с гешпанцами на двор мой прикатили. Это еще беженцы, с войны. И говорят мне гешпанцы: «Пани Барбара! У нас таких мантилей даже в Андалусии не плетут!». И студебеккер новый дарят мне, чтобы я Каролину им отдала. А я ни в какую. Без Каролины, говорю, мол, жизни моею не будет. И Федотовка до тла сгорит. Ведение мне было.

Вот ведь, старая маразматичка! Князь грузинский! Испанцы с председателем! Любка опять неудачно зацепила петлю.

— А что за беженцы?

— Ну так с войны, дурья твоя башка!

— С какой войны?

— С какой, с какой! С кем там гешпанцы воевали? Чему вас в школе учили?

— С маврами, кажется...

— Ну вот. От мавров бежали. И ко мне. Продай, мол, им Каролину! Чтобы от мавров избавиться! Или обучи так же плести. Карлиц монастырских с Толедо своего ко мне подогнали в ученицы. А я их на порог не пустила...

Каролина — легендарная мантилья изысканной красоты, которую Любка не видела, но видели старожилы в деревне. Плела ее Бася год, и более повторить узор тот не могла. Видимо, Каролина эта была венцом ее беспокойного гения.

— А еще испанцы с фашистами воевали, — Любка воспользовалась паузой в басиной работе, чтобы рассмотреть великолепный ажур салфетки, уже почти готовой, свисавшей с басинового валика.

— И фашисты меня пытали! Чтобы я им Каролину отдала, а то удачи Третьему Рейху не будет. А я их тогда обоих утюгом горячим по мордам фашистским. И не отдала Каролину.

— Обоих?

— Ну да. Два немчика в галифе выклянчивали. Но после утюга... — Бася задумалась, видимо припоминая. — А потом пан Олек приехал, завернул меня в ковер. И увез в Познань. А я из-под венца сбежала и сюда, в Федотовку. За Каролиной. А пан Олек застрелился с горя, так любил меня!

И снова застучали басины коклюшки. Тук-тук, тук-тук. Не угнаться Любке взглядом за корявыми колдовскими пальцами. Бася же продолжала путанный рассказ. Дед предупреждал Любку, чтоб не перечила. А то взбрыкнет бабка, и прогонит взащей, как прогоняла всех учениц.

Откуда появилась белокожая пани Барбара в заунывной Федотовке, никто и не знал. А было это в конце тридцатых, перед самой войной. Влюбила в себя всех мужиков, что правда, то правда. Привирает бабка в побасенках своих, но истина где-то недалеко: с ума по ней сходили многие. Да только многих этих война и унесла. Бабы ненавидели ее. Да и баб тоже война кого покосила, кого преждевременно состарила. Работала Бася в колхозе, считала скудные трудодни. А недавно совсем объявился некий Збышек, заявил, что внучатый племянник и хочет, мол, Басю домой в Польшу увезти. Бумажками тряс в администрации, народ дивился только: чай, не миллионерша, все богатство ее — редкостное мастерство кружевоплетения. Бася прогнала Збышека на виду у всей деревни. Заявила, что он агент ЦРУ, и что выведывает-вынюхивает о пропавшей Каролине. Не верит, мол, Америка, в пропажу ажурной мантильи.

— А пропала она, когда паспорта Хрущев колхозникам давать стал. Я в город выбралась. Вернулась, ан нет ее. Все слезы выплакала, всех сыскарей районных на уши поставила. И пошли дела в Федотовке грустные: ни одного путного мужика, ни урожая хорошего, ни свадьбы широкой!

Любка снова отвлеклась от плетения. История о сказочной шали-Каролине завораживала ее еще в детстве, и просила маленькая Любка бабушку свою рассказывать о ней вновь и вновь перед сном и засыпала после этого сладко.

— Дуреха ты. Семнадцать тебе стукнуло, а жениха все нет. Меня в четырнадцать на дрожках связанную увезли.

— Куда увезли?

— В лес. Замуж. Ксендз там ждал. Повязали мне красные ленточки на запястья...

Тихо постукивают друг о друга березовые коклюшки. Споро вылезают «ручеек» из под непривычных любкиных рук. Быстро курчавится кружево-пена, молодая и старая кружевницы перебирают свои коклюшки, словно струны воздушной арфы.

— А потом Павел бросил семинарию свою, сан принимать не стал, и ко мне в ноги. «Уведу тебя, пани Падеревска, в Сингапур!». «Почему в

Сингапур?» — спрашиваю. «А», — grit, — «там дворец тебе подарю, только одно условие: на свадьбу фату себе сама сплети. Лучше Каролины». А как же лучше Каролины-то? Не могло быть такого! Ну и не уехала я с семинаристом.

Тихо постучали в оконную раму. Любка вскочила, отворила створку, впустила свежий апрельский воздух. Две седые головы в треухах заглянули в комнату.

— Ну что там твоя Старуха Изергиль? Сильно сердитая сегодня? — спросил один из стариков, дед Леонид.

— Да вроде ничего, — шепотом ответила Любка, покосившись на Басю.

— Варвара Адамовна, пойдешь с нами на поминки-то? Сорок дней, как Прокоповну схоронили.

Бася бережно высвободила сучковатые пальцы от коклюшек.

— Ой! Мальчишки пришли!

Поправила рукой седую прядь волос, выбившуюся из-под косынки.

— А то! Знамо быть пойду.

Встала, задвинула занавеску, приосанилась, подошла к желтому платяному шкафу, вынула откуда-то из необъятного лифа маленький металлический ключик с круглой головкой и вставила в замочное отверстие. Скрипнула старая дверца, явив взору полки с аккуратно сложенным «приданым» — пододеяльниками, простынями, наволочками. Шустрая басина рука ловко выудила тончайшее белое кружевное облако и накинула на плечи. Любка обмерла. Мантилья неземной, ангельской красоты обнимала плечи ее наставницы-Бабы Яги. Каролина! Значит, не украли ее!

— Идти надо. Поминки — событие светское. Кавалеров-то будет, не счесть!

И засмеялась звонко так, потрясая белоснежными зубчиками чудошали. И прекрасна была в тот миг, словно сказочная королева.

Любка, затаив дыхание, наблюдала за этой нездешней белой птицей, словно боясь спугнуть божественный момент, веря, что одно неосторожное движение, и исчезнет она. Вместе со своей Каролиной. Улетит в свою заоблачную Полонию, как бело-призрачная Птица Счастья. И Федотовка исчезнет вместе с ней. Это Любка знала наверняка.

Елена КИСЛОВСКАЯ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Чужие письма

В больничной палате сгушались сумерки. Свет фонарей ложился неоновыми прямоугольниками на пол, в них сплетались в причудливом танце тени от ветвей деревьев. Сквозняк шевелил серебристую нить «дождика», привязанную к спинке одной из кроватей. Юрий Петрович остался в палате один: приближалось Рождество, и больные разошлись по домам — даже тех, кто чувствовал себя неважно, забрали родные. Ему идти было некуда. Дома он лишился давно. Банальная, в общем, история: жена умерла, Юрий Петрович стал пить, заглушая тягучую тоску и пытаясь заполнить пустоту в душе, а дочь с зятем не захотели терпеть его в одной квартире. Правда, на улицу не выгнали — купили ему комнату в малосемейке. Но вот как он умудрился эту комнату на кого-то переписать, и переписал ли на самом деле, в его памяти не отложилось совершенно. Мог, конечно, поставить свою подпись под любой бумажкой, если взамен предложили выпить. Словом, очнулся как-то на улице без денег и документов. Сунулся в комнату — в ней уже жили какие-то люди, которых он и в лицо не знал. Дочь к тому времени продала квартиру и уехала, с работы его давно выгнали, бывшие друзья старались просто откупиться — кому нужны чужие проблемы? Так Юрий Петрович, в прошлом толковый инженер и уважаемый человек, стал бомжом. И не то чтобы совсем махнул на себя рукой — писал дочери, но ответа так и не получил, пытался восстановить документы, найти хоть какую-то работу... Характер оказался слабоват, настойчивости не хватило, да и срывался время от времени, уходил в запой, терял даже то малое, что удавалось исправить, приобрести. Но окончательно его подкосила история, начавшаяся больше года назад.

...Шел октябрь: зарядили дожди, приближались холода. Юрий Петрович кормился тем, что оставалось на огородах. Ему сегодня повезло: удалось насобирать немного картошки, зеленых помидоров, выпросить в магазине соли, так что его ожидал неплохой ужин. Наступал вечер. Последнее осеннее тепло сменилось зябкой сыростью. Потрескивал костерок. Юрий Петрович время от времени подбрасывал в

него старые газеты, дрова — остатки оконных рам, подобранные возле мусорных контейнеров. Порыв ветра заставил поежиться, пригнул к земле пламя, швырнул к ногам какие-то открытки, конверты, исписанные тетрадные листки. Рука невольно потянулась к одному из них. Это оказалось письмо, написанное детской рукой. Юрий Петрович никогда не читал чужие письма и осудил бы каждого, кто попытался это сделать, но первые же строчки вызвали у него какую-то безотчетную тревогу: «Дорогие дядя Вова и тетя Люда! Наша воспитательница Мария Васильевна сказала, что вы хотите забрать меня к себе и я буду ваш сын». Та же тревога заставила его читать дальше: «Когда вы уехали, наши ребята спорили, кого вы заберете, а потом обижались, что выбрали меня. А Мария Васильевна сказала, у каждого будут мама и папа, только потом. Ваши конфеты я всем раздал, только мне очень хочется пожарную машину. Я такую видел у мальчика на улице, когда мы гуляли. Но если вы приедете без машины, все равно буду рад. Ваш Миша». И адрес: такой-то город, такая-то улица, детский дом №... Юрий Петрович поднял еще два таких же листка. Начал читать, и сердце его защемило: «Дорогие дядя Вова и тетя Люда! Я вас очень жду, а вы все не едете. Ребята говорят, я вам не понравился, только я не верю. Мария Васильевна говорит, чтобы я подождал, и я жду. Приезжайте скорее, и не надо мне машины. Я вырасту и сам ее куплю. Ваш Миша». Затем снова адрес, и ниже — рисунок цветными карандашами: две больших фигурки, в которых угадывались мужчина и женщина, а между ними маленькая. Рядом — кривобокий домик. Следующее письмо вызвало у Юрия Петровича слезы: «Здравствуйтесь, дядя Вова и тетя Люда! Вы, наверное, взяли себе другого мальчика. Я не обижаюсь и буду вам рад, когда приедете. Мария Васильевна говорит, нам и в детском доме всем хорошо, только я все равно скучаю. Приезжайте. Миша». Больше писем среди газет и бумаг не нашлось. Юрий Петрович отчаянно пожалел одинокого маленького мальчика, поверившего взрослым людям и обманутого ими. В нем зародилось непреодолимое желание — во что бы то ни стало купить и подарить ребенку ту самую пожарную машину, о которой он так мечтал.

С этого дня оно стало для него единственным смыслом, ради которого стоило жить. Пожилой изверившийся человек, он брался за любую работу, копил копейку к копейке, следил за собой, оборудовал в заброшенном общежитии комнатку, вставил в окна стекла, навесил дверь, благо имелись в достаточном количестве старые рамы со стеклами и двери у мусорных контейнеров после установки пластиковых

окон и дверей, собрал и подремонтировал выброшенные диван и кресла, нашел вполне приличный стол и даже соорудил нечто вроде «буржуйки»: она и комнату обогревала, и воду на ней можно было вскипятить, и лепешки кой-какие испечь. «Коллеги»-бомжи сначала посмеивались: дескать, спятил совсем Петрович, жениться, никак, надумал, а когда узнали настоящую причину, проявили в большинстве своем понимание и поддержку, подсказывали, где подзаработать можно. Деньги на игрушку (есть же люди, которые спокойно покупают такие дорогие машины своим детям!) удалось накопить только к лету. Продавщица с недоверием и опаской следила за Юрием Петровичем до последней минуты, пока он не выложил на прилавок требуемую сумму, брезгливо пересчитала деньги и только после этого вручила ему коробку с огненно-алой, словно лакированной машиной. Потом с месяц пришлось копить на отправку посылки — разве можно было заранее предположить, что почтовые услуги так подорожали?! И, наконец, настал долгожданный и торжественный день, когда подарок был упакован и отправлен. Фамилии мальчика Юрий Петрович не знал, поэтому адресовал посылку Марии Васильевне — Миша в детском доме почти наверняка не один, а воспитатель с таким именем точно одна. С обратным адресом тоже проблемка вышла — у бомжей, как известно, адресов не бывает, пришлось указать адрес Варвары, бывшей соседки по малосемейке: она жалела Юрия Петровича, подкармливала, отдавала вещи покойного мужа. В письме, вложенном в посылку, он написал: «Уважаемая Мария Васильевна! Ко мне совершенно случайно попали письма вашего воспитанника Миши — его хотели усыновить Людмила и Виктор (отчество и фамилии не знаю). Не берусь судить этих людей, да пока и сам не имею возможности стать отцом для мальчика, но очень хотел бы подарить ему пожарную машину, о которой он мечтал. Если сочтете нужным, скажите — отец прислал. Улажу свои дела — постараюсь приехать сам. Заранее признателен...».

В первый месяц после отправки посылки Юрий Петрович летал, как на крыльях, развил бурную деятельность по восстановлению документов, обратился в милицию с заявлением о неправомерном захвате принадлежащей ему комнаты, договорился о работе сторожем. Ему все удавалось, все казалось достижимым. К концу второго месяца его пыл несколько поубавился, к концу третьего почти сошел на нет: ответа из детского дома не было, с документами тянули, в милиции разговаривать не хотели, а на работу без паспорта и прописки не брали. Пролетела осень, наступила зима. В декабре на Юрия Петровича обруши-

лось несчастье: какие-то отморозки взломали дверь комнатенки, в которой он жил, разбили мебель и утащили печку, спасавшую его от холодов, — скорее всего, сдали в металлолом. Ему оставалось ютиться в подвалах с такими же, как сам, ночевать в канализационных шахтах, где все-таки было теплее. Результат не замедлил сказаться: простуда, грипп, и в больницу его, потерявшего сознание на улице, доставила «скорая» с диагнозом «пневмония».

...Юрию Петровичу в этот вечер было как-то очень спокойно: без радости, но и без страданий. Где-то в конце длинного больничного коридора приглушенно звучала музыка, слышались голоса и смех: дежурные сестры и врачи готовились встречать Рождество. А ему хотелось впасть в забытие и уже из него не выходить. Из оцепенения его вырвал знакомый громкий голос:

— Ты че, Петрович, в темноте лежишь?

Щелкнул выключатель. В дверях стояла Варвара:

— А ну-ка, поднимайся! Я тут тебе горяченькой картошечки принесла с мясом, помидорчиков, компот твой любимый с персиками открыла. Давай, Петрович, вставай! Щас тебя покормлю, да и домой потоплю — дочка с внуками придет. Праздник святой никак!

Юрий Петрович с трудом разлепил пересохшие губы:

— Спасибо, Варя, мне ничего не нужно.

— Нет, так не пойдет. Вот поешь — я тебе новость хорошую скажу.

Что-то с Варварой было не то — она излишне суетилась, нарочито грубовато с ним говорила. Юрий Петрович через силу улыбнулся:

— Ладно, корми, не отвяжешься ведь.

Он с трудом проглотил несколько ложек и откинулся на подушку:

— Ну, давай теперь свою хорошую новость.

Варвара шмыгнула носом и достала из кармана длинной вязаной кофты конверт, при виде которого у Юрия Петровича дрогнуло сердце.

— Вчера пришло — ты прости, что сразу не принесла.

— Читай скорее!

Варвара надорвала конверт, вытащила исписанный листок, прокашлялась:

— «Дорогой отец!»

— Варя, повтори!

— «Дорогой отец! Пишет тебе твой сын Михаил».

— Дальше, Варя, дальше!

— «Прости, что долго не отвечал, — твое письмо нашло меня не сразу.

Спасибо Марии Васильевне — она разыскала меня спустя почти двадцать лет и переслала твою посылку. Правда, я вот уже пять лет вожу огромный «БелАЗ», но мой сын, а твой внук Артем был от машины в восторге, так что считай, ты доставил радость нам обоим. О себе расскажу коротко: закончил техникум, получил хорошую рабочую профессию, платят неплохо. Женился, квартиру пока снимаем, но, думаю, скоро обзаведемся своей. Очень хотел тебя увидеть, но пока не получается: работаю вахтовым методом, дома буду через пару недель. Жена и сын очень хотят с тобой познакомиться, так что приедем вместе. Я понял, у тебя какие-то неприятности — не переживай, решим их вместе. Поздравляю с новогодними праздниками и Рождеством, желаю здоровья, а остальное приложится. До встречи. Твоя семья: Артем, Михаил, Валентина».

У Варвары и так срывался голос во время чтения, а тут она и вовсе зашмыгала носом, вытащила платочек, шумно высморкалась и вытерла слезы.

— Ты это, Петрович, не переживай, — встретим твоих как полагаются. Поживут пока у меня, а там и твои проблемы решатся — за тебя заступиться теперь есть кому, вон какой сын замечательный нашелся!

— Варя, ты ангел! Спасибо тебе!

— Да че уж там! Скажешь тоже — ангел! В центнер весом! Выздоровливай, а я пойду — меня мои оглоеды заждались.

Варвара ушла. За окном совсем стемнело. Юрий Петрович плакал, не стесняясь, а рука его бессознательно гладила дорогое письмо. Он был абсолютно счастлив. А ночью ему приснился удивительный сон — он шел по зеленому лугу и вел за руку маленького мальчика, прижимавшего к груди ярко-красную машину.

Наталья ГАГАРИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Кот Томас

(быль)

«Любимый мой, — Анна прижала к груди Томаса и поцеловала его волосатую мордочку, — поскучаешь без меня два дня? Только два дня, милый. Я быстро: туда — и обратно. Я все приготовила тебе: и вода, и корм, и свежий наполнитель в твоём туалете — хватит даже на неделю». Томас все понимал и смотрел на хозяйку преданными влюбленными глазами, мол, иди... отпускаю, не волнуйся, дома все будет в порядке. Ну, вот и хорошо, успокоилась Анна, поцеловала кота еще раз и, повесив на плечо дорожную сумку, исчезла за дверью. Томас услышал звук закрывающегося замка входной двери и привычно, хозяйской походкой, направился к дивану. Он ел, пил, справлял свой туалет, намывал лапой мордочку, чтобы встретить хозяйку красивым и ухоженным.

Через два дня холеный, изнеженный персидский кот Томас был очень удивлен, что хозяйки долго нет дома. «В конце-то концов, — думал он, вальяжно развалясь на мягком диване, — пора бы уже и покормить меня. И воды свежей налить».

Прошли еще два дня, потом еще два дня, но в квартире так никто и не появился. Томас начал волноваться. Какое невнимание к хозяину! Он всегда считал себя главным на этой жилплощади. Здесь ему принадлежали все комфортные места, и ухаживала за ним добрейшая Анна. Ее он обожал! И любовь их друг к другу была взаимной. Человек и зверь. Домашний, изнеженный, элитный, но зверь! Однако они понимали друг друга, общаясь каждый на своем языке, и это была их семья — кот и женщина. Анна вкусно его кормила, мыла лапки и его туалетную площадку душистым шампунем и каждый день расчесывала шерстку щеткой. Томас понимал все, о чем говорила Анна, и всегда внимательно выслушивал ее — надо же ей выговориться кому-то.

«Где она ездит так долго? — беспокоился кот. — Сама-то, наверно, поела, попила и пописала! Уж не появился ли у нее кто-то на стороне, — ревниво думал Томас».

Он нервно бегал по кругу: миска — окно — миска — дверь — и выражал недовольство коротким мяуканьем.

Прошла неделя. Томас, потянувшись и изящно выгнув спину после ночного сна, опять подошел к своей миске. Пустая. Вернее, были в ней какие-то крохи, но он никогда не доедал до конца занюханые остатки еды. Но голод не тетка! Он догрыз все остатки и тщательно вылизал миску. Из другой — допил воду и важно пошел в туалет. Его плошка с наполнителем уже дурно пахла. Он поморщился и брезгливо уселся в нее. Закончив туалет, он тщательно зарыл «следы» и опять пошел на кухню к миске. Миска сияла, как новая, — так чисто он ее вылизал! Еще один день прошел в тоске и ожидании. Томас сидел на подоконнике и грустно глядел в окно. Когда в животе особенно урчало и мучило его, он подбегал к миске, но там по-прежнему ничего не было. Ночью, как и все нормальные люди и коты, он спал. Своего специального места у него не было, вернее, своим местом он считал кровать, где спала Анна. Он всегда устраивался рядом с ней и спал, похрапывая, как будто это и не кот вовсе, а маленький небритый карлик.

Прошли 10 дней... Никто не приходил. Томас уже не злился. Он начал волноваться не на шутку. Своим звериным чутьем он угадывал, что с хозяйкой случилось несчастье. Именно несчастье, а не просто его бросили тут одного. И от этого чувства Томас как-то весь внутренне собрался и решил во что бы то ни стало дожидаться Анну. Он так решил! Это было своего рода единение с ней духом и преданной душой.

Его маршрут был выверен: миска — окно — миска — дверь. И на разведку — в туалет. Хотя, что там делать, в туалете? Есть-то уже давно было нечего!

Вода тоже кончилась, и Томас с удивлением смотрел на свои пустые миски. Они казались ему чужими и бесполезными. Иногда он принимался гонять их лапой по полу — такие они были легкие! За окном день сменял ночь, дверь была закрыта, и голодный Томас, усевшись перед ней, стал звать на помощь в надежде на то, что хоть кто-нибудь его услышит. Никогда прежде он не мяукал так громко. Мяукая, он оглядывался по сторонам, но никого не было, и никто не появлялся на этот призыв о помощи.

«Куда все подевались? — думал он. — Так и умереть можно от голода!» И начинал мяукать опять. С каждым разом его голос становился громче и громче, а зов все протяжнее и жалобнее! «Помогите! — мяукал кот. — Помогите!» Но никто не слышал его.

Кто бы мог подумать, что этот элитный красавец-перс, неженка, привыкший есть с руки лакомые кусочки, а вечерами сидеть на коленях Анны у телевизора с почесыванием и поглаживанием, способен бороться за жизнь. За свою жизнь, думая о своей хозяйке. Она была его звездой, его спасительницей. Ради нее он должен и обязан совершить подвиг: выжить! Во что бы то ни стало, выжить!.

Голод превратился в монстра, сидящего внутри и мучавшего свою жертву. Томас начал лапами скрести дверь холодильника, пытаясь открыть его. Он точно знал, что уж там-то есть чем поживиться. Но дверь не поддавалась и, обессилев, он оставил эту затею.

Голодный кот, слабеющий с каждым днем, сидел у окна и сосредоточенно думал, что делать. Раз так вышло, что приходится жить одному в этой квартире, он должен сам себе искать пищу. Он должен выжить и дожидаться свою Анну... Томас начал обследовать все места на кухне, где Анна хранила продукты. Легко сказать — достать что-то, а ты попробуй, когда дверки буфета такие тяжелые, а ручки вообще лапой не ухватишь! Но Томас чувствовал, что там, за этими дверками, что-то есть. Наверняка есть! Может быть, даже его любимый «Вискас» — эти вкусняшки-подушечки с мясным паштетом! И он вновь остервенело пытался открыть лапами дверку буфета. Он скреб ее изо всех сил! Останавливался передохнуть на какое-то время, улегшись тут же на полу, и опять принимался за работу.

«Надо же, зараза! Какая тяжелая, подлюка! И как это Анна открывает буфет этот?!» Он безмерно зауживал хозяйку за ее силу и ловкость, но, вспомнив про свой голод, опять начал работать с дверью. «А что делать? — думал он. — Надо открывать самому!» Томас возился с дверкой буфета целый день, делая короткие «перекуры». Он считал себя особенным котом, умным и важным, поэтому не переставал верить, что дверку буфета ему все-таки удастся открыть.

К вечеру, изнемогая от усталости, голодный и обессилевший, он умудрился как-то зацепить дверку снизу, и она чуть-чуть приоткрылась. Тогда одной лапой он подцепил ее, а другую просунул в щель сбоку. Потом в образовавшуюся щель вместе с лапой ему удалось просунуть внутрь буфета и всю морду. Теперь его голова была внутри буфета, а все тело оставалось снаружи. Выждав несколько секунд с прищемленной головой, он начал лапами помогать ей освободиться, но голова была зажата дверью, как тисками, а сил уже почти не оста-

валось. Однако кошачий нос уже почуял нечто съедобное, а голод заглушал боль в защемленной дверцами голове.

Цепляясь изо всех сил когтями за все что ни попадя, кот протиснул свое большое мохнатое тело внутрь буфета. Дверка тут же закрылась за ним, и Томас оказался в полной темноте и тесноте. Все! Победа! Он внутри и он спасен! Так думал кот. Ужасно хотелось есть! Томас начал обследовать содержимое шкафа. Там стояли пустые кастрюли, сковородки и прочая посуда. Он грохотал этими кастрюлями, в темноте пролезая между ними. И тут он обнаружил пакет! Быстро разорвал его когтями, и... его лапы утонули в мягкой сыпучей массе, морду и глаза сразу чем-то залепило. Кот попытался отряхнуться. В теснотище, где не только отряхнуться, но и повернуться было невозможно, чем активнее он отряхивался, тем больше и больше обваливался в неизвестном ему порошке. Да и откуда было знать коту о существовании муки...

Пробираясь далее между крышками и кастрюлями, он обнаружил второй пакет... Томас разорвал зубами и когтями упаковку. В пакете оказались макароны и, ухватив макаронину, кот начал ее грызть. Она оказалась вполне съедобной! Голодный кот сгрыз ее всю и остался доволен. Он был горд, что сам себе нашел пищу! Но очень хотелось пить. Он гремел и гремел пустыми кастрюлями внутри шкафа, пытаясь найти еще что-нибудь ценное, но там не было больше ничего. Просидев всю ночь в темном закрытом шкафу, Томас начал думать, как выбраться на свободу. В щели между дверцами уже пробивался дневной свет, маня кота наружу и придавая ему силы. Оказалось, что выйти наружу гораздо легче, чем войти внутрь буфета. Только навались на дверку, и она сразу открывается. Но Томас был умный кот! Он вспомнил, как тяжело далось ему проникновение внутрь буфета, поэтому решил прихватить макароны с собой. Томас брал зубами каждую макаронину и проталкивал ее в дверную щель. Макаронина ломалась, но пролезала наружу. Решив, что обеспечил себя провиантом, кот выбрался из буфета. Настроение у него было приподнятое. Еще бы! Он провернул такую операцию! Хотелось похвастаться кому-нибудь. Рассказать о своих успехах, но вокруг по-прежнему не было никого. Томас сидел довольный, весь густо обсыпанный мукой, похожий то ли на покемона, то ли на снежного карлика, но это неважно. Важно, что у него теперь были макароны! Была пища!

Очень хотелось пить. Но воду из миски он всю вылакал еще вчера. И на кухне воды не было, кроме той протухшей, что была в вазе, в которой стояли завядшие цветы. Обойдя квартиру, он обнаружил, что в умывальнике неплотно закрыт кран, и оттуда чуть-чуть капает вода. Томас уселся на край умывальника и, не сводя глаз с крана, ждал появления капли. Вот она набухла на кончике крана и уже почти готова сорваться вниз. Но не тут-то было! Томас ловко слизал ее языком и ждал следующую. Вот набухла вторая... ага! Слизал! Он радовался сам себе, что такой умный и ловкий. Томас поджидал каждую каплю с интересом и давал ей набухнуть побольше, чтоб было что слизывать. Это понравилось ему, и теперь кот сидел на краю умывальника целыми днями, ловя капли.

Устав от этого занятия, Томас шел к входной двери и начинал звать Анну. Он голосил громко и протяжно. Порой это был отчаянный крик умирающего животного, а иногда жалобный, безнадежный плач. Несчастный кот часами сидел перед дверью, покачиваясь всем телом и глядя в одну точку. Он понимал, что с Анной что-то случилось. Не могла она его бросить вот так — одного, голодного и беспомощного! Он чувствовал своей маленькой, преданной душой, что с его хозяйкой произошло несчастье. И оттого, что он ничем не может помочь ей, кот страдал по-звериному, всей своей плотью. Слезы двумя влажными дорожками бежали из его глаз, и он голосил протяжно и жалобно, вытирая лапами мокрую мордочку.

Томас худел с каждым днем. Силы оставляли его. Он уже не мог лазить в шкаф за макаронами, потому что не было сил открыть тяжелую дверку. Вылизывая на полу просыпанную муку, кот залеплял себя ею все больше. Смешиваясь с водой, слюной и грязью, мука скатывалась в тесто, и эти шарики, засыхая, висели у него по всей шерсти. Облизывая себя, он находил эти крохотные шарики и съедал. Наверно, в душе он благодарил своего кошачьего бога, что тот посылает ему хотя бы эту пищу в виде съедобных шариков...

Силы оставляли его. И Томас почувствовал, что это конец. Он уже не мог прыгнуть на умывальник, чтобы ловить капли воды из крана. У него уже не было сил даже просто двигаться, и он сутками лежал в одной позе перед входной дверью. Тощий, грязный, залепленный мукой, как алебастром, он напоминал чудовище, маленькое, жалкое чудовище, и он сам осознавал это. Выбрав самое темное место между стеной и шкафом, измученный, страшно исхудавший и вконец обесси-

ленный, кот приготовился умирать. Он лег, положил голову на передние лапы и затих... Лишь кончик хвоста слегка подрагивал, и по маленькой залепленной грязной мукой мордочке текли слезы...

Он не слышал, как гревели ключами в замках двери, но он услышал свое имя, произнесенное таким родным и любимым голосом... «Анна...» — мяукнул из последних сил Томас...

Анна нашарила руками кота, удивляясь, как он мог пролезть в такое узкое место. Взяв этот грязный, легкий, как перышко, комочек, она плакала и, целуя его, повторяла: «Томушка, милый мой, ты жив... жив, родной мой, ты жив! Дождался меня...» От нее пахло лекарствами, и этот резкий, чужой и противный запах сразу наполнил все пространство квартиры... Она тоже боролась за свою жизнь, и в ее мыслях тоже был ее любимый кот Томас, который умирает без ее помощи... Они спасли друг друга...

Томас провел в одиночестве больше месяца. Но как верный и преданный кот он выжил и дождался свою хозяйку!

Бекет КАРАШИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Дядины забавы

...Был у меня дядя, муж дочери моей бабушки. Тракторист. И зимой, и летом носил огромные кирзовые сапоги. Летом он работал на сенокосе, а зимой волюнил и бил баклуши. Притопав к нам пешком по зимнему снегу и оставив на нем огромные следы своих сапог, отлеживался, ел, да спал, как на курорте.

Родители были всегда на работе, дома оставались мы с бабушкой. От скуки и безделья дядя придумывал потешные забавы. Например, заставлял меня бороться с его ногой, а была она толстая, как у слона, побороть ее было невозможно. Довольный победами своей ноги он хохотал. Хохот его был потрясающим. Сотрясал стены, пугал спящую бабушку, которая, просыпаясь от страха, ругалась:

— Это опять ты, чудище, не даешь людям покоя!

Дядя на вид действительно был чудовищно огромным и страшным. Йети, да и только. А еще он научил меня играть в «дурака» на «щелбаны». Выиграть у него было невозможно, — дока. Играли до тех пор, пока моя голова не разбухла от шишек. Ему нужна была потеха, а потешаться он мог только надо мной, да еще, пожалуй, над нашим козлом.

Козла он приучил есть махорку и окурки, да так, что превратил его в наркомана. Двор наш был чист до неприличности — козел ел не только окурки, но и пустые табачные пачки. Он жирел от табака. Летом весь домашний скот отправлялся на выпас в степь, а этот был поселковым бродягой. Шел к различным конторам, чтобы устраивать никотиновый обед. Так он избегал участи быть зарезанным, ибо все воспринимали его не как животное, а как дворника.

На перемену в поведении козла бабка особого внимания не обращала, но дядины издевательства надо мной простить не могла.

— Ты что сделал с головой ребенка, хочешь, чтобы он стал слабоумным?! — набрасывалась на него она. — Иди к себе домой и щелкай по головушке своей женоушки, под черепом которой вряд ли есть мозги, коль они выдали свое туловище за такое чудище! — поносила она и дядю, и свою дочь. Обиженный на тещу он отчаливал к себе, а за ним увязывался и привязавшийся к нему козел.

* * *

Ежедневно по утрам бабушка затапливала печь. Но иногда из-за отсутствия тяги дым валил в комнаты.

— Поднимись на крышу, кажется, это чудовище опять закупорило трубу, — давала мне задание Ба.

Новое появление дядя венчал триумфальным приколом: он забивал трубу тряпьем. А сам смывался куда-то за соседние дома и хватался от уморы за живот, наблюдая, как я, вскарабкавшись на крышу и обмазываясь сажей, вытаскиваю из трубы его проделки. Никто другой этого сделать не мог: на свежем снегу были видны только единственные по размерам на всю округу следы его сапог. На это указывали и следы козла, который прилип к нему, как собака.

— Это он возмещает свою обиду на меня, — догадывалась бабушка.

Было понятно, — безделье, скука и желание забав брали верх над обидой. Через некоторое время, обращаясь ко мне, она приказывала:

— Иди, позови его, замерз, наверное. Чай уже готов.

* * *

Как-то во время школьных каникул дядя уговорил меня поехать с ним на сенокос. На полевом стане метаморфозу с превращением козла в наркоманы и дядюшкиной роли в этом я рассказал всем. Особенно она понравилась нашей поварихе Анастасии, вдове ветерана войны.

Козла, как своего неразлучного спутника и приятеля, дядя и на этот раз взял с собой. Пока косари были в поле, он болтался на полевом стане, «общаясь» со стряпухой. Она была довольна тем, что ей не приходилось подметать окурки после нашествия косарей к обеденному столу под открытым небом. Козел, по-видимому, был тоже доволен, так как Анастасия разнообразила рацион его питания, добавив к никотиновым порциям остатки пищи.

Так как дядя и повариха были ровесниками, то традиционно и постоянно перешучивались. Шутки Анастасии были с перчиком, но у дяди они чаще носили плоский, а порой принимали грубовато сальный характер.

— Твой покойный муж, да простит меня его прах, сломал хребет фашисту, но в боях с тобой надорвал свой, — эта фраза была устойчивой фабулой дядиной перебранки с Анастасией.

— Тебе этот подвиг не грозит, какая баба подпустит к себе, коль ты весь пропах соляжкой и козлиным духом, обляпан шерстью этого наркомана, — парировала его выпад Анастасия.

— Я хотел сказать, что ты еще в соку и состоянии ломать хребты и другим мужикам. Ночью к тебе...

— А откинуть копыта не боишься? И без тебя хватает вокруг бродячих козлов, норвящих протиснуться ко мне под одеяло. Не хочу осквернять память о супруге своем, благороднейшим был человеком, — скрипела тоска в голосе поварихи.

— Да брось ты, ведь у него рога под землей уже не вырастут.

— У него-то не вырастут, а вот у тебя... Скалишься тут, хватаясь за рога, будто примеряешь и хочешь натянуть их на себя, а твоя-то жеманушка в селе...

Такой укол дядя не выдерживал, замыкался в своих угрюмых подозрениях и думках. Видимо, затаив на повариху обиду, он размышлял, каким образом взять реванш за свое поражение на словесном ристалище.

Однажды он привез из скотобойни какой-то кусок мяса и подложил его в котел. Временами он заговорщически перешептывался с другими трактористами, прикладывая указательный палец к губам. Когда мясо сварилось, его выложили на поднос. Анастасия хоть и была стряпухой, но животноводческими и анатомическими знаниями не обладала. Не знала и национальных традиций раздачи кусков мяса и костей во время приема пищи по определенным критериям и рангам. Дядя воспользовался этим и сам разрезал мясо на мелкие и средние куски, раздавая их с обычными прибаутками.

— Вот глаз, его мы дадим бригадиру, чтобы был зорким смотрителем нашего коллектива.

— А язык мы отдадим молчуну Ахмету, чтобы его прорвало красноречием на собраниях бригады.

— Анастасии сегодня вместо ребра вручим этот кусок под названием «женское счастье», — уже самым названием осчастливив доверчиво заулыбавшуюся Анастасию.

Когда блюдо и все его порции были съедены, мужики задымили куравом в предвкушении потехи.

— Как, Настя, вкусным был кусок, которым я тебя наделил, — вкрадчиво и торжественно спрашивал дядька.

— Ой, спасибоньки, было очень вкусно, не знаю, какая это была часть туши, впервой слышу о «женском счастье» и впервые попробовала, — улыбалась простодушно Анастасия.

— А знаешь, какую часть туши ты съела?

— ???

— Ну, что больше всего любят женщины, — задавал ей наводящий вопрос дядя-проказник.

По лицу Анастасии, сменяя улыбку, пробежало сомнение, в свою очередь, сменившееся конфузной краской.

— Ах ты, негодяй, — только и успела выговорить она, как тут же побежала в степь опустошать желудок, набитый источником бычьего плодородия. А вслед раздался гром варварского смеха, испущенный грубыми глотками сотрапезников.

— Хотел намекнуть этой недотроге, что вдове не грех позабавиться «женским счастьем», — самодовольно гоготал постановщик этого спектакля.

Не такой уж безобидной оказалась эта забава, — Анастасия не в силах была смотреть в глаза свидетелей этой подставы, попросилась в поселок на другую работу. После отъезда поварихи козел обрел привычку бодаться. Причем он бодал тех, кто в своих речах называл имя Анастасии, будто заступался за нее и наказывал заговорщиков.

— Привяжи козла, а то мы пустим его на бешбармак, — угрожали косари, поэтому дядя привязал его к колу. Козел постепенно угомонился, перестал пускать в ход рога, будто понял, что на привязи жизнь у него не капуста и не табак. Самим косарям без Анастасии стало туго, а без ее ежедневных с дядей словесных перепалок и вовсе скучно. Пищу готовили те, кто как-то был знаком с кулинарией. Но остальные, недовольные качеством блюд, ворчали и больше всего корили дядьку за его слишком плоскую выходку. Дядя не выдержал этих упреков и в один из дней подался в поселок. Никто не знает, как он уговорил Анастасию вернуться назад, но это произошло.

Ее приезд был отмечен с широким размахом — чтобы загладить вину, дядя привез не только ее, но и два ящика водки. Был устроен грандиозный пир. Захмелевшие косари, изрыгая обычные простецкие шутки, оглашали бескрайнюю степь своим первобытным хохотом. И тут дядя не удержался, чтобы не придумать новую забаву.

— Давайте устроим поединки, — бросил он свой клич в толпу возбужденных мужчин. Наступила пауза.

— А как? — спросил кто-то из толпы, — на кулаках или бороться?

— Начнем с борьбы, — тут же ответил дядя, — кто выйдет один на один со мной?

Снова пауза. Примерившись к гигантской фигуре тракториста, видимо, каждый решил, что это предприятие подобно самоубийству.

— С тобой может сладить только Анастасия, — как ты говоришь, она мастер ломать хребты мужикам, — хотел отделаться шуткой какой-то сморчок.

— Ну, тогда будете бороться меж собой, а я буду арбитром, — заявил дядя, словно заранее знал, что так и произойдет.

Обрадованная тем, что с моим боссом бороться не придется, толпа дала свое шумное согласие.

— Команду косарей представит Ахмет, а ты, зятек, не осрами бригаду прессовщиков, — успел взять бразды правления в свои руки дядя.

— Хорошо, — выговорил молчун и вышел в круг. Зятек тоже вышел в центр арены.

Правила борьбы по-казахски, просты, — хватайся за пояс соперника, — и вали его. Схватились. Закружились, поднимая пыль к небесам. Болельщики, разделившись на два лагеря, громко улюлюкали. Молчун Ахмет ловко оторвал зятя от земли и, поддав тело грудью, бросил, грохнув оземь.

Побежденный борец оказался настырным малым.

— Так не пойдет, я не успел ухватиться, будем биться на кулаках! — кричал он.

Дядя вынес свой очередной вердикт арбитра: «Так и быть, биться!» Ахмету ничего другого не оставалось, как принять вызов своего визави и решение рефери. Но на этот раз зятек проявил себя как умелый кулачный боец. Пока Ахмет неуклюже замахивался, чтобы ударить по-крестьянски наотмашь, зятек нанес противнику прямой и сильнейший удар в область то ли солнечного сплетения, то ли в пах. Молчун только охнуть успел и тут же согнулся от боли.

— Нечестный удар! — закричали в толпе.

— По мужскому достоинству!

— Нет, попал прямо в живот!

— Если в живот, то я отрежу свое «женское счастье», пусть Анастасия сварит его! — визжал какой-то остряк.

— Мы отпрессовали не только скошенное сено, но и вас!

— В таком случае выходите, стенка на стенку! — подлил масла в огонь дядька.

Понеслась нешуточная сеча. Прицепщики и подсобники прессовщиков тоже не удержались и бросились защищать честь своих бригад. Зараженный агрессивным инстинктом толпы ринулся в нее и козел. Только Анастасия стояла, разинув рот, не ведая, что ей-то делать. Встрешенный нешуточными последствиями своей провокации вмешался и дядя, отшвыривая из круга каждого, кто попадался ему в руки.

— Баста! — запыхавшись от разборки завалов, заорал он. Толпа угомонилась, отмывала кровь и пот. Ошеломленный взгляд Анастасии смягчился. Только козел не мог угомониться, и все норовил боднуть еще кого-то, пока и его, взяв за рога, не отбросил в сторону сценарист и арбитр этого импровизированного представления.

Когда все успокоились и задымили куревом, показалось, что кто-то пустил по кругу трубку мира.

— Эх, славно отдохнули, — итожил кто-то происшедшие события.

— А давайте теперь споем, — подладилась к общему настроению Анастасия. — Степь, да степь кругом... — затянула она, а напев подхватили те, кто как-то знал слова и музыку этой чарующей песни. Всем показалось, что к поющему хору присоединились колыхающиеся на ветру травы, и насыщенный от вечерних происшествий багряный закат.

* * *

На сенокос я ездил еще пару раз, пока дядя скоропостижно не скончался.

Когда он умер, бабушка повелела:

— Они были неразлучны на этом свете, пусть уйдут вместе и на тот, — зарежьте козла на тризну.

Через некоторое время из его принадлежностей остались лишь кирзовые сапоги, никому непригодные по размерам. Их-то я отнес на могилу, вложив туда зуб сенокосилки, колоду старых карт, пачку махорки, да отрубленные козлиные рога, чтобы дядя и на том свете косил сено, играл с козлом в «дурака», курил, оставляя окурки для своего спутника.

Весь жизненный путь и круг интересов этого человека вместились в сапоги, отпечатавшие свой последний след на месте его последнего пристанища.

«Русский Stil»
в Германии

Юмор, ирония, сатира

Алексей БЕРЕЗИН

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Ваше Благородие, госпожа Пародия!

Альберкамюзикл

«Осеверяенное небо...»

Дарья Кирсанова

Ларошфукончен бал. В стэндальную дорогу
За доризонт уйду я тропкою окольной...
Пусть я недоальфонсдоделанный немного,
О прошлом думать мне гюгорько и рембольно.

Где я, от жизни одюмевший многоженец,
Обэдгарпошлив чувства, помыслы, желанья,
Осименонивал жюльверчивых поклонниц,
Что всюду бегали за мной роменролланью.

А мне б забыть оконандойлевшие лица
Кенженщин, мной обгуберманутых когда-то,
И в муракаменной пещере поселиться,
Где не швырнет в меня никто рабиндранату.

Забыв капризы мерименчивой погоды,
В эмильзоляторе выращивая мирты,
Я притуплю гамзатхлый привкус несвободы
Большим глотком неразведенного шекспирта.

Потом введу денидидрол внутримарктовенно
И мопассанистого калия себе я...
Сойду под кафканье завистников со сцены...
И от такого счастья охемингуею.

Мать шелкунчика

*«...Сидел и слушал Дебюсси.
Люблю я «Лунный свет» у Клода.*

*...
мне почему-то снится Бах...»*

Николай Назаров

Я с детства — жуткий меломан,
Хочу признаться между прочим.
Мелодий сладостный дурман
Я ощущаю днем и ночью.

Лежу я как-то по весне
И дрыхну крепким сном младенца.
И вдруг Беллини снится мне.
Люблю я «Норму» у Винченцо.

Какой-то редкостный недуг?
Откуда сновиденья эти?
Чайковский мне приснился вдруг.
Люблю «Щелкунчика» у Пети.

Какая странная хандра!
Я о такой еще не слышал.
Мне снился Хренников вчера.
Я очень «Мать» люблю у Тиши.

Верчусь на смятых простынях
В предчувствии видений новых.
Шаинский снился мне на днях.
Люблю «Кузнечика» у Вовы.

Однажды вижу я во сне,
Как солнце спряталось за тучи.
Вдруг Алибасов снится мне,
А с ним и вся «На-На» до кучи.

Потом цветной кошмарный сон
Большим экраном развернулся —
Мне снился ЗАГС. И Мендельсон...
На всякий случай я проснулся...

Семен ОСТРОВСКИЙ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Рассмешу гиппопотама

Нелегко,
скажу вам прямо,
рассмешить
гиппопотама.
Прав, пожалуй, братец Еж —
Для острот он толстокож.

К вам гости парков и лесов

К вам,
гости парков и лесов,
я обращаюсь:
Братцы,
не обижайте муравьев —
пускай себе плодятся!
Не разрешайте малышам
чинить обиды мурашам.
Пусть знают ваши чада —
так поступать не надо.
Однако, ждет меня обед.
До новой встречи,
МУРАВЬЕД.

Молоток

Молоток приехал в гости,
но сбежали в спешке гвозди:
— Ты не друг-приятель нам,
любишь бить по головам.

Веник на карнавале цветов

Был веник
 рад
 необычайно —
 на карнавал
 попал
 случайно.
 И, став
 при звуках вальса
 в позу,
 на танец пригласил он
 розу.
 Он ей представился,
 при этом,
 нераспустившимся
 букетом.

Благодарный осел

Поздравлял орел осла...
 За ослиные дела
 Называл осла орлом,
 Награждал осла пером.

Был отмечен тот не зря, —
 И орла благодаря,
 За добро платя добром,
 Называл орла ослом.

Катя ЧЕКОВСКА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Любовь не покинет планету Земля

По дороге на работу Зоя заняла место в метро, предварительно проверив, нет ли поблизости инвалидов, беременных женщин или пассажиров с детьми. Она всегда боялась занять чужое место. Она получила пугливое воспитание, которое не давало ей жить спокойно. Не без его помощи Зоин человеческий, творческий и женский потенциал был до конца не изучен как самой Зоей, так и ее окружающими.

Воспитание позволяло ей быть деликатным, застенчивым, закомплексованным и ответственным человеком. Но никак не допускало твердости характера, умения постоять за себя, возможности отстоять свою зарплату. Воспитание не разрешало быть довольной своим отражением в зеркале, отдохнуть лишний раз с друзьями или просто ничего не делать. Воспитание, генерируемое бабушкой и такой же воспитанной мамой, заставляло постоянно работать над внутренним миром, совершенствоваться в языках, отдавать себя людям (в хорошем смысле выражения), ничего не оставлять для себя. Зоя ненавидела себя за комплексы. Перед этой проблемой воспитание было бессильно.

Зоя второй год работает в солидной компании. Ею довольны. Она справляется с обязанностями. Соблюдает корпоративную этику, трудовую дисциплину, рекомендации отдела кадров, службы качества и охраны труда. Мимо нее не проходят поздние совещания, ранние пятиминутки, красные пятницы и черные субботы. В силу того же, забывающего личность, воспитания мимо Зои прошли два повышения заработной платы, поощрительные премии и летний период отпусков. Вероятно, воспитание посоветовало руководству Зою не баловать.

По какой причине, сидя в метро, Зоя решила почистить телефон от старых смсок, непонятно. То ли свободное место в метро расположило к созиданию. То ли случайность решила пошутить с Зоей. Уже две недели как с ней ничего не случалось, поэтому готовность во что-нибудь влипнуть сидела на низком старте.

Разгребая смсные завалы, Зоя случайно нажала не ту кнопку и отправила начальнику Дмитрию Иванычу шаблонную смску следующего содержания: «Привет, единственный! Я тебя люблю».

Каждый человек рожден для того, чтобы его любили. Многих время от времени посещает любовь. Взаимная или однобокая. Глубокая или поверхностная. Счастливая или несчастная. Настоящая или суррогатная. Временная или пожизненная. К человеку своего или противоположного пола. К однокласснику, соседу, незнакомцу, другу, кумиру или, в конце концов, к начальнику.

Дмитрий Иваныч, несмотря на короткие ноги, плешь и занудный характер, несомненно достоин любви в лучших ее проявлениях. Как любой гражданин планеты Земля. Со слов секретаря Нины, так все и сложилось. У начальника Дмитрия Иваныча имеется новая жена, потому что предыдущая устарела. Даже если бы у него не было жен, он был бы достоин любви, как любой человек. В этом Зоя никогда не сомневалась. Но увеличивать количество любви в мире путем признания в любви к начальнику она не собиралась. Во-первых, потому что воспитание не позволяет ей признаваться в любви первой. А во-вторых, потому что она не любила своего начальника. Ни как начальника. Ни как Дмитрия Иваныча.

Когда мобильный телефон услужливо отчитался, что смска доставлена, Зоя пришла в ужас. Номер телефона начальника Зое полагался по инструкции для экстренной связи, а не для излияния подавленных воспитанием эмоций. Даже если внутренний мир и позволил бы ей полюбить неоднократно женатого мужчину, то недремлющее воспитание поставило бы «вето» на отсылке смсок явно домогательного толка.

Первым желанием Зои было выскочить из вагона, убежать домой и никогда больше не возвращаться на работу. Основанное на принципах Робеспьера (безупречная честность, любовь к свободе, твердость принципов, любовь к бедности, преданность делу народа), Зоино воспитание не позволило этого сделать. Сбежать, как последний трус с места преступления. Воспитание сказало, что опаздывать на любую работу, даже ту, с которой собираешься сбежать, нельзя. «Сначала сбеги, а потом опаздывай», — подтвердило воспитание, дотолкав Зою до дверей офиса.

— Доброе утро, — сказал охранник.

«Как умело он делает вид, что ничего не произошло», — пронеслось в голове Зои. — «Хотя, наверно, начальника еще нет, и телеграмма об аморальном поведении Зои Соловьевой еще не разослана».

Зоя просочилась в свой кабинет и села ждать позора.

У людей он наступает по-разному. Чаще всего он приходит неожиданно. «А вот и я, ваш позор», — говорит он и, пользуясь замешательством хозяина, начинает распространяться. В зависимости от воспитания перед встречей с позором люди обороняются или сдаются сразу. Зоино строгое воспитание не позволит ей перечить даже позору. По тем же принципам воспитание не позволит ей жить опозоренной. Поэтому Зоя села и приготовилась умереть, как только позор ступит на ее порог. Жить с позором ей не позволит не только воспитание, но и собственная гордость.

Позор не наступал все утро. Устав от ожидания, Зоя совершила выволзку из кабинета и удивилась тому, что и коллеги делают вид, что ничего не произошло. Они спокойно перекладывают бумаги, зная, что Зоя нарушила моральный кодекс. Она призналась в любви начальнику. Она посягнула на благополучие вновь созданной семьи, послав компрометирующее сообщение интимного содержания. Она изменила чистоте помыслов и романтическим представлениям о взаимоотношениях, сказав главные слова начальнику в душном вагоне. Да еще в понедельник утром. В такое время думать о любви не только невозможно, но и противопоказано. За такое халатное отношение любовь может покинуть планету Земля и поселиться там, где люди ее не найдут.

Неопределенность тяжелее любого действия. Поэтому когда в одиннадцать часов ее вызвали к начальнику, Зоя с облегчением подумала, что ее час, наконец, настал. По дороге к кабинету Дмитрия Ивановича Зоя хорошо себе представила, что чувствовала Мария Медичи на пути к эшафоту. Марии было несколько легче, потому что она знала, что ее ждет. За несколько секунд своего последнего пути Зоя заметила, что Вера опять надела туфли на каблучке. Значит, к вечеру ноги ее отвалятся. А Вова играет в компьютерные игры, значит, опять поссорился с женой. Новый парень из соседнего отдела приятно ей улыбнулся. «Жаль, что я не успела выпить с ним кофе. Он симпатичный и одевается со вкусом», — с тоской подумала Зоя. Она успела подумать о многом за несколько последних мгновений перед позором.

Жаль, что в пятницу не успела спрятать Веркины туфли. Теперь ее ноги разболются, и фитнесу придется ждать встречи с ней еще неделю. За это время Вера поправится на все пять килограмм.

Жаль, что не разрешила соседскому Сереже забрать к себе домой собаку на вечер. Сережка кормит собаку конфетами, а у Гека от этого слезятся глаза.

Жаль, что в выходные не заехала к бабушке. Она очень ждет встреч.

Жаль, что купила новые сапоги. Зря потрачены большие деньги. Лучше отдала бы их сестре Любе на новую обувь. От дешевой обуви у нее развилась плоскостопия.

Жаль, что не сходила на концерт Леонарда Коэна. Он уже немолодой и в Москву больше не приедет.

Жаль, что не выучила итальянский, потому что в Венеции хотелось говорить только на нем.

Жаль, что не родила мальчика. Или девочку.

Жаль, что не написала книгу о светлой любви. Теперь о ней говорить поздно, потому что любовь осквернена. Да и самой Зои скоро не будет. Осталось очень много, о чем можно пожалеть, но дверь начальника оборвала скорбный список невыполненных дел.

Дмитрий Иванович, покрытый испариной и впечатлениями от встречи со своим руководством, протянул Зое папку и сказал:

— В ваших руках моя судьба. Отложите все дела. Это нужно сделать к среде. Можно к вечеру. Но в четверг без этого отчета меня повесят.

Он нервно улыбнулся, то ли от того, что испугался повешения, то ли от неудобства за то, что дает ей на два дня работу, которую целый отдел выполняет в течении квартала. Зоя взяла папку и приготовилась выслушать приговор. Она приготовилась к любовому столкновению с позором. Но начальник, избавившись от папки, забыл про Зоино существование. Он зарылся в бумагах и отключил сознание. «Наверное, он решил отомстить мне с помощью этого задания», — решила Зоя. Потоптавшись в дверях, она поняла, что в ее присутствии больше никто не нуждается, и пошла в свой обратный последний путь. Так иногда бывает, что обратные пути дублируются. Для торжественности момента.

Зоя просмотрела бумаги и заметила, что в них ничего убийственно-го нет. Она налегла на работу, провела в офисе трое суток и выполнила задание. В таких авральных случаях воспитание всегда принимает сторону трудового энтузиазма, удваивая или утраивая его силы.

Работа была одобрена. Дмитрий Иванович спасен от виселицы. Жизнь у всех нормализовалась, только Зоя, ожидая позора, стала уставать. Она понимала, что когда-нибудь позор ее настигнет. Но почему он медлит? Чтобы проявиться во всей красе? Так каким бы он не оказался, он будет настоящим и уничтожающим. Маленьким или большим он не бывает.

С понедельника прошла целая рабочая неделя. Коллеги продолжали делать вид, что ничего не знают. Дмитрий Иванович продолжал потеть от встреч со своим начальством.

«Может, он не умеет читать смски?» — подумала Зоя. — «Но молодая жена не может не уметь этого. В школе молодых жен на первом уроке учат писать, читать, уничтожать свои и чужие сообщения. Наверное, мой позор прибудет в следующий понедельник». В выходные жена Дмитрия Ивановича будет чистить его костюм, кошелек, мысли и мобильный телефон. Тогда-то она и узнает, что молодая сотрудница помогает ее мужа с целью повышения заработной платы. Хотеть Дмитрия Ивановича с другими целями трудно. Для этого нужно быть высоко озабоченным человеком.

Дожив кое-как до пятницы, Зоя пошла с Верой в кафе. Последний раз с лучшей подругой в красивое место, где джазовая музыка будет рубцевать душевную рану и заглушать трескотню Веры.

Дмитриева Вера, Зоина хорошая приятельница, за тридцать лет успела побывать замужем и не разочароваться в браке. Она мечтает повторить попытку, но кандидаты на сердце не хотят становиться кандидатами на руку. Об этом в библиографических подробностях Вера будет рассказывать Зое весь вечер. Последний красивый вечер. «Пусть рассказывает, что хочет», — думает Зоя. — «Погибнув от позора, я все равно буду скучать и по Вере, и по ее сумбурным рассказам».

Вечер удался.

— Я в понедельник в метро получила от тебя смску. Ты написала, что я — твой единственный, и ты меня любишь, — сказала Вера, когда вечер подходил к концу. Вино и кофе выпиты. Приятное тепло поселилось в теле, и выползть на холод не хотелось. — Как я сначала обрадовалась, когда подумала, что эта смска от Виталика. Я думала, что только он не умеет склонять слова по падежам и родам, — растягивая слова, продолжала захмелевшая Вера. — А потом я увидела, что сообщение от тебя, и расстроилась. Я тебя тоже очень люблю, но Виталик сейчас занимает все мое сердце. — Вера грустно вздохнула и положила голову Зое на плечо.

Через джазовую композицию Зоя не сразу поняла, что сказала Вера.

«Значит, сообщение отошло не Дмитрию Ивановичу, а Дмитриевой Вере?» — с прошептанием времени догадалась Зоя.

Зое стало легко, несмотря на то, что на ее плече лежала голова задремавшей Веры. Получается, что позор, для которого Зоя расчистила дорогу, не наступит? А семье Дмитрия Ивановича больше ничего не угрожает? И воспитание может быть спокойно за то, что Зоя его не подвела? Никаких домогательств не было. Сообщение улетело к Вере. Вера как раз дожидалась именно такого же.

Зоя оглянулась, поправила сползающую Веркину голову и поняла, что погибать ей пока не придется. Да и не хочется. Потому что позор в понедельник не наступит. Он самоизбежался. А Любовь не покинет планету Земля. По крайней мере, в ближайшее время.

Леонид МЕДВЕДЕВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

Шумел камыш (ну и дела!),
Деревья гнулись (так случилось),
А ночка темною была
(Надысь светило закатилось).

И пара (знать пришла пора)
Возлюбленная (это точно)
Всю ночь гуляла до утра,
Проснувшись рано после ночи.

Сюжеты:
Ночь. Он и она.
Из ностальгически банальных
(В означенные времена
Меньшинств не знали сексуальных).

* * *

На кострах не горят нынче ведьмы,
Что чертей собирали окрест,
Колдовские явления ведь мы
По науке зовем «полтергейст».

И у Господа Бога не просим,
Чтобы чудо с небес снизошло,
Чудеса нам теперь преподносят
Экстрасенсы, ТВ, эНЭЛО.

Не в чести будут женские чары,
Макияжи, прически, наряд.
Нас подруги уже не очами —
Биополем своим покорят.

Объяснений нескладные фразы
Не решат нашей встречи с тобой;
Биотоков начальные фазы
Дело сделают сами собой.

Конкурс красоты

Корону в мыслях примеряя,
Причесанная на пробор,
Зашла гражданка молодая
На предварительный отбор.

Ее претензии на званье
(По крайней мере на успех)
Вполне имели основанья,
Что скажешь тут не обо всех.

Но некто из жюри сказал,
Мол, плечи ваши так покаты
И нежен у лица овал,
А мода-то на угловатых.

Не женственность сегодня главна,
В цене иная красота,
И ходите вы слишком плавно,
А надо дергаться, как та.

И вообще не те манеры,
И ростиком не вышли вы.
Как вас?
Милосская Венера?
Вы не подходите, увы!

Николай ШАМСУТДИНОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Преимственность

Я внуку вечерком решал задачку,
Поскольку кандидат, а не осел...
Лишь заполночь в задачнике заначку —
Ну, и внучок у дедушки! — нашел.

Парадокс(?)

Пряча заблуждения свои,
На пиру страстей, а не на тризне,
Умирающие от любви
Продлевают чарованье жизни.

На связи с Лондоном

О чем настырно время ни глаголет, —
И стать атлета, и цветущий вид...
«В чем ваш секрет, неотразимый Смолетт?» —
Все дело в том, что Смолетт — не смолит!

Назидание

Чтобы судьбе в опалу не попасть
И неизменно пьяным быть и сытым,
Меняйте чаще, матеря, масть,
И вас по праву назовут маститым.

В околотке

Когда полицией повязан,
То — «гражданином» быть обязан...

Коммунальное

Блюда к сюрпризам быта пиетет,
 Во тьме я нахожу кефир и тапочки,
 И потому, когда погаснет свет,
 Мне, честно говоря, уже до лампочки...

Программное

Ругают слева, смачно лупят справа.
 Но записным весельчаком — не буду,
 Ведь желчь, признаться, — лучшая приправа
 К любому облюбованному блюду.

Производственное

Он в жизни ничему не научился,
 И за него — природа не ответит:
 Коль он с женою шефа засветился,
 Ему по службе ничего не светит.

Коллегам

Учета не ведя душевным тратам,
 Электоратом к «шизику» сводим,
 Писатель, стань на время Геростратом
 Трудам опубликованным твоим.

Воскресное

Праздник, чаще, к пустому базару сводим...
 И, поскольку друзья не спешат убираться,
 Отнесите к ним, как к домочадцам своим,
 И они, уверяю вас, не засидятся.

Лев КРОПОТКИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

М е т а м о р ф о з а (или исповедь одолуба)

От сабантуев спасу нет. Но покоряюсь писку моды,
Я на торжественный банкет теперь не прихожу без оды.
Рожденье, премия, диплом, премьеры — главный тост, по праву,
Толкаю первым, а потом ем-пью-гуляю на халяву.

Я жанром овладел вполне. Но вдруг в пылу апофеоза,
Однажды на пиру, во мне произошла метаморфоза.
Я объявил, бросая в жар бомонд, сиявший от блаженства,
Что, мол, достиг наш юбилей еще не пика совершенства.

Мол, на пути его большом, — уж не сочтите за нападки, —
Все ж кое-где и кое в чем есть кой-какие недостатки.
Тут встрял сосед: «Не дебоширь!..» Но я, не слушая соседа,
Все развиваю вглубь и вширь свое критическое кредо.

Позвольте, мол, от всей души, нисколько в целом не пороча,
Признаться, в чем вы хороши, а в чем пока еще не очень.
Пора, — тут, видно, впал я в транс! — не сотворив из даты культа,
Свести ваш жизненный баланс — как говорится, сальдо-бульдо...

— Ну, не банкет, а срамота! — опомнись, крикнул кто-то в гвалте.
И тут поднялся тамада: — Ты кто, поэт или бухгалтер?!
Он врезал мне, зрачком сверля, со всей кавказской прямоюю.
...Здесь, к счастью, пробудился я: ну кто же спорит с тамадою?!

Курс улыбки

Рейтинг фирм трясут сенсации.
 Биржевые курсы зыбки...
 Не подвержены инфляции
 Только женские улыбки!

Заразительная поговорка

«Шерше ля фам» — звучит во Франции, как «SOS»,
 Пусть даже ничего и не стряслось.
 «Ищите женщину!» — в дворце ли, в шалаше ли...
 Вслед за французами мы тоже «ошершели»!

Слепота

Я влюбился не с первого взгляда.
 И второй — заслонили дела.
 Только с третьего... Женщина рада.
 Но ... простить слепоты не смогла!

Счастливый случай

Я выгуливал собаку. Вдруг дорогу
 Пересек ей «Мерседес»! Неужто все?!
 Тут на счастье я проснулся, слава богу,
 И мой кокер не попал под колесо!

Анна ЛУКАШЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Красные трусы

Я купила новые красные трусы.
Все подружки сдохнут от такой красы.
Это долго в тайне я не удержу,
Им по телефону новость расскажу.

Позвонила Таньке, Ленке и Марго:
— «Рюшики» и ленточки, вроде ничего.
Тонкая шнуровка, кружевной фасад,
Камешек Сваровски украшает зад.

Расскажу Наташке я большой секрет,
Завтра их надену в офис на банкет.
И решу с их помощью там один вопрос,
В общем, обеспечу свой карьерный рост.

Я купила новые красные трусы.
Все подружки сдохнут от такой красы.
И еще в маршрутке сорок человек
Сдохнет от восторга в наш мобильный век.

Курю на балконе

Курю на балконе, а мысли куда-то
С ментоловым дымом летят в пустоту,
И в будущем видятся только две даты
На жесткой табличке, прибитой к кресту.

Курю на балконе — досадно, противно.
Быть может, мне следует бросить курить?
Но знаю, что капля одна никотина
Такую кобылу не в силах убить.

* * *

А мне уже чуть-чуть за тридцать,
Нет перспектив, полно долгов.
Кому-то в глотку бы вцепиться,
Но не хватает двух зубов.

Я извелась и стала нервной
И от самой себя мутит.
Мне далеко еще до стервы,
Но знаю — я уже в пути.

А сапоги натерли ноги,
И каждый шаг, как сердца стук.
Переступила б через многих,
Да вот шатается каблук.

К тому же мучает изжога
От всех проглоченных обид,
И раздражает, пусть немного,
Меня душевный целлюлит.

Еще я понимаю слабо
Куда, зачем мне так бежать...
Кому нужна такая баба,
Звоните, буду очень ждать.

Фен-шуй

Жизнь свою, довольно небольшую,
Все пыталась я счастливой быть.
Мне сказали: нужно по фен-шую
Точка в точку свой отладить быт.

Может быть, меня вы засмеете,
Чувствую себя счастливей я.
Все мне по фен-шую на работе,
Дома тоже все до фен-шуя.

«Русский Стиль»
в Германии

Вернисаж

ЛАУРЕАТ 1-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

ИННА ГРУБМАЙР

ЛАУРЕАТ 2-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

ВИКТОРИЯ ПЛЕСКОВА

ЛАУРЕАТ 3-ЕЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

АНДРЕЙ КУЛЬБА

ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

ВЕРА ПЛАТОНОВА

ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

ОЛЫГА СВАНБЕРГ

«Русский Стиль»
в Германии

Нашим детям

Людмила БУРАТЫНСКАЯ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Ангина

Утром с постели подняться не дали мне,
Мама сказала: «Набухли миндалины.
Вот почему ты брыкался во сне,
Вот он, твой первый декабрьский снег!»
Бабушка чай заварила малиновый —
Будем сражаться с противной ангиною!
Мягкой ладонью пощупала лоб,
Пледом укрыла, чтоб было тепло.
Ух, как вспотел, но терплю я, лежу!
Даже во сне никому не скажу, —
Только б друзья мои не рассказали,
Как мы за домом сосульки лизали!

Лодочник

Старенький причал, заросший ряской,
Желтые кубышки на воде...
У Донца, не валко и не тряско,
Мы живем уже который день.

Лакомимся сладкою черешней,
Ловим глупых рыбок, не спеша,
А позавчера в траве прибрежной
Даже дважды видели ужа.

Мы пропахли соснами и мятой,
Обрели, должно быть, здешний вид,
Потому что лодочник усатый,
Как своим, нам «здрасьте» говорит!

День рождения

За окошком вечер синий,
Тихо тикают часы,
Спит, свернувшись, кот Василий
И мурлыкает в усы.

Сонно щурятся над крышей
Две звезды, мигают мне,
Младший мой братишка Тиша
Улыбается во сне.

Даже бабушкины спицы
Дремлют в гнездышке-клубке,
Одному лишь мне не спится,
При небесном ночнике.

Потому что дня рожденья
С нетерпеньем люди ждут.
Потому что в воскресенье
Все с подарками придут.

Завтра, если интересно,
Мне пять лет исполнится,
А у взрослых, как известно,
Иногда бессонница.

Слепой дождь

Подрядился дождь слепой
Миру на потеху:
Между небом и землей
Штопает прореху.

Но работа не пошла —
Нить в иглу не вдета,
Да и сослепу игла
Потерялась где-то.

Рвутся синие клочки
К небу голубому,
Кто бы выписал очки
Дождю слепому?..

Семен ОСТРОВСКИЙ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Жил на свете АпельСин

Жил на свете Апель-Син,
кругленькие щечки.
У него был
Апель-Сын,
были
Апель-Дочки.

Да еще была жена
донна Апель-Сина.
Обожала их она,
мужа, дочек, сына.

Там еще мальчишка жил,
фантазер, мечтатель.
Голову ему кружил
сок из Апель-Капель:

— Апельсины зреют в срок.
Апельсины всюду.
Апельсинный выпью сок —
апель-сильным буду...

И еще там...
И еще...
И детей,
и взрослых
отличал
румянец щек
апельсинорозовый.
А над всеми плыл
ОДИН,
там плывет
и ныне,
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ
А П Е Л Ь С И Н
в небе
апель-синем.

Жила в деревеньке старушка

Жила в деревеньке старушка вдова
у самого леса в долине.

И если еще та старушка жива,
она там живет и поныне.

И мышка жила там. Сорвиголова
шныряла в остывшем камине.

И если еще та старушка жива,
С ней мышка живет и поныне.

И кошка жила там. Ходила молва,
что спит на пуховой перине.

И если еще та старушка жива,
с ней кошка живет и поныне.

И жил там паук. Плел свои кружева.
Весь дом был в его паутине.

И если еще та старушка жива,
Паук с ней живет и поныне.

И я за свои отвечаю слова —
подвоха в них нет и в помине.
...И если еще та старушка жива,
с ней все хорошо и поныне.

Платочек

Ветер откуда-то взялся —
и вдруг

вырвался мамин платочек из рук.

Мама успела лишь выкрикнуть:

«Ах!» —

глядь —

а платочек уже в облаках.

К нам возвращаться на землю не хочет...

Так почему ж это мама хохочет?

Странно взмахнула руками —
как птица.

Но удалось мне в плечо ей вцепиться.

Если бы я не успел,

знаю точно,

вслед улетела б она за платочком.

Лев РАХЛИС

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Волшебная страна

Всего одно усилие —
И явится она —
Страна Вообразия,
Волшебная страна.
Там, говорят, что зяблики
Не зябнут и в мороз,
И что свисают яблоки
И тыблоки — с берез.
А мыблоки и выблоки,
Когда вокруг жара,
Проводят в холодильнике
И дни, и вечера.
Там солнце — в избылии,
Там — в зелени земля.
Страна Вообразия
У каждого
Своя.

Задача на сложение

В небе тучек —
Восемь штучек,
И еще —
Тринадцать тучек.
И еще
В сторонке — пять.
Рядом с ними —
Пять опять.
Если
Сложишь
Тучки эти,
То получишь
Дождь
В ответе.

Я был в зоопарке

Я был в зоопарке,
 Ходил за Слоном по пятам,
 Смотрел,
 Как зевал после плавания
 Гиппопотам.
 Но больше всего
 В зоопарке
 Запомнилось мне,
 Как Божья Коровка
 Кормилась
 У Льва
 На спине.

А вдруг не окажется леса?

— А птицы откуда?
 — Из леса.
 — А звери откуда?
 — Из леса.
 — А сказки откуда?
 — Из леса,
 Зеленого леса,
 Мой друг
 — А вдруг
 Не окажется леса?
 Ни здесь,
 И ни там —
 Повсеместно!
 А вдруг?
 Понимаете?
 Вдруг?
 Скажу откровенно и честно:
 — Я жить не сумею без леса,
 И ты не сумеешь —
 Без леса,
 Зеленого леса,
 Мой друг.

Виолетта МИНИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Белый стих

Я рисую белым мелом
Белый город на асфальте.
Белой башни шпиль уткнулся
В небо цвета молока.

Белый ворон на березе
Вьет гнездо из белых прутьев,
Белый кот в дверном проеме
Чистит белые бока.

Белый день сменился ночью —
Белой, нежной, словно вата.
Белый город тихо дремлет
В дымке белых облаков.

И звенит трамвай последний,
Вдаль спеша по белым рельсам,
В белый сумрак погруженных
Белых улиц и мостов.

Мой щенок

Мой щенок особенный —
Самый удивительный!
У него породистые,
Важные родители.

Папа очень сильный —
Вы б его видали!
На груди у папы
Тридцать три медали!

Шерстка — чистый глянец.
Видный он и ладный.

И такого цвета,
Будто шоколадный.

Ростом этот папа,
Словно стул огромный,
Но на самом деле
Добрый он и скромный.

Мама — королева,
Только без короны.
На ногах и хвостике —
Белые помпоны.

На груди и чубчике
Шерсть, как у овечки.
Собраны в прическу
Славные колечки.

Все машины встали:
Переходит Невский
Наша чудо-мама,
Пудель королевский!

Ну, а рядом с мамой
Мой щенок шагает
Гордою походкой
И хвостом виляет.

Мы несем игрушки
И гостинцев гору!
В гости мы шагаем,
К папе-лабрадору.

Мой щенок особенный —
Самый удивительный!
Очень уж похожий
На своих родителей.

Михаил ПОПОВ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Волшебные яблоки

У Соловецкого воеводы была дочь. Звали ее Олисовой. Лоб ясный, словно белая ночь. Щеки румяные, как поморская заря. А глаза изумрудные, точно Бело море в солнечную погоду. Вот какая красавица была!

Пришла пора выдавать Олисавушку замуж. Запохаживали в хоромы воеводы сваты да сватьи. Сватьи поклоны бьют. Сваты гостинцы подносят. Кто меха соболиные переливчатые, кто шаль кашемировую, золотом шитую, кто ларец резной, дивными камнями украшенный, а кто сласти да лакомства заморские...

Пробудилась раз Олисавушка, видит, у изголовья блюдо хрустальное стоит, а в нем яблочки янтарные сияют. Взяла она одно, надкусила, и вдруг свет померк в ее очах. Вскрикнула бедная девушка, выронила то яблоко и упала без памяти. Прибежали на ее крик родители, привели доченьку в чувство, а она — горе-то какое! — не видит их. Ослепла в одночасье красавица.

...Много лет назад, когда Олисавушки еще не было на свете, на пути батюшки и матушки ее встала злая колдунья. Молодой сотник, каким был в ту пору воевода, пришелся по нраву коварной разлучнице, и напустила она на молодца колдовские чары. Какими приворотными зельями ни потчевала, каких чудес ни показывала, какими сладкими трелями ни услаждала слух. Однако вытравить из сердца молодца суженую колдунье так и не удалось. «Ладно, — сказала она напоследок, — не ослеп от моей любви — ослепнешь от горя», — и зловеще усмехнулась...

Переглянулись воевода с женой — вот как обернулась угроза злой колдуньи, в самое сердце ударила, проклятая, — и горько заплакали.

Тридцать дней и тридцать ночей рыдала матушка Олисавы. Тридцать дней и тридцать ночей не смыкал глаз отец. Но слезами горю не можешь. Вышел воевода из покоев и во всеуслышание объявил:

— Кто вернет белый свет моей дочери, тому отдам все свои богатства.

Собрались на его клич знахари-лекари, кудесники-ясновидцы. Встали они вокруг Олисавушки и принялись бороться с нечистой силой. Одни поклоны земные бьют, другие пришептывают-приговаривают, третьи прыскают утренней да полуночной водой. Но ничего не помогает.

Выступил тогда вперед дед-вещун, который стоял прежде в углу, и говорит:

— Наговоры-пришептыванья, темные да светлые воды против такой колдовской силы бессильны. Тут требуется другое средство, батюшка воевода. А какое, смекай сам. Но коли есть на свете плод ненависти, значит, должен быть и плод любви. Только он может вывести твою дочь из мрака.

Выслушал вещуна воевода, поблагодарил старца, а потом кликнул к себе добрых молодцев:

— Вы просили руки моей дочери, а теперь я протягиваю к вам свои руки. Помогите Олисавушке. Сыщите целебный плод. Кто сыщет — тому быть ее мужем. А в приданое отдам свою власть и ратные доспехи.

Из всех молодцев, которые сватались к Олисаве, не отступили трое. Это были Андриан, Демьян и Василий. Андриан потребовал в дорогу казны. Демьян велел снарядить корабль. А Василий поклонился воеводе, попросил у него прядь поседевших от горя волос. Потом поклонился матери Олисавы, попросил батистовый платочек, мокрый от горючих слез. А еще взял то колдовское, надкушенное бедной Олисавушкой яблоко... С тем все и удалились.

Вот минул год. Однажды с материка припожаловали на Соловки девять шитиков. Они были до бортов гружены сливами, грушами, яблоками, арбузами, персиками... А из десятого корабля на соловецкий берег ступил Андриан.

— Эти плоды скуплены в южных краях, — сказал он воеводе. — Чтобы добраться туда, я износил десять пар сапог, загнал целый табун лошадей, сломал тысячу дубовых да листовенных подвод. Слово за тобой, воевода!

— Добро, молодец! — отвечает воевода. — Похлопотал ты на славу. Остается проверить, не напрасны ли были твои труды.

Стали потчевать Олисаву всяческими южными дарами. Сначала подали кусочек груши, потом дольку арбуза, дальше гроздочку винограда... Но чем меньше оставалось неотведенных плодов, тем больше мрач-

нел воевода. Когда же не осталось ни одного, он велел кликнуть вещуна.

Старец пришел, выслушал рассказ Андриана, оглядел россыпь южных даров и сказал так:

— Силы, пота, чтобы добыть эти дивные лакомства, было затрачено немало. Но это, батюшка воевода, плоды терпения, а не любви. — И с тем удалился.

Вот прошло три года. Однажды в соловецкую гавань Благополучия вошел корабль. Паруса на нем были истрепаны, борта местами пробиты, а команда так измождена, что с трудом держалась на ногах. Собрали матросы остатки сил, сгрузили на берег тысячу корзин, в которых лежали финики, бананы, апельсины... А вслед спустился по трапу Демьян.

— Эти плоды я добыл в заморских странах, — сказал он воеводе. — В схватках с туземцами сложили головы тридцать моих спутников, двадцать других попали в плен. На моем теле не счесть шрамов и ран. Слово за тобой, воевода!

— Добро, молодец! — отвечает воевода. — Похлопотал ты на славу. Остается убедиться, что тяготы твои были не напрасны.

Стали потчевать Олисаву заморскими яствами. Сначала подали кусочек банана, потом — дольку апельсина, дальше нацедили в золотое блюдечко кокосового молочка... Но чем меньше оставалось неотведенных плодов, тем больше мрачнел воевода. Когда же не осталось ни одного, он снова кликнул вещуна.

Старец явился, выслушал рассказ Демьяна, оглядел россыпь заморских даров и молвил так:

— Крови, силы, чтобы добыть эти сладкие лакомства, было затрачено немало. Но это, батюшка воевода, плоды отваги, а не любви. — И с тем удалился.

Затужил опять воевода. Надежд на исцеление Олисавушки почти не осталось. Если в южных краях да заморских странах не нашлось заветного плода, чего тогда ждать от Севера. Ведь Василий, последняя его надежда, остался в родных местах, а разве может эта скудная земля одарить чудом?!

Но Василий думал иначе. Когда Андриан и Демьян отправились в далекий путь, Василий перебрался на самый дальний соловецкий островок. Охотники да рыбаки сказывали, что построил Василий там какую-то дивную избу. Крыша крыта прозрачными рыбьими пузырями,

стоит изба за высоким-превысоким забором, но что там делается, никто не ведает.

А в избе происходило вот что. Семя от ядовитого яблока — оно было завернуто в платок матушки Олисавы, мокрый от горючих слез, а платок тот оплетала седая прядь отца — однажды проросло и выбросило молодой побег. Обрадовался Василий. Согрев зеленый стебелек дыханием. Потом вырубил посреди избы пол, засыпал в проем черной землицы и пересадил отросток туда.

— Расти, яблонька, крепка, дорости до потолка! — напутствовал он юное деревце.

Шли дни. Однажды на рассвете Василию приснились изумрудные глаза Олисавы. Они смотрели на него с надеждой. А когда он пробудился, то увидел, что его зеленый питомец раскрыл два нежных, как глазенки младенца, листка. Растворил Василий один скат прозрачной крыши и впервые показал своему зеленому малышу солнце. То-то было радости!

Побег рос быстро. К осени на тоненьком прутике оказалось уже с дюжину востроглазых листиков. По утрам от них струился изумрудный свет. И Василию чудилось, что в сумраке зарождающегося дня стоит не деревце с молодой листвой, а шестеро, похожих на Олисаву, ребятишек. Он ласково здоровался с ними. Спрашивал, как спалось, что снилось. Потом потчевал теплой, прилетавшей с южными тучками, небесной водицей. А по вечерам рассказывал им всякие волшебные сказки, в которых добро всегда побеждает зло.

Но вот пришла осень. Листики один за другим повяли, и Василий загрустил. Впереди была долгая метельная зима. Он подумал, что ему не вынести одиночества, и решил снова оживить своих зеленоглазых питомцев, натопив жарко печку. Почуют они тепло, проснутся, тогда снова в избе поселится радость. Но тут на рассвете явились Василию тревожные глаза Олисавушки, и он одумался. Идти поперек Матушки-Природы, торопить ее размеренный ход — значит, загубить все, о чем мечтал. Набрался Василий терпения и стал ждать. А чтобы не растревожить сон яблоневых братьев, перестал топить печь, хотя страшно мерз и голодал. Когда становилось совсем невмоготу, разжигал позади дома костер, варил похлебку, грелся. А чаще после охоты да рыбалки ложился спать впроголодь.

Долго ли коротко, но время шло. Торопя приход весны, Василий стал подтапливать печь. Почки на яблоньке одна за одной начали просыпаться. Их стало больше. А когда наступило лето и Василий вновь раскрыл скат прозрачной крыши, листочков оказалось видимо-невидимо.

Василия радовало все. Как тянулись листики к ласковому солнцу! Как шушукались с теплым залетным ветерком! Как пугались поначалу пчел и шмелей, а потом сами стали зазывать их в гости! Как благодарили за согретую в ладонях воду! И как на закате во все глаза глядели на него, Василия, и не шелохнувшись слушали его добрые сказки!

На третью весну яблонька зацвела. Еще через два года у нее завязались плоды. И вот осенью, через пять лет, Василий вновь предстал перед воеводой. На блюде, которое он протянул, лежало три золотисто-румяных яблочка. Глянул на них давно потерявший надежду воевода, бросился к дочери. А Олисавушка надкусила яблочко и вдруг радостно вскрикнула — белый свет снова открылся ее изумрудным очам.

Обрадовался батюшка, обрадовалась матушка. Велели свадебный стол накрывать, гостей скликать. Матушка извлекла из своих сундуков богатое приданое. Батюшка вручил зятю свои боевые доспехи, объявив, что отныне воеводой будет Василий.

А старый вещун, напутствуя молодых, молвил так:

— Доброе сердце, золотые руки да родная земля любую напасть помогут одолеть. Одно испытание вы выдержали. Пусть и дальше вашу жизнь осеняют плоды любви, помогая справляться с невзгодами.

За то, что эта история произошла на самом деле, я, дружок, не ручаюсь. Но то, что на Соловецких островах росли яблоки, истинная правда. Об этом мне поведал мой дедушка — правнук старого вешуна. Об этом ты, наверняка, услышишь в школе. А если побываешь на Соловках, сам убедишься. Край наш много загадок хранит, и раскрывать их придется тебе. Были бы руки способные да сердце доброе, как говорил старый вешун, а родная земля не подведет. Помни об этом, дружок!

Андрей СМЕТАНИН

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Сказка о плаксивом мальчике

Жил-был Мальчик. Обычный Мальчик, только плаксивый очень. Чуть что не так, у него из глаз слезы в два ручья. Дает ему мама на завтрак кашу рисовую — плачет по гречневой. Если гречневая на столе — хнычет, пятизлаковую требует. Попросят его игрушки за собой убрать — моментально носом хлопает. А уж если диск с любимыми мультфильмами не разрешают долго смотреть, то жуткий рев начинается! Прямо не мальчик, а ходячий водопад. От нюней постоянных в квартире у Мальчика так сыро стало, что от этой сырости даже Лягушка завелась. Завелась и живет себе незаметно.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но однажды задремала Лягушка на ковре, среди игрушек: разомлела, когда в лучике солнечном грелась, который из окошка пробивался. И Мальчик, надо ж такому случиться, спящей Лягушке на лапку наступил — не заметил беднягу.

— Ай-ай-ай! — заголосила Лягушка человеческим голосом. — Горько-то какое! Хроменькая я тепе-е-ерь!

— Ой, я не специально, — испугался Мальчик.

— Не специальна-а-а! А мне теперь, несчастной, за принца замуж не выйти-и-и! Принцы на хромых лягушках не женятся-а-а! Вот ты и женись теперь на мне, раз все испортил.

После этих слов зарыдал и Мальчик. Да оно и понятно: не каждый день тебе предлагается в невесты зеленое бородавчатое создание. Некоторое время они плакали вместе, а когда Лягушке мокрое дело надоело, она стала жениха успокаивать:

— Да не кручинься ты так. Ем я мало, по телефону часами не болтаю, а жить могу в домике, который ты из строительного конструктора сделал.

— Как же я людям скажу, что жена у меня лягушка?!

— Можно и по имени, меня Василисой зовут.

Василиса! говорит человеческим голосом! замуж за принца... Мальчик немного успокоился. А вдруг?! вдруг это царевна во временном

обличии? Да и виноват он, как ни крути: ногу лягушкину отдал, действительно. Делать нечего, придется жениться.

Тут же свадьбу и сыграли. Свидетелями были деревянный Пират и плюшевая Обезьяна. И зажили молодые семейной жизнью. Неделю живут, вторую, вот уж и третья прошла. А Мальчик все это время за Лягушкой наблюдал внимательно, но ничего необычного не заметил — лягушка, как лягушка.

Не выдержал, наконец:

— Что-то я никак не угляжу, когда ты кожу свою лягушачью сбрасываешь?

— Ух, ты! Я и не думала, что ты тоже любишь лягушачью кожу.

— В каком смысле «тоже любишь»?

— Как это, в каком? В продуктовом, естественно! Мы, лягушки, четыре раза в год линяем. А кожу старую съедаем — в ней много разных витаминов и минералов полезных. Да и вообще — вкуснятина. — Лягушка даже облизнулась.

— Бррр. Гадость какая! Не хочу я никакой лягушачьей кожи! Я жду, когда ты в царевну превратишься, модельной внешности.

— А с чего это мне в царевну превращаться? Не было такого уговора. Да и не умею я. И внешностью довольна: меня даже по каналу «Animal Planet» показывали.

— Не умеешь?! А говоришь чего человеческим голосом? А Василисой чего назвалась?

— Говорила же тебе, за принца замуж хотела, вот язык и выучила. У людей ведь тоже так: девушки языки иностранные учат, чтобы мужа заморского получить. А Василиса — это сокращенно от КВАсилиса. Можно КВАся. Обычное лягушачье имя.

Мальчику-реве и возразить нечего. Только плакать осталось, да жить со своей Лягушкой дальше.

Через какое-то время подметил Мальчик такую вещь: чем больше он плакал, тем больше Лягушка становилась. Уже еле-еле в дом свой игрушечный помещалась. Решил он тогда попробовать денек без слез обойтись. Хоть и трудно было, но получилось. И второй день выдержал мальчик, не заплакал. И в третий день сдюжил. А нет слез, и в доме не так сыро. И начал Мальчик замечать, что Лягушка уменьшаться стала. Обрадовался. Решил пока глаза на сухом месте держать. И что вы думаете? Лягушка сначала до прежнего размера доуменьшалась, а

потом и дальше мельчать стала. В конце концов, она превратилась в миниатюрную стеклянную фигурку. Один глазу у этой фигурки был закрыт, а другой открыт — как будто она подмигивала кому-то.

Со временем лягушачья история стала забываться. Мальчик даже не был уверен, было ли это на самом деле. Но плакать из-за всякой ерунды перестал. А вдруг?!..

Вероника Ткачёва

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Жадина

Сегодня у Костика было грустное настроение. Он поругался со своим лучшим другом. А дело было вот как. Вчера утром папа подарил Костику машинку. Костик давно мечтал о такой. Она была большая, красная, гоночная и к тому же еще радиоуправляемая. Вечером Костик пошел гулять с мамой на улицу и взял с собой эту машинку. Ему не терпелось показать такую ценную вещь своему лучшему другу Дениске. Но веселой игры с новой машинкой не получилось. Когда Дениска брал машинку в руки, Костику казалось, что Дениска вот-вот сломает ее. Поэтому Костик сразу отнимал машинку у друга и начал сам с ней играть. Дениска стоял-стоял, смотрел-смотрел как Костик играет с машинкой, а потом отошел в сторону и начал строить песочный замок с другими ребятами. Костику быстро стало скучно играть одному, и он подошел к Дениске, чтобы поиграть вместе с ним и с другими детьми. Но Дениска сказал:

— Я не буду с тобой играть. Ты — жадина!

Костик, конечно, напустил на себя независимый вид и ответил:

— Ну и не надо, я сам не хочу с тобой играть.

Но это было неправдой. Костику было очень обидно. Да и вообще — разве он жадина?! Просто он боялся за машинку. Она такая красивая. А вдруг Дениска сломает ее?! Ему не жалко ничего для друга. Он же дал Дениске два раза прокатить машинку, хотя и очень переживал за ее колеса. И царапина откуда-то появилась на крыле машинки, и теперь оно не такое блестящее и гладкое. Костик не уверен, что эту царапину поставил Дениска. Возможно, он и сам случайно поцарапал машинку. Но все же — с машинкой надо быть аккуратнее. Но каков Дениска — обозвать его, Костика, жадиной! Эти мысли не давали покоя мальчику. И настроение у него было самое что ни на есть плохое. Мама видела, что сын со вчерашнего вечера ходит, как в воду опущенный, поэтому чтобы как-то его приободрить предложила пойти в зоомагазин. Хомяку Афанасию, которого мама вместе с Костином недавно приобрели в магазине, так до сих пор и не купили домик. Хомяки — это ночные животные, поэтому большую часть дня

они спят, а ночью занимаются своими делами. Афанасий спал в опилках, которые подгребал поближе к себе, чтобы построить хоть какое-то подобие норки. Обычно хомяк сворачивался тугим клубком так, что было не понятно где ушки, а где лапки. Мама, глядя на спящего таким образом Афанасия, всегда говорила:

— Вот бедолага! И свет-то ему мешает спать, и шум-то ему мешает. И холодно, наверное. Бедняжка наш бездомный.

Афанасий совсем не выглядел бедолагой и бедняжкой бездомной. Очень даже сладко себе спал.

Костик часто брал спящего Афанасия в руки. Хомяк приоткрывал один глаз, а потом закрывал его и продолжал спать в ладонях Костики. Иногда же Афанасий разгуливался и начинал вырываться из рук мальчика, чтобы побегать. Тогда Костик брал кусочек хлеба или горсточку семечек и начинал кормить Афанасия с рук. Иногда хомяк сидел и, умильно держа еду лапками, смачно уплетал ее. А иногда быстро-быстро запихивал еду за щеки. Если еды было много, то щеки Афанасия раздувались, становились огромными, чуть ли не больше самого хомяка. Афанасий не оставлял ни одной крошки, ни одного семечка (если все семечки, конечно, были хорошими; плохие он не брал, а слегка надгрызал, чтобы убедиться, что семечка точно плохая, и с презрением откидывал ее от себя).

— Ну и жадина! — говорил тогда папа.

— Нет, он просто хозяйственный, — заступалась за Афанасия мама.

Итак, мама предложила Костику пойти в зоомагазин, чтобы купить Афанасию домик. Костик с радостью согласился. Но даже это не смогло до конца развеять его грустное настроение.

По дороге в зоомагазин мама стала расспрашивать Костика почему он такой грустно-здумчивый сегодня. И Костик рассказал маме историю с машинкой и передал слова Дениски.

— Мама, разве я жадина?! Я просто хозяйственный, — закончил свой рассказ Костик.

Мама помолчала и после недолгого размышления сказала:

— А если бы Дениска пожалел для тебя свою машинку, что бы ты тогда про него подумал?

— Что-что... Что он хозяйственный, — неуверенно ответил Костик.

— Ну ладно. Жизнь покажет. Но ты запомни эти свои слова, — сказала мама.

В зоомагазине, как всегда, было очень интересно. Мама с Костиком с удовольствием постояли около маленьких вольеров с животными. Внимательно рассмотрели разнообразные товары для хомяков. Афанасию они купили вкусняшку для грызунов — ассорти из зерен в меду на палочке. Эта палочка прикреплялась к прутьям клетки, и хомяк мог лакомиться и одновременно точить о вкусняшку свои зубы. Потому что грызунам нужно обязательно стачивать зубы. Их организм устроен так, что зубы у них постоянно растут. И если грызун не будет стачивать их, то он со временем погибнет, потому что зубы стану такими большими, что он вообще ничего не сможет ими грызть и в конце концов умрет от голода.

В зоомагазин наконец-то завезли домики для хомяков (которых при покупке Афанасия не было), причем нескольких видов. Там были и деревянные избушки, и пластиковые двухэтажные дворцы, и керамические фрукты-овощи. Костику и маме больше всего понравилась керамическая оранжевая тыква. Маме она приглянулась ярким цветом и формой, которые полностью повторяли настоящую тыкву. А Костику — широким входом, туда легко проходила рука Костика, и он в любое время мог достать Афанасия, чтобы поиграть с ним.

Мама с Костиком пришли домой и помыли керамическую тыкву с мылом, чтобы никакая случайная инфекция не повредила хомяку. Потом они поставили домик в клетку Афанасия. Хомяк обжегал тыкву вокруг, обнюхал ее, ощупал своими чувствительными усиками. Видимо, домик Афанасию понравился, потому что он начал переносить туда свои запасы еды. Потом хомяк натаскал опилок, заткнул ими вход и довольный заснул в своем новом домике.

Через какое-то время Костику захотелось поиграть с Афанасием. Мальчик спокойно открыл клетку и полез рукой в домик Афанасия. Но... Афанасий сильно укусил Костика за палец. Укус был такой глубокий, что кровь долго не останавливалась. Костик плакал от боли, а еще больше от обиды.

— Мама, давай заберем у Афанасия домик! Он никогда не кусал меня. А как у него появился домик, так он стал кусаться. Домик испортил его характер! — говорил Костик сквозь слезы.

— Просто Афанасий защищает свой домик и свои запасы, — ответила мама, обрабатывая ранку йодом.

— Ах вот как! Он стал жадным! Ему жалко своих запасов, ему жалко своего домика! Надо отнять у него все! — продолжал возмущаться Костик.

— А может, он просто хозяйственный? — спросила мама.

— Нет, нет! Он — жадина! — с обидой кричал Костик.

— Хорошо, пусть он жадина. А как ты тогда назвал бы себя?

— А что я? — удивленно спросил Костик.

— Хомяк — зверь, он живет инстинктами. Его инстинкт говорит ему защищать свою норку и запасы от любых посягательств, потому что если он не будет делать этого в дикой природе, то погибнет от холода и голода. И спросонья он поддался своим инстинктам, поэтому и укусил. Если бы ты дал ему время проснуться, то он узнал бы тебя и не стал кусаться. А вот почему ты, человек, не дал своему лучшему другу поиграть со своей машинкой? — неожиданно закончила мама.

— Я... я... — Костик растерялся от такого поворота разговора.

— Так ты повел себя как хозяйственный человек или жадный? — спросила мама.

— Я... Мама, я все понял. Я больше не буду жадничать. Я обязательно дам поиграть Дениске с моей машинкой. Вот прямо сегодня. Мы же пойдем сегодня вечером гулять?

— Конечно, пойдем. Я знала, что ты у меня добрый и умный мальчик, — с улыбкой сказала мама.

Елена СОКОЛОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Остров

Если перейти по железному мосту через Нею, бурливую и торопливую лишь в дни весеннего паводка, повернуть направо и обогнуть участки, летом зеленеющие картофельной ботвой, то обязательно выйдешь к тихой заводи. И увидишь остров. Попасть на него нетрудно — даже лодка не требуется. Достаточно обычных резиновых сапог.

Однако ходят на остров редко. Лес там такой же, как и в округе, разве что много корявых раскидистых ветел. Да еще растут грибы, красавцы-рыжики. Но об этом грибном чуде знают немногие. А уж о том, что остров — обитаемый, не знает вовсе никто.

Давным-давно поселился на острове лесовик по прозвищу Рыжик. Назвали его так потому, что из-под любимого серого картуза у него вечно торчали огненно-рыжие вихры. И хотя недавно лесовику исполнилось сто пятьдесят лет, и в его курчавой бороде появились седые пряди, был он бодр и весел, легок на ногу, к тому же часто улыбался, пряча в морщинки свои солнечные конопушки. А еще очень любил Рыжик свистеть по-птичьему. Только вот почему-то не нравилось ему, когда на остров приходили люди.

— Опять заявились! — бурчал Рыжик, едва человеческая нога ступала на остров. — Мох топчут... Мусор кидают... А уж шумят, как... как, — на этом месте он обычно запинался. Потому что никак не мог придумать, с чем сравнить крики грибников, за которыми не то что голос леса, даже птичьего гомона не расслышишь.

— Им бы лишь грибов похватать! А об экологии кто думать должен? Медведь, что ли? Эх, люди-человеки! — сокрушался Рыжик, скрываясь от незваных гостей в своей потайной избушке. Если же грибники вели себя слишком уж шумно, заставлял их поплутать немного. Чтобы напомнить, кто в лесу хозяин.

И вот как-то утром, едва Рыжик обошел свои владения и присел на пенек птичьих разговоров послушать, появились на острове двое: бабушка и маленькая девочка. С корзиночками. Головы платками повязаны. Одним словом, с уважением к лесу пришли.

— Гляди, Надюша, внимательно! — наставительно произнесла бабушка. — Рыжики рядом с ветлами растут. И далеко от меня не отходи!

Девочка молча кивнула.

— Ну, уж ладно, — вздохнул лесовик, — пусть побродят, глядишь, чего и найдут.

Только бабушка оказалась беспокойной да как принялась кричать:

— Надюша, ау! Ты где? Ау!

Сначала девочка отвечала:

— Тут я, рядом, оглянись, баба Катя!

Та посмотрит, успокоится, но пяти минут не пройдет, как вновь заголосит. Девочка вскоре морщиться недовольно стала. И отзываться лишь на третий-четвертый бабушкин зов.

Сперва лесовик хотел эти крики в избе пересидеть. Позавтракать, домашними делами позаниматься. Однако на то он и хозяин, чтобы видеть и слышать, что в его владениях происходит. Поэтому выскочил Рыжик из-под земли, перед самым носом у бабы Кати и давай гримасничать да кривляться. Бабушка едва рот откроет, а он уже воет: «У-у-у! А-а-а!» Но только вошел он во вкус, только, хлопая руками, словно испуганная курица, обежал вокруг старой березы, как вдруг у него за спиной раздалось:

— А корчить рожи — некрасиво!

Остолбенел Рыжик от неожиданности. А когда в себя пришел, повернулся — рядом девочка стоит. И очень неодобрительно на него смотрит.

— Разве вы не знаете, — строго спросила Надя, — что старших дразнить нельзя?!

И такую забавную рожицу скорчила, какую лесовик корчить не умел.

— Это детям старших передразнивать заказано. А я твоей бабы Кати раза в два старше буду.

— Да ну-у-у?! — недоверчиво протянула Надя.

— Ну да! — важно покивал Рыжик. — Не веришь?

Девочка смерила лесовика взглядом и отрицательно покачала головой.

— Конечно, выгляжу я хорошо, — погладил бороду довольный лесовик и вдруг спохватился: — Ой, да неужто ты меня видишь?

— Может, не вас... — сказала Надя. — Может, я кого другого вижу. Такого старичка прикольного...

— Какого-какого? — не понял лесовик.

— Ну, смешного. Чуть меня повыше. Рыжего и конопатого. Костюмчик — писк! А это что, лапти? Всамделишные? — И она показала на Рыжиковы ноги.

Но тут из-за деревьев выскочила баба Катя.

— Ты почему не отзываешься? — набросилась она на внучку. — Я тебя зову-зову...

— Так вот же я! — удивилась Надя.

Однако бабушка не успокоилась.

— Как заблудишься, что делать будешь?

— Домой вернусь. Я дорогу запомнила, — ответила девочка. — А вообще, где тут заблудишься? Остров-то махонький. Правда? — и она посмотрела на то место, где только что был странный старичок. Но вместо старичка увидела старый пенёк.

— Если не будешь слушаться, я тебя больше в лес не возьму! — пригрозила баба Катя и махнула рукой. — Идем-ка вон туда!

Девочка вздохнула, а Рыжик, вернув свое обличье, насмешливо сказал:

— Идите-идите! Там грибов нет.

Надя снова вздохнула.

— А вы откуда про грибы знаете? — спросила она.

Но тут баба Катя, оглянувшись, громко закричала:

— Надюша, ты что стоишь?!

— Так ты не видишь... — догадалась девочка. — Ой, мне соринка в глаз попала! Уже вылетела-вылетела, ты не беспокойся! — и пустой корзинкой помахала.

Баба Катя направилась в ту сторону, где грибов не было. Лесовик пошел вслед за ней, вместе с девочкой.

— Где ты научилась так здорово дразниться? — спросил он.

— В детском саду, — фыркнула Надя. — А как у вас получается быть для бабушки невидимым?

Лесовик пожал плечами и развел руки в стороны.

— Не знаю... Заведено так. Лесовик я, леший то есть. Рыжиком кличут. А вот почему ты меня видишь?..

Тут баба Катя снова как закричит:

— Надюша, ау! Здесь грибов нет!

Рыжик от неожиданности аж вздрогнул. А потом припустил за бабушкой. И начал ее кружить да запутывать. То туда заставит повернуть, то сюда, то на месте закружит. Пяти минут не прошло, как баба Катя заплутала, идет-кричит: «Ау-ау!», — только кажется ей, что деревья, словно девушки, хоровод водят и даже песню поют. А слов-то и не разобрать.

Сначала и лесовику, и Наде весело было. Он бабе Кате глаза отводит, а девочка то за деревом скроется, то под куст нырнет и тоже «Ау-ау!» покрикивает. И получается, будто бы они играют.

Только баба Катя внезапно на землю села да горько и заплакала.

— Ох, Надюшенька! Где ты, мое солнышко? Потеряла я тебя! В лес притащила, а вон как оно вышло! Что-то плохо мне... Ой как плохо!

Остановилась Надя, голову низко опустила, а потом бросилась к лешему.

— Перестань, лесовик! — попросила она. — Хватит!

— Да уж, неудачная шутка получилась... — согласился Рыжик.

— Ну да... Разве можно над бабушкой шутить? Она ведь старенькая. И очень хорошая... Добрая...

Лесовик тотчас же в ладошки хлопнул, ногой топнул, и успокоился лес. Кинулась Надя к бабушке, принялась ее обнимать и по голове гладить.

— Нашлась, внученька! — запричитала бабушка.

— Да я не терялась! Я за тобой шла...

А баба Катя вдруг ойкнула и говорит:

— Надюша, ты взгляни-ка...

Оглянулась девочка, а на поляне вокруг них — грибы. Рыжики. И столько их, что глаза разбегаются.

— Вот это да! — восхитилась девочка.

И бабушка с внучкой принялись грибы собирать. Уже и корзины доверху наполнили. А рыжиков как будто все больше становится.

— Как же мы тяжесть-то такую понесем?! — наконец спохватилась баба Катя.

— Давай завтра сюда снова придем! — предложила Надя и подмигнула Рыжику, который как раз из-за елки выглянул. — Я это место запомнила!

Баба Катя покачала головой:

— Как я себя чувствовать буду.

Когда они спустились к воде, девочка обернулась. На берегу рядом с огромной корягой стоял лесовик и довольно улыбался. Тогда она опустила корзину на землю, приставила руки ко рту и громко произнесла:

— Спа-си-бо!

— Кого ты благодаришь? — удивилась баба Катя.

— Как кого?! Лес благодарю. И лесовика. Ты же сама говорила, что в каждом лесу живет лесовик.

— Сказки это! — отозвалась бабушка.

— И совсем не сказки! — засмеялась девочка и помахала Рыжику. — До свидания, лесовик!

А Рыжик неожиданно для себя вдруг сказал:

— Приходите завтра! Я буду тебя ждать!

С того дня баба Катя и Надя стали на острове желанными гостями. И всегда возвращались оттуда с корзинками, полными крепких, вкусных рыжиков.

Публицистика,
эссеистика...

Наташа СЕВЕРНАЯ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Момент испытания

*Но в тихий зимний день,
Когда от жизни брэнной
Он позван был к иной,
Как говорят, нетленной.
Он уходя шепнул:
«Я приходил — зачем?»*

Нерваль. Эпитафия

Стоит ли жизнь того, чтобы дожить ее до конца?

Зачем человек убивает себя? Кому и что пытается доказать? От чего бежит? Кто убивает себя? Слабый и немощный или сильный и смелый на пике жизни? Христианство вывело свою теорему самоубийства — это безнравственно и аморально — самый тяжкий грех, а по-сему место грешника за кладбищенской оградкой. А ведь основатель христианства призывал: «Возлюби ближнего своего», надо думать, он единственный верил в исцеляющую силу любви. Нам, простым обывателям, копошащимся в своих мирках, и дела нет до другого человека. Уж слишком мы сосредоточены на самих себе, а ведь зло питают и поддерживают именно бездушие и безразличие. Вслушайтесь в эти слова: без-душие, без-различие, — без души живу я, ничего не различая: ни плохого, ни доброго, ни светлого, ни темного. Тот, кто принял не простое решение — умереть, зачастую удостоивается презрения или снисходительного сочувствия. Мол, и слабак же! Я бы так никогда не поступил, я бы боролся. А с кем бороться-то? За что? Против чего? *Самоубийство, это болезнь мира, а не войны.* На войне иные заботы: где прокормиться, как дожить до утра? Все психические силы человека направлены на решение этих простых задач, простых для обывателя мира и непосильных для обывателя войны. На войне нет времени для размышлений, самокопания, духовного поиска, решение принимается мгновенно, поступок совершается без обременения мыслями о совести и морали.

У каждого свои причины, почему он решает разорвать все связи, свести счеты с жизнью, точнее закрыть счета, обнулить их. Поставив

себя перед жестоким фактом, если жизнь — ноль, то и я в ней ноль. Кто-то это воспринимает, как некий знак для начала новой жизни, а кто-то, как ее завершение.

Самый страшный путь — путь самокопания в себе. За дни, месяцы, годы так много видишь и понимаешь про себя, людей, мир. А может, просто мерещится? Нет сил идти с гордо поднятой головой, плечи опускаются игибаются под невидимой тяжестью. Именно невидимой, ее ведь никто не видит, включая и самоубийцу. Никому и в голову не придет, что возможно в доме висит кривое зеркало, и всматриваясь в него, можно увидеть полутона, игру света и тьмы, но не истину. Они, словно малые дети, заблудившиеся во враждебном и мрачном лесу. Страх и ужас сковывают движения, а потому тропинка, еле видная в полутьме, не способна вывести в другую светлую жизнь. Бог пошутит, а нашелся тот, кто этой шутке поверил.

Из Бердяева Н. А.

1874–1948 гг., выдающийся русский мыслитель, проповедник философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма.

Можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству. Самоубийца вызывает роковую решимость и в других. Самое страшное для человека, когда весь окружающий мир — чужой, враждебный, холодный, безучастный к нужде и горю. Не может жить человек в ледяном холоде, он нуждается в тепле. Человек может выносить страдания. Но трудно человеку вынести бессмысленность страданий. Психология самоубийства есть прежде всего психология безнадежности. Безнадежность означает невозможность представить себе другое состояние, оно всегда есть дурная бесконечность муки и страдания, т. е. предвосхищение вечных адских мук, о которых человек думает освободиться лишением себя жизни. Самоубийца закуполен в своем «я», в одной темной точке своего «я», и вместе с тем он творит не свою волю, он не понимает сатанинской метафизики самоубийства. Человек хочет лишиться себя жизни, но он хочет лишиться себя жизни именно потому, что он не может выйти из себя, что он погружен в себя. Выйти из себя он может только через убийство себя. Самоубийца всегда эгоцентрик, для него нет других людей, а только он сам. Победить волю к самоубийству — значит, перестать думать глав-

ным образом о себе и о своем. Если человеку удастся вырваться из себя, то он спасен, и воля к самоубийству у него может пройти. Психология самоубийства есть психология замыкания человека в самом себе, в своей собственной тьме. Психология самоубийства не знает выхода из себя к другим, для нее все теряет ценность. В глубине же человека она видит не Бога, а темную пустоту. Вот почему психология самоубийства есть не духовное состояние. Самоубийство может быть от совершенного бессилия и от избытка сил. До этого страшного мгновения у человека была надежда, и она вернулась бы в следующее мгновение, но он принял это мгновение за вечность и решил эту вечность уничтожить, погасить бытие.

* * *

Готовы ли мы взять на себя ответственность — спасти другого? Но можно спросить, а для чего, зачем? Наверное, есть смысл спасать того, кто искренне готов вырваться из собственного ада. Ведь много и тех, кто получает от страданий и шантажа удовольствие.

Убить себя, как и убить другого... не просто все это. Самоубийца ведет жестокую борьбу с самим собой. Ему надо разрушить в себе самое главное — инстинкт самосохранения. Долгая и кропотливая работа, требующая огромных волевых и эмоциональных усилий. Не всем она под силу, не каждый с ней справится. Сначала хотел порезать вены, потом передумал, страшно вдруг стало от пропасти, что под ногами зияла. А как же тот, кто все-таки дошел до конца, что он увидел? Как жил свои последние годы, месяцы, дни?

Обида на жизнь, на людей, на самого себя — вот и все, что сам себе оставляешь. На другое не хватает ни сил, ни воли. В какой-то момент не справился с нагрузкой или просто надоело справляться. На какое-то мгновение опоздал, случайно или не случайно — вечная тайна самоубийцы. Трупные яды разлагающейся души ударяют в голову, и ориентиры внешнего мира окончательно поглощаются мглой. Ты все чаще оступаешься, ударяешься об острые углы, добровольно закрываешься от жизни и от всего того, что с ней связано. Воля к смерти, мало чем может поступиться воли к жизни. Внешне ты еще живешь, но внутренне уже мертв. В данном случае физическая смерть, это завершающая стадия смерти духовной. Человек умирает тогда, когда перестает думать о будущем.

* * *

Самоубийство или суицид, слова латинского происхождения и означают они, — намеренное лишение себя жизни. Такое явление, как само-

убийство живет столько же, сколько и человечество, и у самоубийц есть своя история.

С возникновением и развитием классов и государств общество относилось к самоубийствам все более строго. Это и понятно — интересы государства требовали все большего ограничения частной свободы; механизм насилия над личностью неминуемо должен был покуситься на главную область человеческой свободы: быть или не быть. Но так было не всегда. Например, в Древней Греции признавалось право на уход из жизни, это рассматривалось как право выбора человека, но для этого нужна была санкция властей. Часто разрешение на самоубийство получали осужденные преступники (например, Сократ). Однако самоубийство, совершенное без санкции властей, строго осуждалось и каралось посмертным поношением, в Афинах и Фивах, у трупа отсекали руку и хоронили ее отдельно.

Как ни странно, но раннее христианство относилось к самоубийству благосклонно, рассматривая его, как «во имя веры». С V века церковь начинает ужесточать отношение к самоубийствам. Английский король Эдуард Исповедник (XI век) самоубийц приравнивал к ворам и разбойникам. До 1823 г. в Великобритании существовал обычай хоронить самоубийц на перекрестке дорог, предварительно протаскив труп по улицам и проткнув ему сердце осиновым колом, на лицо клали тяжелый камень (считалось, что самоубийцы становились вампирами или привидениями). В средневековом Цюрихе утопившихся зарывали в песок возле воды; зарезавшихся выставляли на поругание. В Дании самоубийцу запрещалось выносить из дома через дверь — только через окно, затем тело предавали огню. В эпоху Возрождения трупы самоубийц использовали в анатомических целях, иногда из них изготавливали лекарство — мумие. Несмотря на все эти посмертные ужасы, самоубийства не прекращались.

Отношение к этому сложному социальному явлению начало меняться только в XVIII веке. Именно тогда философами Просвещения был поднят вопрос: «Если у человека есть юридическое право жить, стало быть, он может и не воспользоваться этим правом, т. е. прекратить свое существование?» И только в эпоху Французской революции (1789–1794 гг) самоубийство было вычеркнуто из списка уголовных преступлений.

Каждый год в мире совершается 500 тысяч самоубийств. 500 тысяч человек каждый год находясь между жизнью и смертью — выбирают смерть.

Самый высокий уровень самоубийств на сегодняшний день приходится на страны Прибалтики и СНГ.

Профилактикой самоубийств серьезно и основательно начали заниматься только в XX веке.

Психологическая помощь по телефону, так называемая «Линия жизни», впервые появилась в США и Австралии. В 1970-ые гг. телефон доверия появился в СССР и Восточной Европе.

Примечательно, что психологические отличия проявляются и в суициде. Мужское самоубийство обращено к согражданам, тогда как женское направлено на семейный эффект. Если мужчина принял решение покончить с собой, то уже вряд ли найдется причина способная остановить его; женщину можно отвлечь даже по дороге.

* * *

Эти мысли... Когда и как они приходят? Неожиданно? Или ты уже давно ждешь гостей? Ты их встречаешь? Или впускаешь, даже не рассматривая лица? Они пришли... И ты больше не в состоянии понять и осознать что происходит, уходишь в самый дальний и темный угол, только б не тронули. Ты прислушиваешься к себе, к душевной боли, но момент, когда можно было все еще исправить — упущен. Скоро из дома вынесут холодное тело.

Какие странные человеческие судьбы... Кого-то смерть настигает в самом расцвете, кого-то во сне, а кто-то сам ее вершит над собой. Есть и такие: пройдя семь кругов ада, подступив к краю бездны, неожиданно понимают, как же сильно хочется жить. У реки много русел, у судьбы много вариантов.

Однажды один самоубийца написал другому.

*Для веселия планета наша мало оборудована,
Надо вырвать радость у грядущих дней,
В этой жизни помереть не трудно.
Сделать жизнь значительно трудней.*

Владимир Маяковский Сергею Есенину

Отчего так много жизнеутверждающей силы исходит от людей добровольно идущих к смерти?

Виктор ГРИШИН

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Норвежские братья Гримм

«Норвежские народные сказки — лучшие сказки на свете».

Знаменитый сказочник Якоб Гримм

В 2012 году литературный мир отмечал замечательную дату: двухсотлетие со дня издания сборника «Детских и домашних сказок» немецких сказочников братьев Якоба и Вильгельма Гримм. С какой широтой и размахом отмечался праздник, говорить не приходится: только в Германии на фестивале сказок прошло 1.200 мероприятий.

Так получилось, что в тени великих коллег оказались двое других сказочников. Это Петер Кристен Асбьернсен и Йорген Энгбретсен Му. «Норвежские братья Гримм» — так их называли современники. В 2012 году Норвегия отмечала двухсотлетие со дня рождения «старшего брата» Асбьернсена, а в 2013-м несомненно отметит аналогичный юбилей Му. Они не были братьями. У этих собирателей норвежских сказок были абсолютно разные корни. Петер Асбьернсен родился в 1812 году в Христиании (ныне Осло) в семье ремесленника. Йорген Му родился в коммуне Хуле в семье местного фермера и политика. Петер повстречал Йоргена в 1828 году в школе, и вскоре они, как это делают многие мальчишки, смешали свою кровь и стали побратимами. Их дружба не умерла с годами, и результатом ее стал выход 12 декабря 1841 года прекрасного собрания «Норвежских народных сказок», которые и по сей день издаются во всем мире в «первоначальном» виде. В этом они были похожи на знаменитых немецких братьев, так как тоже собирали и обрабатывали норвежские народные сказания и сказки.

По жизни они были разными людьми. Асбьернсен стал лесничим и занимался научной деятельностью. Йорген Му избрал стезю священника и очень преуспел на этом поприще. Записывать сказки, предания, описания игр и народных костюмов побратимы начали каждый сам по себе. Первая запись Асбьернсена относится к 1833, а Му — к 1834 годам. Любовь к народному творчеству вновь сблизила их. В 1837 году

друзья составляют план первого сборника. По всей вероятности, толчком к этому послужило собрание сказок братьев Grimm, которое попало в руки Му в 1836 году. Исследователи считают, что идея записи норвежских сказок принадлежала Му, а Асбьернсен настоял на том, чтобы записаны и пересказаны они были в максимальной приближенности к устной народной традиции. Когда читаешь сборник, кажется, что написан он одним человеком, настолько един стиль. Но не все так просто. Побратимы читали друг другу рукописи и вместе редактировали прочитанное. Тогда что писал Асбьернсен и что писал Му, спрашивается вопрос. У каждого были свои, близкие им направления. Асбьернсен тяготел к записи и обработке шутливых сказок, а Му, как педант, выполнял остальную часть работы. Известный норвежский ученый, профессор Кнут Местель пишет: «Асбьернсен в большем родстве со сказками, чем Му. Он легче передает их веселую, детски-наивную и завораживающую интонацию...». Асбьернсена в большей мере интересовали сказки и легенды о мифических существах хюльдрах, троллях, как, например, сказка «Ночь на севере». Здесь разгадка простая: Петер в детские годы жил возле церковного кладбища. Он был близок с матерью, которая будучи женщиной впечатлительной, рассказывала мальчику норвежские сказки и сказания.

После выхода сборника «Норвежских народных сказок» каждый вновь пошел своей дорогой. Свое известное произведение «Норвежские волшебные сказки и народные сказания», вышедшее в 1848 году, Асбьернсен написал самостоятельно. Мольтке Му, сын Йоргена Му и первый профессор-фольклорист в Норвегии, писал: «„Волшебные сказки“ — это одно из самых замечательных изданий. Может быть, даже не самое важное для дальнейшего самосознания норвежцев, но самое характерное. Ни в одном другом произведении нет столь явного отражения действительности, какое есть в „Волшебных сказках“ ». После 1850 года «старший брат» норвежских сказочников заканчивает свою литературную деятельность и последнюю часть своей жизни посвящает изучению природы и работе лесника. Он скончался в 1885 году. Норвегии и всему миру он запомнился, как замечательный ученый, писатель, и, конечно же, в качестве человека, который увековечил фольклор в норвежской литературе.

Йорген Му оказался еще интересен для истории тем, что он был первым детским писателем в Норвегии. Именно ему принадлежит первый прозаический сборник авторских сказок. Кроме этого он запом-

нился специально написанными для детей стихотворениями. В отличие от Петера Асбьернсена, который интересовался мифическими существами, Йорген Му, скорее всего, в силу теологического образования, имел свои взгляды на сказки, занимался исследованиями народных сказаний. Он писал в 1854 году: «Рассказчик (сказитель) находится выше народа, но связан с ним крепкими узами». Исследователи относят творчество Му к поэтическому реализму. Его знаменитые поэмы: «Цветок-Оле», «Адская Пляска», сказка-легенда про «Кузнеца, которого не осмелились отправить в ад» для исследователей норвежского фольклора имеют и сейчас актуальное значение. Для детей Му написал автобиографическую книгу: «В колодце и в пруде», в которой поделился своими детскими воспоминаниями. В 1881 году Йорген Му был назначен командиром ордена святого Олафа, а через год, 27 марта 1882 года, один из великих сказочников Норвегии умер.

Несмотря на то, что в 1865 году Асбьернсен и Му решили не заниматься больше фольклором, считая, что выполнили свою задачу, в истории они остались как талантливые литераторы и одни из основателей национальной литературы Норвегии. Собрания сказок Асбьернсена и Му — это настоящие сокровищницы норвежского фольклора, ибо писатели старательно отбирали национальные, самобытные сказки. В них, как в капле воды, отражаются окружающая природа и жизнь Норвегии: леса и горы, глубоко врезающиеся в сушу фьорды, переливающиеся в лучах солнца, летящие вниз с головокружительной высоты водопады и, конечно, таинственные существа — тролли, хюльдры (горные ведьмы), ниссены (гномы). Не удивительно, что когда в 1879 году выходило первое иллюстрированное издание сказок Асбьернсена и Му, то гравюры и рисунки к сказкам сделали лучшие художники Норвегии Пер Крог, Эрик Вереншольд и известный своими «портретами троллей» Теодор Кительсен. По мотивам сказок норвежских братьев Гримм известный классик норвежской литературы, драматург Хенрик Ибсен создал свою сказочную пьесу «Пер Гюнт». Она так вдохновила знаменитого композитора Эдварда Грига, что он написал одноименную музыкальную сюиту.

Скандинавы любят сказки. Сказки отвечают им тем же. Сказки любят взрослые и дети, поэтому в каждом доме стоят томики любимых сказок. Сказки разные: народные и литературные, то есть сказки писателей прошлого, современные сказки. Все они уживаются на одной полке. Не зря кто-то из скандинавов сказал, что сказка — это душа

народа, самовыражение народа, его помыслы. Сказки и легенды, предания, обрядовые стихи и песни передавались из уст в уста, из поколения в поколение.

Маленькие норвежцы, едва научившись читать, берут с полки красочные томики, на страницах которых их ожидает встреча со множеством занятных персонажей — крошкой скрипачом Фрикком, придурковатым Губрандом с косогоров. Страшный с виду, но глупый тролль, которого легко перехитрить, и многие-многие другие навсегда становятся их добрыми знакомцами. Подрастая, дети еще не раз возвращаются к этим книжкам, и, даже став взрослыми, они готовы вновь, как в детстве, приобщиться к удивительному миру, созданному фантазией народа.

И взрослые, и дети особенно любят святочные рассказы. В рождественские вечера, где-нибудь на хуторе, многочисленная родня собиралась в большой комнате перед ярко пылавшим очагом, и люди постарше начинали рассказывать истории о привидениях, о болотных чудищах и троллях. Слушать их было жутковато, но захватывающе интересно. Скандинавы живут со сказочными существами. Попробуйте представить Норвегию без троллей? Невозможно. Не зря они называют троллей памятью земли. Тролли — национальное помешательство норвежцев. В них верят не только дети, но и вполне серьезные взрослые. Это порождение нереально прекрасной природы края, богатая фантазия и чувство юмора нации. Северные скандинавы сами похожи на своих гномов. Это и неудивительно — ведь они живут в лесах и в горах. Иногда рядом с пещерами и болотами. Поэтому и сказки свои они воспринимают как реальность, и это все удивительно только для нас. Скандинавы просто сами вышли из своих чудес, и живут рядом с ними, и все эти лесные жители для них — настоящая жизнь, может быть, даже единственно настоящая. Гораздо более реальная, чем у кого бы то ни было. Они только делают вид, что все это не так. Только это большой секрет, о котором северяне никому не говорят.

Собрание сказок Асбьернсена и Му отличает от других собраний национальных сказок разных стран и то, что они — первые и единственные — включили в свой сборник литературные рассказы о самом процессе собирания преданий и сказочных историй.

Якоб Гримм, прочитав сказки Норвегии, писал, что они — настоящее чудо, пополнение сокровищницы мировой литературы, и, кроме того, норвежские сказки имеют большое научное значение.

Двадцать первый век на дворе. А сказки Скандинавии живут. Давно уже они стали литературными, но от этого ничего не потеряли. Сказочные персонажи перебрались из хлебов пастбищ в благоустроенные дома и квартиры, но они по-прежнему желанны и любимы. Без всякого спросу перебираясь из одного царства-государства в другое, из одной культуры в другую, они меняют лишь имена да одежды своих героев, все прочее оставляя неизменным: добро, конечно же, побеждает зло, правда — кривду, а любовь — зависть и ненависть. Всегда. Из века в век.

Для норвежцев имена Асбьернсена и Му слились с народными сказками так же, как братьев Гримм во всем мире связывают с немецкими сказками. Самой высокой похвалой для «Норвежских братьев Гримм» стал отзыв знаменитого сказочника Якоба Гримма: «Норвежские народные сказки — лучшие сказки на свете».

Дмитрий БОБЫЛЕВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Взаимодействие окказиональной и узуальной лексики в поэтическом тексте

Окказионализмы — явление не новое, они присутствовали еще в речи классиков (например, Н. М. Карамзин в предложении «Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия» («Письма русского путешественника») впервые ввел слово «промышленность», позже прижившееся в языке).

Особенно актуальны окказионализмы стали в настоящее время, когда, исходя из проблемы «усталости» традиционных поэтических форм («в целом стихи нынешних авторов обнаруживают усталость поэтических форм, отсутствие ярких открытий» — А. Большакова), поэты активно используют весь арсенал средств, в том числе и словотворчество, причем в значительно больших объемах, чем большинство их предшественников.

Окказионализмы — (от лат. *occasionalis* — случайный) — индивидуально-авторские слова, созданные поэтом или писателем в соответствии с законами словообразования языка, по тем моделям, которые в нем существуют, и использующиеся в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

Нередко в источниках, дающих определение этому явлению, в качестве примера приводятся цитаты из творчества А. Левина.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что Левин употребляет окказионализмы несравнимо чаще не только поэтов-классиков, но и своих современников. Языковая игра нередко выходит у Левина на первый план, превалируя над содержательным аспектом и тем, что называется поэтичностью; нередко целые стихотворения построены исключительно на словотворчестве. Возникает вопрос: окказионализмы Левина — это явление того же порядка, что и окказионализмы классиков, или же это совершенно другое (пусть не новое — вспомним Д. Бурлюка) явление, отличное от традиционного употребления окказионализмов, когда они вкраплялись в текст, составленный из узуальных слов? И далее, с увеличением частотности придуманных

слов, вплоть до их доминирования над традиционными, не возникает ли ситуация, что в тексте, составленном преимущественно из окказиональных слов, как раз слова канонические тяготеют к выполнению экспрессивной функции? «Целый мир со своими законами природы, со своим животным миром, по-своему логичный и живой» (А. Левин), созданный поэтом с помощью окказионализмов, представляет узуальную лексику, присутствующую в нем, в качестве чужеродного этому миру объекта, который по контрасту с основным лексическим массивом текста не наделяется ли способностью выполнения функции стилистической фигуры? (Мы не касаемся здесь служебных слов, играющих роль необходимых скреп в любом тексте). О значимости взаимовлияния слов в тексте говорили многие ученые, в частности, глава датского структурализма Л. Ельмслев пишет: «...любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте». «Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...».

Факт традиционного рассмотрения окказионального слова в сопоставлении и противопоставлении его узуальному отмечает, в частности, исследователь О. А. Аксенова.

Так, А. Пушкин в романе «Евгений Онегин» для описания сказочного персонажа из сна Татьяны вводит окказионализмы «полужуравль» и «полукот», которые придают всему высказыванию экспрессивно-эмоциональную окраску. Происходит это отчасти благодаря оппозиционности слов индивидуального авторского словообразования всему остальному лексическому массиву текста, где благодаря номинации таким способом существа даже в описанном необычном мире претендуют на исключительность:

Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

По-иному выглядят авторские наименования живых существ в следующем тексте:

Все куда-то превратились.
 Вымерли, наверно.
 Муравоин кропотливый,
 гусельница-дева,
 стрекозунья-попрыгунья,
 бабочка-летута,
 самолетный паукатор,
 мухаил-орхангел,
 жук-ползук с морским отливом,
 тучный комарджоба,
 мошка с бантиком ленивым,
 стрекотун легатый
 и мечтательная с детства
 Тетенька улетка.

А. Левин «Все куда-то подевались...»

В моделируемой автором реальности окказиональные наименования благодаря их большой доле по отношению к прочим словам (18 против 35 в целом тексте, или 51%,) выглядят уместно и даже органично, т. к. это их мир.

Аналогичную картину наблюдаем в стихотворении В. Хлебникова «Кузнечик»:

Крылышкуя золотописьмом
 Тончайших жил,
 Кузнечик в кузов пуза уложил
 Прибрежных много трав и вер.
 «Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
 О, лебедиво!
 О, озари!

Из данного примера видно, что включение окказионализмов в текст в столь больших количествах — не изобретение современности, хотя для современной поэзии оно особенно характерно.

В приведенных текстах большая доля окказиональных образований способствует созданию особой художественной реальности, фантастичность которой не способны описать традиционные слова (это, в лучшем случае, было бы многословно), следовательно, необходимость применения словотворчества не обуславливается только лишь художественно-экспрессивной функцией. Иными словами, «окказиональность ... играет важную роль в создании новых, созданных в языке, реалий, образующих собой целый вымышленный мир» (О. Аксенова), но в подобном контексте ее экспрессивная функция, по меньшей мере, снижается.

В случае, когда произведение практически полностью состоит из окказионализмов, внимание обращает на себя уже каноническая лексика. Так, в стихотворении А. Левина «Как задохали Мурылика» традиционная лексика значительно уступает окказионализмам, кроме того, большинство канонических слов наделяется новыми значениями, не всегда понятными. Исходные лексические значения сохраняют, в основном, местоимения (указывающие на окказиональные слова):

Но как-то поздней влипотью под ваучер
он в лыбу маковатую ввалил,
где бормочи фуфачили «кубачью»,
где Пырька-хуль кунтыльники мочил.

По данным социолингвистического эксперимента, в ходе которого респонденты определяли семантику словоформ, входящих в указанный текст, только словоформа «поздней» была интерпретирована в соответствии со своим исконным значением (О. Аксенова). Вследствие этого можно утверждать о возрастании функциональной роли данного слова по сравнению с реализацией его в контексте канонических словоформ. Автор мог и это слово заменить окказиональным, или же наделять его новым значением, но не сделал этого только с ним одним. Словоформа «поздней» в результате приобретает дополнительную функцию, оно становится эмоционально окрашенным, и это негативные эмоции. С введением этого слова меняется настроение текста, здесь разделяются своего рода вводная часть стихотворения и основная; у героя начинаются неприятности, приведшие, возможно, даже к его гибели. «Поздней» сближается таким образом с семантикой конца жизни героя, и, следовательно, содержит оценочный компонент.

В другом произведении Левина, «От Щербы», где также большинство лексики — окказиональная (мы не учитываем служебные слова и местоимения, необходимые для структурной и смысловой целостности), явственно ощущается приниженная, пренебрежительная окраска искусственных слов (произведение даже опубликовано на атеистическом сайте ATEISM.RU). Отчасти это происходит за счет фонетического сходства окказионализмов с просторечной и даже абсценной лексикой, отчасти — благодаря контрасту с высокой лексикой прототипа — церковнокнижного текста.

В результате относительно небольшое число канонических слов, употребленных автором, изначально стилистически нейтральных, во-первых, обретает дополнительную функцию — делает узнаваемым прототип («почитай бокра своего и бокренка своего» — ср. «почитай отца своего и мать свою»), во-вторых, по контрасту с «приниженными» окказионализмами, берет на себя роль возвышенной лексики (хотя часть лексики изначально стилистически высокая, эта окраска распространяется и на нейтральные канонические слова), а вкупе с «приниженными» окказионализмами способствует созданию комического эффекта («Не делай себе бокра из будлания своего...»).

Данная статья не претендует на полномасштабное исследование свойств узуальных слов в окказиональном дискурсе, это скорее попытка обратить внимание на саму возможность иного их функционирования в указанном контексте, на их способность в результате этого приобретать новые стилистические особенности и диффузность семантики, и, с другой стороны, на способность окказионализмов воздействовать таким образом на узуальную лексику.

Вера ПЛАТОНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Трудности перевода или международный для начинающих

Одна моя подруга в студенческие годы связала себя узами брака с со-рокалетним американцем. И переехала жить к нему на родину в США. Но через год «счастливой супружеской жизни» она подала на развод, сообщив о главной причине — разности менталитета. «Если бы мы только не сошлись характерами — это еще полбеды. Но были вещи за пределами моего понимания», — жаловалась она. Случается люди разных культур не понимают друг друга. Не из-за незнания языка или трудностей перевода. Различия скрываются в другом: в образе мышления, в преобладании материальных или духовных ценностей, в поведении, в оценках, в манере мыслить и говорить.

Восток — дело тонкое

Размышлять об особенностях менталитета разных народов очень непросто. Ведь как одна страна не похожа на другую, так и каждый человек по-своему уникален. Я заметила, что особенности мироощущения сильно отличаются с запада на восток. Или с востока на запад. Наиболее тонкое миропонимание присуще народам Востока и юго-восточной Азии — японцам, китайцам, индусам.

Как говорил товарищ Сухов в «Белом солнце пустыни»: «Восток — дело тонкое». И для того чтобы распознать все нюансы восточно-арабского менталитета, надо либо там родиться, либо долго жить.

Главная особенность восточных народов, заключается в том, что они никогда и никуда не спешат. Выполняют свою работу неторопливо и размеренно. В согласии с их философией и религией. Бывая в арабских странах, я не раз наблюдала, насколько священно время молитвы для мусульман. Где бы не застал их голос муллы, они бросают дела и, не сходя с того самого места, где их делали, начинают возносить хвалу Всевышнему.

Восточные народы обладают врожденной мудростью. И талантом к торговле. Вспоминаю, как в Египте зазвал нас к себе в лавку Муста-

фа. Угощал кальяном и красным чаем «Каркаде». Не заметно для себя мы с мужем расслабились и закупили у него кучу сувениров. А когда вышли на улицу и опомнились, обнаружили, что нас сильно обсчитали. Таковы особенности национальной торговли. Примечательно, что обхитрить наивного белого туриста считается верхом мастерства. Но украсть — большой грех. В лавке у Мустафы от рассеянности и жары в сочетании с выкуранным кальяном я забыла сумку. И мне ее вернули в целостности и сохранности со всем содержимым.

Работают в восточно-арабских странах в основном мужчины. А женщины являются хранительницами семейного очага. Первые представления о мужчинах и женщинах Востока у меня сформировались в детстве после прочтения сказок «Тысячи и одной ночи». Арабские принцы казались мне сильными и отважными, могущественными и состоятельными. А их возлюбленные завораживали экзотической красотой, покорностью и загадкой.

Несколько лет назад мы вместе с семьей путешествовали на машине по горным дорогам Армении. В пути нас застала ночь с огромными низкими, только протяни руку, величиной с блюдца звездами. И мои родители приняли решение заехать в какое-то село к людям, адрес которых дали знакомые отца. Помню, как вышла встречать нас вся большая семья: старики, муж с женой и пять или шесть детей. Хозяйка накрыла богатый стол для дорогих гостей, на котором были вино, фрукты, местные лепешки и даже жареное мясо (в честь нашего приезда хозяин зарезал барашка). Угождая нам, она ни разу не присела за стол, как не просили ее мои равноправные родители. А когда мы уезжали, завернула с собой в дорогу подарки. Я никогда больше не видела ту армянскую семью, а воспоминания о ней до сих пор живут со мной — воспоминания переосмысленные временем. Потому что теперь я чуть больше знаю о глубинном значении женщины на востоке. Теперь мне понятно, почему всякий раз, когда хозяин вставал из-за стола, чтобы сказать тост, он вопросительно смотрел на свою жену, как бы спрашивая ее молчаливого согласия, советуясь с ней. Как сказал один «восточный мудрец»: «У вас женщины сидят вместе с мужчинами за столом, но ничего не решают». И в чем-то он был прав. Зачастую русские жены бывают сильнее по духу и берут на себя больше обязанностей, чем их мужья. Может быть, наше равенство полов чисто внешнее, показушное, продиктованное действительностью материального мира?

В Стамбуле мы останавливались в гостях у турков. Наблюдая за жизнью хозяйки и общаясь с ней, я с удивлением обнаружила, что она — главная в доме. Муж зарабатывает деньги, обеспечивает мощный тыл. И во всем слушается жену! А супруга носит яркие красивые, расшитые бисером наряды, в свободное от домашних обязанностей время не прочь отправиться по магазинам с подругами, водит машину и ведет активный образ жизни. Конечно, можно привести и другие менее радужные примеры, но я о них знаю только понаслышке. Так настолько ли соответствует правде утверждение, что женщина на востоке — человек второго сорта?

Семейные ценности ценятся здесь высоко. О чем свидетельствует небольшой процент разводов по сравнению с Россией и большое (не меньше 3-х) количество детей в семье. Частенько родственники живут вместе. Во всем поддерживают друг друга. На первом этаже дома селятся старики, начавшие стройку, на втором их дети и далее по поколениям. Снизу корни, сверху молодые зеленые ветки. Крепкое, как бамбук, дерево жизни, в основе которого вековые традиции народа, сумевшего сохранить свою культуру, язык и землю.

Семья и бог — вот две основные ценности, на которых прочно, как на китах, держится Восток. К его культуре можно только прикоснуться, но нельзя понять ее до конца.

Для стран Ислама характерны динамичность и молодой задор, борьба с «неверными» и поразительное чувство сплоченности, в свое время, делавшее непобедимыми орды Чингисхана.

Непостижимая Азия

Одна из самых непостижимых для меня культур — азиатская. У людей здесь так же, как и на востоке, сильно развита интуиция. Вера в бога и близость к природе делают их гармоничными личностями, которым не ведомы привычные для русских метания тревожной души, сомнения и страхи. Ощущение предопределенности и кармы позволяют жителям Азии быть спокойнее. Они с улыбкой принимают себя и свою жизнь, довольствуясь тем, что есть.

В Индии мы повсеместно наблюдали нищету. И никак не сочетающиеся с этой нищетой улыбающиеся лица индусов. Создавалось впечатление, что местное население не утратило способности «смотреть

глазами ребенка в глаза бога». А возможно, так и есть. Глядя на них, я понимала, что, повзрослев, разучилась, как в детстве, безусловно, радоваться мелочам и упускаю что-то важное в жизни. Но еще не поздно научиться, хотя бы улыбаться от души.

Для азиатов приветливость и дружелюбие — норма, как для русских сосредоточенное, серьезное выражение лица. В одном из путеводителей по России для иностранцев я прочитала: «Русские — неулыбчивые люди. Но это не значит, что они желают вам зла».

Несколько лет назад я работала в совместной российско-японской компании. И на переговорах частенько ловила себя на мысли, что по доброжелательным лицам партнеров из «страны восходящего солнца» трудно догадаться, о чем они думают на самом деле, согласны или нет со своим оппонентом. Чего не скажешь о нас — русских. Мне кажется, японцы обладают не только редким даром молчаливо созерцать красоту часами, но и «читать между строк».

В отличие от русских азиаты работают по-другому. Их нельзя назвать ленивыми или нерасторопными. Но они не будут допоздна «гореть» в офисе или делать все в последний момент, оставляя задание на потом. Идеальные рабочие взаимоотношения для них — коллектив, как семья. Дружба, взаимопомощь, посиделки после трудового дня для жителей восточной Азии имеют большое значение, в чем я убеждалась не раз. После работы мы дружной компанией ходили петь песни в караоке, посещали выставки, пили чай с пряниками или «племянниками», как называла их по ошибке моя японская подруга с красивым именем Кику (Хризантема). Она научила меня готовить блюда из сырой рыбы, риса и водорослей. И теперь я удивляю гостей умением «крутить» роллы, чему они несказанно рады. Контракт Кику в России закончился, и она улетела домой в Токио. Но наша дружба с ней продолжается. Теперь в Фейсбуке.

Молодежь в азиатских странах, как и их русские сверстники, а может быть, и чаще общается в интернете. К примеру, Япония занимает почетное второе место по количеству пользователей соц. сетей в мире. А Индонезия — первая страна в мире по числу пользователей Твиттером.

Если европейцы в большей степени сосредоточены на себе и культивируют индивидуальность, то жители азиатских стран не так уверены в собственных силах и любят объединяться в группы. Но вот, что я заметила, при всей колоритности внешности и самобытности харак-

тера азиаты нередко подражают европейцам. Например, японские девушки, следуя европейской моде, носят контактные линзы и осветляют волосы. Моя соседка — кореянка Регина, учившаяся в Петербурге, мечтала выйти замуж только за россиянина! Представители родной расы казались ей менее красивыми. В Индии я познакомилась с русскими парнями больше года живущими там. Они рассказывали мне, что когда у них закончились деньги, они зарабатывали «за счет белого цвета кожи». Индусы частенько приглашали ребят на разные мероприятия в качестве этаких «свадебных генералов». Благодаря их присутствию вечеринка сразу становилась престижнее.

В чем отличие азиатов от европейцев? Этим вопросам задалась группа психологов-ученых из университета Глазго. Они проанализировали, как люди рассматривают лицо человека, чтобы узнать или запомнить его. В эксперименте участвовало равное количество студентов азиатов и европейцев. Испытуемых попросили запомнить 14 лиц, которые показали на экране, а потом определить их среди серии других лиц. В ходе проведенных экспериментов ученым удалось выяснить, что европейцы определяют личность человека, фокусируя свой взгляд на треугольнике глаза — рот, в то время, как азиаты направляют его прямою на нос.

«В чем сила, брат?» — спрашивал в популярном фильме 90-х годов Данила Багров. И брат, герой Виктора Сухорукова, отвечал ему, что сила в деньгах. Нельзя сказать, что азиаты не любят деньги. Но сила их, на мой взгляд, в другом: в сплоченности и стремлении к коллективизму, в умении «читать между строк» и внимательно слушать.

Елена ЗИНЧЕНКО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Романтические заметки реалиста о солнечной Гринландии

Для многих, быть может, на первый взгляд, сочетание таких разноплановых профессий как адвокат и писатель, которые я олицетворяю, звучит не совсем привычно. Хотя моя основная профессия — профессия адвоката, наверное, все же имеет немало точек соприкосновения с литературной деятельностью. И писатель, и адвокат ведут непрерывный диалог с жизнью, в котором важен не вопрос, поставленный ею, а ответ, который даем на этот вопрос мы.

Творчество Александра Грина мне очень близко — ведь основной жанр моих произведений — авторские сказки, легенды, саги (кому же, как не адвокату сочинять сказки и придумывать легенды?). Но просто сказать, что творчество Грина мне очень близко — будет слишком сухо и официально. Его творчество меня завораживает и вызывает живое волнение. Ведь сказка нужна не только детям, но и взрослым. Она не дает нам уснуть душой, влечет нас в новые, сверкающие дали, является источником самых высоких человеческих страстей, показывает нам иную жизнь, которая нас тревожит, заставляет страстно желать этой жизни. В этом ее ценность, и в этом ценность невыразимого подчас словами, но ясного и могучего обаяния рассказов Грина. Ведь так? Вот каждый из вас — вспомните свои далекие детские ощущения и переживания после прочтения Гриновской «Бегущей по волнам», «Золотой цепи»! Причудливый мир «нереальной реальности» Гринландии рождал в сердце читателя веру в то, что любая мечта может стать явью — стоит лишь очень захотеть «оживить чудо». Недаром А. Грин писал о себе: «Сочинительство всегда было моей внешней профессией, а настоящей внутренней жизнью является мир постепенно раскрываемой тайны воображения».

Мне после его рассказов хотелось увидеть весь земной шар — и, как ни странно, не выдуманные Грином страны, а настоящие, подлинные, полные света, лесов, разноязычного шума гаваней, человеческих страстей и любви. Именно так я воспринимаю мир, в котором живут герои Грина — племя смелых, простодушных, как дети гордых, само-

отверженных и добрых людей. Этот мир может показаться нереальным только человеку нищему душой.

Нам необходимы мечтатели, такие, как Грин! И не обращайтесь внимания на насмешливое отношение некоторых к этому слову! Многие еще не умеют мечтать и поэтому не могут стать в уровень со временем. Если отнять у человека способность мечтать, то отпадет одна из самых мощных побудителей причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего. Грин стремился научить читателя почувствовать душу окружающего мира, устремиться навстречу мечте, как он писал «сверх общих явлений видеть отраженный смысл иного порядка...». Да, мечты не должны быть оторваны от действительности. Они должны предугадывать будущее и создавать у нас ощущение, что мы уже живем в этом будущем и сами становимся иными. Говорят об излишней мечтательности и авантюристичности сюжетов Грина. Это верно, но авантюристичный сюжет у него — только скорлупа для более глубокого содержания. Только слепой не увидит в книгах Грина любви к человеку.

Меня никогда не интересовали события и явления сами по себе — они вызывали живой интерес лишь тогда, когда они приходили в соприкосновение с людьми. И в этом плане у Грина можно многому поучиться. Ведь он был не только великолепным пейзажистом и мастером сюжета, но был еще очень тонким психологом. Он писал о мужестве, самопожертвовании — героических чертах, заложенных в самых обыкновенных людях. Наконец, очень немногие писатели так чисто, бережно и взволнованно писали о любви к женщине, как это делал Грин. У гриновской любви — тысячи аспектов, и в каждом из них — свое счастье, своя печаль, свой незабвенный свет и свое благоухание. Грин всегда и всюду благословлял любовь...

Наверное, не так трудно писать теплые слова о великом писателе, литературная судьба книг которого уже состоялась — ведь о Грине столько всего уже сказано и написано, что, наверное, весьма проблематично найти какую-то интересную, малоисследованную тему или факт в его творчестве или биографии. А именно с такими фактами я люблю иметь дело всегда и везде — и в своем творчестве, создавая авторские легенды и саги, и когда пишу свои сценарии для кино, и в ежедневной рутине, готовя свои адвокатские речи в суде, т. к. именно такие факты будят и дразнят человеческое воображение, заставляя

взглянуть на привычные вещи и явления по-новому, принять неожиданные решения и, быть может, изменить свою жизнь к лучшему.

Поскольку я родилась на Урале, и мое детство и юность прошли в столице Урала — г. Екатеринбурге, я, зная о том, что в биографии Грина был уральский период, когда в феврале 1900 года юный Александр Гриневский собрался на Урал, куда ушел в жестокие морозы пешком, с тремя рублями в кармане, выданными отцом на дорогу, решила немного исследовать в интернет-архиве знаменитой уральской библиотеки им. Белинского материалы о Шуваловских приисках, где работал тогда Грин. Хотелось найти что-то такое, о чем Грин не писал в своем автобиографическом очерке «Урал».

И я обнаружила в одной древней газете — московской «Правде» за 1965 г. очень интересный очерк Нины Бойко «Уральская одиссея Александра Грина». Когда я его читала, я вдруг увидела свой родной Урал глазами Грина — глазами юного писателя, который увидел эту дикую страну золота, и она зажгла в нем наивные надежды, о которых сам Грин рассказывает с мягкой иронией в «Автобиографической повести»: «Там я мечтал разыскать клад, найти самородок пуда в полтора — одним словом, я все еще был под влиянием Райдера Хаггарда и Густава Эмара». Со страниц старой газеты передо мной оживали картины: вот юный Грин идет на Шуваловский прииск, поднимая множество камней, валяющихся под ногами, тщательно осматривает их, надеясь найти самородок (я вспомнила себя юной студенткой, с рюкзаком за спиной, точно также, как Грин, пристально вглядывающейся в каждый камень на уральском Малышевском месторождении изумрудов, рискнувшей забраться на заброшенный рудник в поисках счастья); вот Грин с одним из «хищников» (так называли людей, добывавших золото и платину с чужих делянок и тайно сдававших их скупщикам) — соблазняется уйти в тайгу, но на первом же ночлеге у одинокой женщины спутник предлагает Грину убить хозяйку и ее детей и ограбить избу. Грин всю ночь не смыкает глаз. Утром он прогоняет несостоявшегося убийцу (для этого нужно иметь мужество и смелость) и предупреждает хозяйку о его намерениях, которая при этом чуть не лишилась чувств.

Читая увлекательную уральскую «эпопею» Грина, я вновь слышала, как гудит родная вековая уральская тайга, а Грин под это монотонное гудение рассказывает товарищам приключенческие книги, которые он прочел. Они забывали о каторжной работе, которая их ждала утром, и

уносились мечтами в далекие страны, где яркое солнце, красивые женщины и отважные мужчины. Когда чужие сочинения кончились, Грин начал придумывать свои. Через много лет исследователь творчества Грина, Вихров, скажет: «Кто знает, может быть, там, в лесной хижине под вековым кедром и родился писатель Грин, автор сказочных «Алых парусов»? Ведь юному таланту важно, чтобы ему поверили, а его слушатели верили сказкам Грина и восхищались ими».

Для себя я сделала вывод, что не только писатель-романтик родился в этой таежной хижине — родился замечательный писатель-реалист. С потрясающей достоверностью Грин оставил потомкам картины жизни простых тружеников в Пашии, никогда бы не напомнивших миру о себе, если бы не он! Там, на Урале, как нарочно, складывалось все так, чтобы сделать из Грина преступника или злодея. Просто непостижимо, как этот угрюмый человек пронес через мучительное существование дар могучего доброго воображения, чистоту чувств и застенчивую улыбку. Вероятно, это стало возможным потому, что вся его жизнь была озарена радугой — той мечтой, тем самым мостиком, который соединил будни настоящего с загадочным прекрасным будущим. Мы благодарны Грину за все: за его невероятный талант; за его проникновенно-глубокую человечность; за никогда не умиравшую в нем способность мечтать...

«Русский Стиль»
в Германии

Луч надежды

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Makramee der Gefühle: ein Familienmuseum

Die Kindheitserinnerungen besuchen mich immer wieder... Hinter dem gezierten Eismuster auf dem Fenster rauscht die uralte sibirische Taiga. Die Stricknadeln meiner Großmutter klopfen leise vor sich hin. Meine Großmutter ist eine Zauberin: zusammen mit den sanften flauschigen Schichten des luftigen Schals, strickt eine wundervolle unsichtbare Zierschrift einer bildschönen Sprache. Das ist die zauberhafte Sprache der Märchenwelt: farbenreich, wie ein liebkosender Sommerregenbogen, klar und wohlklingend, wie ein Bach im Walde, innig, wie Mutters Wiegenlied. Diese Sprache bezaubert, hüllt mich in sanfte Zärtlichkeit; das ist meine Muttersprache — Deutsch... Der Dunst russischer Gedanken verflüchtigt sich und die zerstreuten Perlen der deutschen Wörter beginnen, indem sie sich in Sätze zusammenbilden, plötzlich in einer vollkommen unbegreiflichen Weise Sinn zu bekommen. Vor meinen Augen erwachen Märchenbilder zum Leben. Ich bin bereit meiner Großmutter die ganze Nacht ununterbrochen zuzuhören und mich für das Geschick von Hänsel und Gretel zu freuen, mich von Herzen über die Streiche der Schildbürger zu amüsieren, zusammen mit Eulenspiegel spannenden Abenteuern entgegen zu laufen. Wie sehr wollte ich mich mit netten Kölner Kobolden befreunden, um eines Tages, nachdem ich aufgewacht war, festzustellen, dass sie auf eine unglaubliche Weise ins Tiefste von Sibirien gerieten und meiner Großmutter halfen, indem sie die ganze Hausarbeit für sie in der Nacht gemacht haben! Genau diese Wesen verstecken sich, wie Legenden erzählen, vor Menschenblicken und beenden alle irdischen alltägigen Sachen, mit denen Menschen am Tag nicht zurechtkommen. Wahrscheinlich hat jede Familie ihr eigenes kleines Familienmuseum. Da bewahrt man wertvolle Sachen, die einem sehr am Herzen liegen, von denen unersetzliche Erinnerungen erwachen. Ein altes Buch mit Märchen der Gebrüder Grimm, dessen Seiten schon Gelb von der Zeit geworden sind, belegt einen Ehrenplatz in meiner Familienschatztruhe.

Ich schwimme in den Wellen meiner Jugenderinnerungen... Die unwäg-
baren Wolken des zarten Morgens lichten sich. Der Morgen hat mich mit
einem Band von Heines Gedichten in meinen Händen angetroffen. Ich

lese leise die Gedichte vor mich hin: sonst hörst du die Harmonie deren Musik nicht. Wie ist sie, die Musik der Deutschen Reime? Welche Gefühle ruft sie mit ihren Akkorden in meiner Seele wach? Zusammen mit Mynona träume ich von neuen Horizonten vor mir, von Glück, von der Verwirklichung meines Traums:

Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn
 Im dunkeln Laub die Goldorangen glühn
 Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht
 Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht
 Kennst du es wohl? Dahin, dahin
 Möcht ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn.

Meine Seele steht still: sie freut sich und singt, sie erreicht einen Unison mit den lebendigen Klängen der Poesie von Goethe. Erst in vielen Jahren, als ich uralte deutsche Barock-Musik, vorgespielt vom Kammerensemble der Berliner Akademie für alte Musik zu hören bekam, verstand ich, dass ich genau diese Klänge in Goethes Strophen hörte. Doch vielleicht hörte ich diese Samtoktaven schon viel früher, in der stillen Lyrik eines deutschen Wiegenliedes, das mir in der Kindheit Mutter immer vorsang? Genau dieses Lied war ja mein erster Unterricht in Muttersprache. Ich schließ in den magischen Kreis des Guten mein Kindheitsweltall, und dasselbe uralte Lied der Menschheit wurde zu meinem Beschützer für das ganze Leben und beschützt mich bis heute vor böartigen Kräften. Ihre Worte, erfüllt mit Herzenszärtlichkeit, Innigkeit, Wärme und Mutterliebe, singe ich meinem Sohn vor:

La Le Lu
 Nur der Mann im Mond schaut zu,
 wenn die kleinen Babys schlafen,
 d'rum schlaf' auch du.
 La Le Lu
 Vor dem Bettchen steh'n zwei Schuh',
 und die sind genauso müde,
 geh'n jetzt zur Ruh'.
 Dann kommt auch der Sandmann,
 leis' tritt er ins Haus,
 sucht aus seinen Träumen
 für Dich den schönsten aus...

Und erwecke die Stimme der Mutter, die dieses einfache Wiegenlied singt und das Kind dabei in den Schlaf wiegt, in ihm Familienerinnerungen, tiefgreifende Talente und beherberge sie in ihm für immer eine ungewöhnlich große Liebe zur Muttersprache...

Ангелика РЕНЦ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Der Adler

Immer höher zu steigen,
Zu fliegen, immer weiter weg...
Der Adler konnte nicht auf seinem Platz bleiben,
So vieles hat er noch nicht entdeckt.

Er liebt es, auf der Luft zu gleiten,
Seine Freiheit zu genießen,
Fliegen immer, immer weiter,
Ohne recht wohin zu wissen.

Unter sich die Berge zu sehen,
Prächtige Felder zu überfliegen,
Einfach alles Weltgeschehen,
Von oben kann er mitkriegen.

Doch berauscht von der Freiheit,
Ist ihm eines entgangen.
Er hörte einen Schuss, und auf Ewigkeit,
War seine Flugzeit vergangen...

Der Goldfisch

Ein Angler saß einmal am Ufer,
Einen Goldfisch er zu fangen hoffte.
Doch dieser erschien nicht dem Glückssucher,
Der ihm seine Wünsche bestellen wollte.

Während dem Erwarten seiner Beute,
Machte der Angler sich Gedanken,
Was er vom Goldfisch haben wollte,
Doch die Wünsche wollten nicht zum Ende gelangen:

„Ein neues Haus, und Geld, und zwar sehr viel,
Dann ein tolles Auto, einen Beruf und... was noch?
Neue Möbel, einfach alles was ich will!
Und einen Garten und...“ Wünschte er weiter, doch...

Bis plötzlich ein Fisch an der Angel zog,
Erwartungsvoll des Anglers Herz pochte,
Doch die Erwartung ihn nur anlog,
Es war nicht der Goldfisch, den er erhoffte.

Und plötzlich, er konnte seinen Augen nicht trauen:
Der Goldfisch kam an die Oberfläche geschwommen!
Und sagte: „Deine Gier ist mir ein Grauen,
Wär es nicht so, hättest du was bekommen!“

Der Winterbote

Des Winters grausamer Bote,
Verbrachte die Zeit im Herbstreich.
Dieser Wind keine Blätter schonte,
Denn der Winter komme gleich!

Sein Auftrag war, die letzten Blätter,
Die die Zweige nicht verlassen wollten,
Auf die Erde abzuschmettern,
Damit der Winter kommen konnte.

So erging es auch diesem Blatt,
Das durchlöchert, das vom Wind zerfetzt,
Und doch hielt es sich aus letzter Kraft,
An seinem Zweig weiter fest.

Doch der Wind kennt keine Gnade,
Nur noch stärker er an den Blättern riss.
Ja, lange ließ er den Winter nicht warten,
Der Wind auch das letzte Blatt fallen ließ.

Елена МАРКШТЕДТЕР

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

„Was ist die Liebe? und „Warum liebe ich dich?“ sind zwei Fragen, auf die ich mit einer schimmernden Hoffnung verstanden zu werden nach einer Antwort sehr lange gesucht habe. Hier ist sie...

Was ist die Liebe?

Was nicht die Liebe ist, das entferne ich
 Wer mir im Wege steht, den vergesse ich
 Was mich aufhält, werfe aus dem Sinn
 Was mein Leben schwer macht, macht auch keinen Sinn
 Wer mich ärgern will, wird ausgelacht
 Wer vernünftig ist, nimmt sich selbst in Acht,
 Wer sich gerne hat, liebt den Nächsten auch,
 Die Liebe lebt im Herzen, und selten nur im Bauch.

Warum?

Warum und wofür soll ich dich lieben?
 Dein Antlitz ist in meinem Herzen für immer geblieben.
 Ob ich weine? Danach brauchst du mich nicht mehr zu fragen.
 Diese Welt ohne dich kann ich kaum ertragen.

Mein lieber Mann, was soll ich erreichen?
 Es ist schon undenkbar, dir auszuweichen...
 Du zwingst mich, mein Leben noch besessener zu lieben,
 Ich wachse heraus, um dich wahrlich anzuhimmeln.

Юрий ЮРУКИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Liebesbrief

Es ist Abendröte. Die Sonne ist schon tief.
Ich fühle mich so einsam und schreib' einen Brief.
Den schicke ich nach Russland und selbst bleibe ich hier.
Da drinnen gibt's 'ne Frage, 'ne Frage von mir.

Die Antwort ist überall und allen bekannt.
Das wissen blaue Wellen. Das weiss auch der Strand.
Das weiß auch der Vogel, der liebevoll singt,
der Wind, der von mir meinen Brief zu dir bringt.

Das wissen die Sterne in göttlicher Ruh'.
Das weiß jedes Steinchen am Ufer. Und du?
Mein Herz springt erst hoch und dann wieder ab.
Weißt du eigentlich, wie lieb ich dich hab'?

Наталья ДЕЙНЕКА-ДЮПРИЕ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Augen

Ab und zu ist es wahr, wenn man sagt, dass man seinen Augen nicht trauen soll...

Eines Abends kam ein Mann von der Arbeit nach Hause. Er setzte sich in einen Sessel. Er war sehr müde.

In diesem Augenblick streikten seine Augen. „Ich will dir nicht mehr folgen!“, sagte ein Auge zum anderen Auge. „Ich will dir auch nicht mehr folgen?!“, antwortete das andere: „Ich habe überhaupt keine Lust mehr all das zu sehen, was unser Mensch sehen will.“

„Ich will unsere nächste Nachbarschaft sehen, wie sie in Wirklichkeit ist: die Nase, die Backen, das Kinn, die Augenbrauen und die Stirn, und nicht deren Spiegelbild.“

Ein paar Minuten später:

„Oh, nein! Wieder diese Tausende von Bildern am flimmernden Bildschirm. Ich ertrage sie nicht mehr,“ beschwerte sich wieder das Auge, als der Mann den Fernseher anschaltete.

Nach eine Weile:

„Jetzt müssen wir noch die schwarzen Buchstaben erkennen!“, schrien die Augen, als der Man begann, die Zeitung zu lesen.

„Hilfe! Ich kann das Lid nicht mehr halten, das ständig zufällt,“ regte sich ein Auge auf.

„Freiheit!“, — schrien die Augen, nachdem die Lider sich geschlossen hatten und nicht mehr aufgingen. Der Mann war eingeschlafen und die Augen mussten auch schlafen. Der nächste Morgen verlief ganz friedlich und der ganze Tag war so wie immer. Die Augen erinnerten sich an den vergangenen Abend und beschlossen: „Es ist nicht alles so, wie es scheint. Je nachdem, aus welchem Blickwinkel wir es anschauen, kann es unterschiedlich interpretiert werden.“

Яна ИШМУХАМЕТОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

Lichter, Blicke, —
Schattenspiele!
Stille lauten...
Das bin ich, aber anders!

Zu dem Buch

Mein Herz klopft im Lebensrhythmus,
Meine Seele fliegt in die Höhe,
Wenn ich Märchen lese ohne Eile.

Die ganze Welt öffnet mir die Türen,
Das Buch gibt mir ein kluges Wort,
Und an Zauberei glaube ich wieder,
auf die Fragen finde ich Antwort.

Ich falle in die Märchenwelt,
wo man ohne Sorgen lebt,
probiere hundert Masken an,
und hundert Jahre leben kann...

Lies ein wenig wieder,
Heb in den blauen Himmel,
Und wenn dein Herz unruhig wird,
erinner' an das Märchen und lächel'...

Ich habe dich geliebt, aber du hast mich vergessen...

Meine Worte sind kälter als Stein,
Deine Blicke sind süßer als Honig,
Unsere Segel sind heruntergeworfen,
Vergehende Liebe ist unterbrochen...

Zum letzten Mal umarme ich dich,
Du hast den langen Weg.
in fremden Orten vergisst du nicht!
ich bitte dich: vergiss...

Vorübergehend

Jeder Laut fliegt von der Zunge
als viele bunte Schmetterlinge
und fliegend er rasch verbrennt,
von deiner Seele getrennt...

Als sanft funkelt die Haut,
ich war dir ähnlich,
und war auch Vorübergehend,
geflogen als Zeitlauf...

Татьяна МАРТЫНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Auf der Brücke

Wie Flüsse zerschneiden
Irdischen Leib,
Durch manche Entscheidung
Wird Leben zerteilt.
Über Einschnitte
Liegt Brückennaht —
Von jedem beschritten,
Wer Neubeginn wagt.
Sie trennt und verbindet,
Heilt und doch schmerzt,
Denn sie sich windet
Mitten durchs Herz.
Abschied und Begegnung,
Gewinn und Verlust,
Beginn und Vollendung
Speisen den Fluss.
Ob eiserne Drähte,
Stein oder Holz —
Sicherste Nähte
Sind überkreuzt.

Германия из моего окна

Вадим БОРИСОВ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Айзенах...

Чтобы избежать всяких кривотолков, сразу хочу сказать, что это слово произносится слитно и является завершенным. Гостиница «Айзенахер Хоф» (Eisehacher Hof Hotel), в которой я остановился, несмотря на свое название, также представляет собой очень милое и благопристойное заведение. В общем, мы в Германии, и все прилично. Ну, почти все.

Хотелось начать свой рассказ с какой-нибудь щемящей фразы, типа: «городок Айзенах, насчитывающий 44 тысячи жителей, затерялся в густых немецких лесах». Но об этом городе ТАК не скажешь. С ним связано слишком много великих имен, чтобы он затерялся в лесах или в анналах немецкой истории. Бургомистр города, херр (тут уж никуда не денешься) Матиас Дот, рассказывая о его истории, упомянул святую Елизавету, Мартина Лютера, Баха, Вагнера, братьев Гримм. Для маленького городка — просто невероятная концентрация великих личностей, повлиявших на мировую историю и культуру. Айзенах находится в двух часах езды от Франкфурта. Оттуда мы и начнем.

Первое, на что обращаешь внимание, когда едешь по автобану, что голова отдыхает (во всяком случае, так было в 2007 году, когда писалась эта заметка). Нет этих мелькающих щитов с прилипчивой рекламой. Мой немецкий коллега, которого я спросил, почему нет рекламы на дорогах, сначала просто не понял вопроса. «Она же здесь не нужна! Люди выехали за город и хотят отдохнуть». Чуть позже мне объяснили, что принят специальный закон, по которому реклама не может находиться к автобану ближе 200 метров. Скоростные трассы строят для того, чтобы по ним быстро ездить, а не быстро читать. По контрасту сразу же пришли на ум российские «шедевры»: возле знака ограничения скорости «100 км» — скромное объявление: «Памятники. Недорого. И номер телефона». Другой пример: на оживленной улице в Москве — большой рекламный щит строительной компании с нарисованными спичками и надписью: «Какие три спички нужно передвинуть, чтобы получился дом?» Если никуда не влепишься на месте,

потом полдня думаешь над поставленным вопросом. И рабочее время зря не проходит. Мозги всегда готовы к решению нестандартных вопросов. В свое время в Германии через один автобан сделали мост, по которому самолеты переезжали с одного летного поля на другое. Водители, летевшие по трассе на большой скорости, еще на подъезде к мосту, поднимали головы: «Вау, самолетик!» Продолжение смотрели уже врачи и полицейские, собирая в черные мешки остатки разлетевшегося восторга — это было самым аварийным местом, пока не поставили знаки ограничения скорости.

На протяжении всего пути по обеим сторонам дороги то и дело попадались ветряные генераторы, медленно вращающие свои лопасти. В Германии сильно экологическое движение. «Зеленые» получили 12% в парламенте, и ожидается дальнейшее усиление их влияния. До 2015 года правительство Германии планирует довести долю электроэнергии, вырабатываемой из возобновляемых источников, до 20% от общего объема. А толчком послужила авария в Чернобыле. До того времени у немцев были грандиозные планы по развитию атомной энергетики. Потом пришло понимание, что самое важное в жизни — это сама жизнь.

На большинстве автобанов фактически нет ограничения скорости. Едешь, сколько можешь. Лишь на поворотах заботливо поставлены знаки «120». Немцы ездят быстро, но аккуратно. За все время пребывания на пути не было ни одной аварии, ни одного полицейского, ни в городе, ни на дороге. При этом всюду царил порядок.

В населенных пунктах и там, где стоят знаки ограничения скорости, маскируют видеокамеры, фиксирующие нарушения. Через какое-то время нарушителю придет счет с приложенной фотографией, на которой изображено фото счастливого владельца авто с четко видимым номером машины и скоростью. При этом, даже если вы ехали не один, кроме вас на фотографии никого не будет: иначе это было бы вторжением в вашу личную жизнь. Мало ли кого вы решили очень быстро покатасть.

Немецкая полиция разворачивает борьбу против нарушителей скоростного режима; в металлические ограждения на мостах и поворотах вкручивают радары с видеокамерами. В интернете, в специальных чатах, составляются карты этих радаров. Немецкие посетители этих чатов следуют картам, законопослушно снижая скорость в отмеченных ме-

стах. При этом никому и в голову не приходит решить вопрос кардинально. «И что никто их не пытался вырвать?» — этот вопрос русская делегация задала почти хором. В этом мы были совершенно единодушны.

Среди лесов, которыми окружен Айзенах, на большой горе возвышается замок Вартбург. Он тесно связан с немецкой историей. Впервые он упоминается в 1080 г. в связи с нападением воинов замка на военный отряд короля Генриха IV. С 1221 по 1227 здесь жила святая Елизавета Тюрингская, она же — Елизавета Венгерская, дочь венгерского короля Андраша II, католическая святая, канонизированная в 1235 г. В возрасте четырнадцати лет она вышла замуж за Людвига, ландграфа Тюрингии. Жизнь королевской дочери на чужбине была нелегкой. Ее житие повествует о том, как «однажды ее муж встретил ее на улице, когда она несла хлеб в переднике, чтобы передать его бедным. Когда он раскрыл передник, чтобы посмотреть, что в нем, то нашел его полным роз». Неизвестно, долго ли еще продолжались бы такие чудеса, а только всего через шесть лет Людвиг Тюрингский умер. Что делают очень молодые вдовы в наше время? В лучшем случае просто страдают. А в XIII веке все было по-другому. Елизавета вступила во францисканский орден, посвятив оставшиеся четыре года жизни заботе о больных и страждущих. Елизавета особенно чтима в Германии, считается покровительницей Тюрингии и Гессена. В молитвенных образах она изображается в окружении нищих и калек, ожидающих излечения.

В 1521-22 гг. в Вартбургском замке под чужим именем скрывался реформатор Мартин Лютер. Здесь он перевел Новый завет на немецкий язык, и Слово Божие стало более понятным простому люду. Люд взбунтовался и учинил беспорядки. Сам Мартин Лютер всячески старался, говоря сегодняшним языком, дистанцироваться от практической реформации, говоря о том, что он имел в виду все-таки область теории. Однако даже в теории реформация подвергала сомнению распространённый католической церковью «Божий промысел» в виде торговли индульгенциями, что обеспечивало церкви высокие доходы. Так что можно много говорить о вере, но без финансовых причин здесь явно не обошлось.

Айзенах — центр Тюрингии. Это земля Восточной Германии, и до недавнего времени дом Иоганна Себастьяна Баха находился на территории ГДР, чем восточные немцы очень гордились. После объедине-

ния двух Германий правительство проводило налоговую политику, поощрявшую и компании, и частных лиц вкладывать деньги в восточные территории. В это время многие западные немцы, уходя от налогов, купили на востоке дома и квартиры и обстоятельно их отремонтировали, надеясь позже их сдавать. Однако заработать на сдаче в аренду им не удалось. Приезжие поляки не были расположены платить суммы, заломленные немцами. А последние считают ниже своего достоинства опускать цену до демпинговой. Может быть, это одна из причин того, что людей на улицах совсем немного. На фотографиях, сделанных в воскресенье, около пяти часов вечера, я не нашел ни одного человека. Я не делал эти фото специально, дожидаясь, чтобы снять здания, когда не будет прохожих. Улицы были пусты. Мы шли по городу, и через какое-то время я спросил своих спутников: «А вы обратили внимание, что, кроме нас, никого нет?» Мы были совершенно одни! Город казался вымершим. Хотелось спросить прохожих: «А где все?» Но в тот день на улице так никто и не попался.

Зато в пивных было многолюдно. Правда, в основном это были туристы. Гиды рассказывали, что, поскольку рабочий день начинается в шесть утра, немцы ложатся очень рано. Но вот куда они исчезают после работы и чем занимаются между четырьмя и десятью вечера, так и осталось для меня загадкой.

Поскольку до недавнего времени это была территория ГДР, государство раздавало семьям по 4-6 соток земли, чтобы простые граждане, в свободное от строительства социализма время, могли себе вырастить какую-нибудь еду. В отличие от нашей «дачи» шесть немецких соток представляют собой типичный огород. Как правило, на земле есть небольшой сарайчик или невысокое сооружение, в котором можно укрыться от теплого летнего дождя. Здесь нет на соседствующих участках соперничества архитектурных стилей. Здесь нет устремленности дачных строений вверх и вширь. Здесь окна соседа не смотрят в твои, как глаза в глаза. Землю выделили под сад-огород, и она используется строго по назначению. Причем, строить можно. Ничего не запрещено. Но за все надо платить. Если вдруг «садовода» застанут ночующим в строении на своем участке, строение сразу же переоформят в «жилой дом» с соответствующими высокими налогами. Мой вопрос: «А как это вдруг инспекция узнает, что именно в этом доме в это время кто-то ночует?» вызвал непонимание. «Так ведь сразу же сообщат!» — ответили мне. «А кто сообщит-то?» — все недо-

умевал я. «Да соседи же!» — с лукавой усмешкой продолжали растолковывать мне немцы. «Они сразу же позвонят в полицию, и максимум через полчаса нарушитель будет подписывать протокол». Законопослушные граждане методично закладывают законенепослушных, и это считается нормальным. Так работает Закон, и устанавливается Порядок. Нам такого не понять, так как мы, бывшие советские граждане, объединились единым фронтом против ментов, «своих» не сдаем и при этом продолжаем ругать милицию за то, что она ничего не делает.

В условиях, когда во всем порядок и определенность, тонкий юмор и шутки с двусмысленностями просто не проходят. В Германии в ходу юмор простой и грубый. Все — на контрасте. Вокруг так чистенько и красиво и вдруг, хабах! И ты по уши ВО ВСЕМ ЭТОМ. Вот это смешно!

Хозяин самого старого пивного ресторана «Башня аиста», построенного 800 лет назад как постоялый двор, показывал в подzemелье своего ресторанчика тюремный подвал, в котором в эпоху реформации содержали инакомыслящих. Посетители смотрели в шестиметровую глубину каменного мешка и покачивали головой, услышав, что приговоренный к повешению провел в этом месте семь лет. При этом каждый вечер сердобольный охранник кричал ему вниз: «Потерпи! Теперь уже недолго. Завтра твоя шея будет знать, сколько весит твоя задница».

«Кто не умеет улыбаться, тому не надо открывать свой бизнес», — продолжал свой рассказ немецкий ресторатор, подкрепляя слова лукавой улыбкой. По его свидетельствам, именно в этом городе случились самые важные открытия в истории человечества. «Еще в XII веке жители Айзенаха придумали сиденье для туалета. Правда, потом им понадобилось еще 50 лет, чтобы додуматься прорубить в нем дыру». Долгое время в каждом доме было свое подворье, и средневековая система мужских ценностей выстраивала следующую последовательность (по убыванию): коровы, овцы, козы, женщины. Но времена меняются, и постепенно женщины выдвинулись на первое место, начав управлять немецким государством.

Поскольку в нашей делегации были американцы, хозяин «Башни аиста», не упустил случая пройтись по народу без истории. «Вот этот забор, — сказал он, неторопливо указывая на каменную ограду, — был построен за три года до того, как Колумб открыл Америку». Все рассмеялись, согласившись с утверждением веселого немца, что Ай-

зенах — это, действительно, пуп земли и колыбель человечества.

Вот такой город. Вот такой Айзенах. Немцы. Они так похожи на нас. И природа та же. И грибы в лесу. И шесть соток под картошку. Но есть одно маленькое различие. Мы много говорим о Порядке и Законе. А они его установили и ему следуют. Все остальные различия вытекают из этого. И поэтому «Айзенах» — имя собственное и вполне завершенное, а «Москва, на...» — это вообще не имя. Это глагол. Причем, несовершенного времени, и предполагающий движение в строго определенном направлении.

Светлана ХРОМЫХ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Три часа в городе на Майне

Я снова хочу вернуться в этот загадочный для меня немецкий город Франкфурт-на-Майне. Впервые в жизни я оказалась в одном из пяти крупнейших аэропортов мира — Франкфурте-на-Майне в последний день сентября 2007 года. Я прилетела рейсом из Кишинева в 11 утра, а в 15-00 должен был прибыть самолет из Вены. Я должна была встретить коллегу и подругу, чтобы вместе добраться до Страсбурга — места нашей французской командировки в ПАСЕ (парламентскую ассамблею Совета Европы). Из обременений у меня с собой были два важных груза — первый я, не пожалев трех с чем-то евро тут же сдала в камеру хранения — черную дорожную сумку с вещами и провиантом, второй был всегда со мной — моя будущая Марта, которую я до сих пор называю не иначе как Фрау-Марта, А она спрашивает: «Мама, а правда, я с тобой в Германию летала?» «Правда, — отвечаю я, — летала, и Франкфурт успела за три часа посмотреть». «Только я была в животике», — шепотом говорит дочь. Марта родилась спустя полгода, в конце марта, когда от путешествия в Европу остались только приятные воспоминания и путеводитель по Франкфурту, который я купила в лавке у Ремера — городской ратуши за шесть евро. Кстати, именем Марта тоже отчасти обязана этому древнейшему европейскому городу, сумевшему произвести на меня неизгладимые впечатления.

Была чудесная погода, почти октябрьское солнышко припекало, как в бабье лето. Позеленевшая, как и положено любому медному памятнику, в центре ратуши меня встретила богиня Юстиция за чудесной черно-золотой кружевной оградкой. Все-таки немцы молодцы, подумала я, когда поняла, что вход в ближайшие музеи свободный. Поглазела в Историческом музее на портреты самых выдающихся горожан, гравюры, фотографии. Вышла на берег реки в районе Новой биржи, где застыли колоритные медведь и бык. Когда я спустилась к самому Майну — меня поразили лебеди, белые огромные птицы подплывали к тем, кто им кидал крошки хлеба в воду. На другой стороне реки я увидела современный катер, который мне напоминал по виду комфортабельную электричку — в серебристых тонах в стиле хай тек. К этому

времени мы с Мартой уже несколько притомились, наматывая круги по культурному центру Франкфурта, я искала дамскую комнату и чувство голода давало о себе знать. Уже не в первый раз проходя вокруг руин римских бань и каролингского дворца в археологическом саду, я попыталась спросить у пожилой немки, где здесь поблизости то, что мне нужно. Она посоветовала при помощи жестов и потока с обилием звука «Р» немецкой речи мне посетить ближайшую кафешку — подняться от руин по лестнице и справа желтое современное невысокое здание — на первом этаже — кафе. Я очень скоро оказалась на пороге этого заведения. Там играла живая музыка. Мужчина средних лет сидел за электро-фортепиано и наигрывал однообразную достаточно живую фольклорную музыку. Я посетила долгожданное в чужом городе место, умылась, вышла в зал и решила заказать треугольник чудесного на вид творожного пирога, на вкус он тоже не обманул ожиданий, свежий, с желтой корочкой, как у запеканки, изюмом, мне и Марте он показался изумительным. Но я стала замечать, что на меня как-то странно смотрят, и не потому, что я иностранка, а по возрасту. Оказывается, я попала в специальное кафе для тех, кому за..... и точно, там сидели пары — ему 70-80, ей от 50 и выше. Женщины переобувались в более изящные туфельки и под народную немецкую музыку танцевали со своими немолодыми кавалерами. Я доела свой творожный кекс и стала размышлять. Вот ведь немцы, народ. Молодцы. Если они так культурно свою старость проводят — танцы, переобувания, ухаживания. Далеко пойдут. Сравнила с образом жизни пенсионеров на моей Родине, где в таком возрасте человек — выработанный полностью, не до танцев ему. А тут чинно размеренно отплясывают, культурно отдыхают — поразило меня до глубины души. Ну как тут не припомнить о нации-победителе и побежденных, о восстановленном после бомбежек 1944 года городе — в общем, было над чем подумать. Но бродить и дальше по великолепному осеннему Франкфурту мне больше не позволяло время — нужно было спуститься в метро и возвратиться в аэропорт, время близилось к трем. Уставшая, но переполненная впечатлениями, что попала в самое сердце исторического города, я встретила рейс из Вены. Лина, моя подруга и коллега, а в последствии и кума, именно она и стала полгода спустя крестной Марте, была поражена тем, что я уже умудрилась поглядеть на город. «Ну ты даешь, вот шустрая, всего три часа, а она, беременная, рванула город смотреть, деньги тратить — ну вот, так и есть — путеводитель уже купила, открыточки с видами Франк-

фурта — евро штучка». Я взяла сумку из камеры хранения, и мы отправились к автобусу, который отъезжал в Страсбург». Я тогда возбужденно рассказывала Лине подробности, где побывала, что увидела, про стариков в кафе не переставала удивляться. Такие вот они, немцы, любящие себя педанты, что ж, браво.

Запомнился мне еще немецкий полицейский в черной форме и бордовом берете, он спокойно трижды объяснил мне, на какую электричку сесть, чтоб вернуться в аэропорт из старого города. Посмотрел мне в глаза и понял, что я ничегошеньки не поняла, взял меня аккуратно за локоть и лично проводил и посадил в электричку. А еще я выучила трудно произносимое почему-то для меня слово «флюгаффен», хотя все понимали просто универсальное «аэропорт», но я старалась из уважения к той нации, с чьей душой я волей неволей соприкоснулась в эти ирм часа. По дороге во Францию я размышляла вслух, что бы я посоветовала путешественнику, туристу из любой страны увидеть во Франкфурте, хоть мельком, как я.

- ◆ Если вы оказались в аэропорту, если вы в Германии транзитом — не отсиживайтесь, прыгайте в электричку и вдохните воздух улиц старого исторического центра.
- ◆ Покормите лебедей на набережной Майна.
- ◆ Прокатитесь на катере по реке, я хотела очень, но сэкономила, для меня это было дороговато, где-то больше 10 евро — я же была человек командировочный, подневольный.
- ◆ Побродите по руинам римских бань, полюбуйте на сочетание рядом фахверковых фасадов и современных зданий, как «Ширн» — культурный центр, поверьте, эти контрастные впечатления останутся у вас в памяти и в душе надолго.
- ◆ Зайдите в Кайзеровский собор или в церковь Святого Николая и сравните вид снаружи и убранство внутри, поверьте, многое вас удивит. Вам обеспечены философские да впрочем и теософские размышления о том, песчинка ли человек по сравнению со Всевышним, а может, еще помельче....
- ◆ Отведайте творожный немецкий пудинг или пирог, или кекс — он стоит моих похвал, и не только потому, что он утолил голод уставшей беременной иностранки, кстати, стоил он всего евро тридцать центов.

- ◆ Посмотрите, как пожилые люди проводят время, быть может, им осталось совсем немного — но оно, их время, наполнено достоинством, любовью к себе и ощущением бесконечности, это вдохновляет, весьма жизнеутверждающе.

Побывав на этой земле, я до конца поняла и прочувствовала шутку-быль, которую часто мне рассказывал дедушка родом из Сибири. Их учитель математики заходил в класс и начинал урок с неожиданного вопроса. Ну что, ребята, сколько Франкфуртов вы знаете? Все кричали — два, в то время среди них училась девочка Эмма Франкфурт. Учитель раздражался гомерическим смехом и исправлял учеников — а вот и не правильно — три.

Франкфурт на Одере, Франкфурт на Майне и Франкфурт на парте. Я не ждала, не гадала, что эта часто слышимая мной шутка материализуется в моей жизни, и я ее смогу настолько оценить. А еще у моего дедушки есть медаль «За взятие Берлина». Когда я летела во Франкфурт, спросила его — проходили ли они через этот город, он сказал — да не помню уже, так вот по-русски. Хорошо, что пришли мирные времена, и мы друг к другу летаем, а не на танках ездим. Это очень радует.

Катя ЧЕКОВСКА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Каштанопад в Курпарке

В стеклянном октябрьском воздухе раздается щелчок, затем свист летящего с небес ядра. Потом они сливаются в единый треск, звучащий на такой частоте, от которой в ушах отдается звон и становится смешно. Страшно, интересно и смешно одновременно, как бывает только в детстве. Попадет в тебя или не попадет. Если попадет, то в этот раз или в следующий? А если попадет, то в какое место? Лучше, конечно, отойти от каштана подальше в сторону, чтобы не попало. Но в стороне точно не попадет, и тогда потеряется весь смысл того, что было «страшно, интересно и смешно одновременно».

К происходящему присоединяется звук ударов об асфальт и свист отскакивающих на высоту человеческого роста ядер каштанов. Они отлетают на метр шестьдесят пять сантиметров. Вот дают! Я до такого роста тянулась пятнадцать лет, а они созрели за несколько месяцев и достали мой личный рекорд. А уж ростовой рекорд Тевтонских рыцарей, заселившихся в Бад Мергентхайме в 1229 году, каштаны побили наверняка, потому что их доспехи в музее достигают моего плеча (первое наблюдение). Орден Тевтонских рыцарей располагался в средневековом замке. В резиденции по проекту Бальтазара Неймана и Франсуа Кювиллье (Francois Cuvillies) построена капелла, потолочную роспись которой выполнил Николаус Штюбер (Nicolaus Stuber). Достопримечательностью здания и событием в архитектуре является винтовая лестница замка, не имеющая традиционного центрального столба (второе наблюдение).

Судя по спокойствию немцев, каштанопад в Курпарке, главной достопримечательности города, (третье наблюдение) — дело привычное. Странно, что предусмотрительные потомки рыцарей не повесили объявления: «Берегите головы! Летящие каштаны». Или так «Берегите каштаны от травм — носите мягкие головные уборы».

В октябре плоды сыплются на землю, чтобы отчитаться перед природой за прошедшее лето. Вот, мол, тебе плоды, природа, за то, что нас кормила, поила и приютила здесь в Курпарке Бад Мергентхайма —

старинном курорте Германии. Источник природной минеральной воды в парке удобряет землю всем необходимым. Минеральная вода, богатая микроэлементами и солями является превосходным средством лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта (четвертое наблюдение). Вокруг источников-много здравниц, доступных для жителей Германии и других стран. Минеральную воду необходимо употреблять под контролем врача, иначе возможно усугубление проблем. Лечебные минеральные воды — сильное воздействие на организм. Минеральной водой с маркировкой «столовая» можно запивать обед. «Лечебной» минеральной водой можно только лечиться.

Курпарк — один из самых красивых парков планеты (пятое наблюдение). При нуле градусов в нем цветут такие растения, которые у нас в Подмосковье появляются в апреле, отцветают в июне, а в августе уже готовятся к зимней спячке. Мама выкапывает клубни, хранит их особым образом всю зиму, потом готовит землю, и так каждый год, ради двух-трех месяцев красоты. И потом девятимесячная подготовка, как ожидание ребенка. В парке цветут лекарственные растения. Мы узнали гибискус, белладонну и других представителей семейства пасленовых. Гомеопатический препарат «Атропин», являясь энергией, а не материальной молекулой, способен вызвать галлюцинации, усиление дыхания и сердцебиение. Целая аптека расположилась под открытым небом. То ли прозрачный воздух, увлажненный минеральными источниками, то ли испарения лекарственных растений создают полное ощущения здоровья. Чем больше гуляешь, тем больше оздоравливаешься и понимаешь, что в Курпарк обязательно вернешься.

Кстати, все заведения в городе закрываются в шесть часов вечера, поэтому поужинать и погулять по магазином нужно успеть до шести (шестое наблюдение). Удивительная солидарность. Вероятно, в летние периоды с длинным световым днем, и кафе увеличивают свой день. Но осенью с наступлением темноты всем положено спать.

На всякий случай смотрю на дерево. Это я все про каштаны беспокоюсь. Не белки ли там набивают лапы, поджидая редких прохожих. Октябрь в Бад Мергентхайме не сезон для туристов, а для природы, похоже, самый сезон. На фоне золотой осени наблюдается золотое лето и золотая весна одновременно, опять имею в виду цветущие растения.

«Надо спросить у Лады Баумгартен, организатора конкурса «Русский Stil», ложится ли снег в Бад Мергентхайме, — думаю я. — Если не ложится, очень хорошо. У белок Курпарка будет достаточно еды целый год. А если снег выпадает, то зря они каштанами кидаются. Лучше бы запасы делали. Как наши подмосковные белки. У нас снег лежит с ноября по апрель, вся еда остается под полутораметровыми сугробами. Диких животных голод иногда из лесов в города выгоняет. Тех, кто не заснул на зиму. Жалко, что не бывает перелетных белок. А то я бы им посоветовала Курпарк. И соловьям бы то же, а то тащатся в Египет клевать верблюжьих колючки, когда в Германии такие каштаны».

— Давай договоримся, — предлагаю Человеку под свист пролетающих ядер, — если каштан в голову попадет, значит, очень повезло.

— Давай наоборот, — отвечает Человек. — Повезло — это когда по голове не попало.

— Думаешь? — Я не знаю даже, как будет лучше. Что случайнее и интереснее. Что больше похоже на детство. Вроде, и так, и так хорошо. Не имею в виду удар в голову. Как врач понимаю, что не каждая голова в результате удара кричит «Эврика».

Не могу сказать, случайно ли я оказалась в Германии или собиралась в нее последние двадцать лет. Друзья-немцы давно приглашали, но мы встречались на нейтральной территории. Поездка могла быть отложена до таких «лучших» времен, которые так бы и не наступили.

Слушаю треск каштанов и понимаю. Не случайно я оказалась в Германии, хотя еще недавно не собиралась. Никогда не слышала о Курпарке. Не знала, что хорошая минеральная вода льется из крана, а не продается только в стеклянной посуде и в редких местах. Вернее, знала, но сама с кружкой к источнику не обращалась. И риску подвергнуться каштанопадению никогда не подвергалась. Хотя рисков за прошедшую жизнь было достаточно.

Настоящие риски всегда непредсказуемы. Иначе они не риски, а опасности. Их пытаются снижать прививками, предупреждениями, отговорами от вредных привычек. Ан нет. Человек живет так, как живет, и подвергается рискам везде, где только можно. Тем более что он о потенциальных рисках ничего не знает. А если знает, то все равно делает то, что ему нужно, и часто по тем же граблям. Авось, с риском случится «авось», и он не реализуется. А про первые грабли, то есть риски, человек и не догадывается. Как я с каштанами.

Поездка в Германию пугала. Пугала не каштанами. Не каждой голове удастся получить свой каштан, его еще нужно заработать. Германия пугала Россией. В России живут дети, которых оставлять на бабушку — себе дороже. При любой возможности она «облегчает» их детство — запрещенными в семье чипсами и поит «запрещенной мной навсегда» газировкой.

В России есть работа, в которую трудно впрягаться обратно, когда на время выпряжешься. В России есть московский бешеный ритм, от которого рискуешь отстать, если вылетишь на время. В России ты в центре своего мира и кажется, что если покинешь этот центр, то мир не примет обратно или совсем засыплется. Я же — центр своего мира или директор собственной Галактики. В России есть то, что можно сравнить с Германией и наоборот. В России есть то, чего нет в Германии, и взять это в Германию трудно. И познать все это в три-четыре дня без эмоционального и информационного шока невозможно. А к шоку нужно подготовиться, хотя это и невозможно.

Поэтому для поездки в Германию был нужен веский повод. «Русский Stil-2012» стал таким поводом. Когда Бад Мергентхайм стал «Германией из моего окна», то многое прояснилось. Неожиданно выяснилось, что дети едят чипсы одинаково — как в твоём присутствии, так и во время твоей командировки. В этом плане можно не волноваться и ездить в Германию, сколько позволят средства, визы, поводы и желания. Работа, которая не отпускала в России, из Германии показалась не такой навязчивой и вполне сговорчивой. Пациенты тоже отнеслись с пониманием. Московский ритм Бад Мергентхайму не помешал, и мне удалось обежать город по часовой стрелке и против столько раз, сколько этого требовала моя подвижная натура и перманентная тревога. Мой мир, который «скрепя сердцем» отпускал меня из Москвы, не рухнул, не перевернулся и не прогнулся. Он устоял и даже окреп, потому что порадовался за меня. Он, мой мир, наполнился Германией и от этого только выиграл.

В мой мир ворвались картинки, в которых на траве лежат яблоки. Собаки понимают немецкий язык, а водитель автобуса искренне рад, что ты посетил его автобус, тем более что других пассажиров в нем не было. После шести вечера, рейсовые автобусы перестают ходить. Тогда таксисты подбирают редких туристов и везут их за полтора евро — столько стоит рейсовый автобус. Достигнув Бад Мергентхайма, желез-

ная дорога из двухколейной становится однокорлейкой, а электричка в городок приходит короткая — двух вагонная (седьмое наблюдение). Экономно, но качество перевозок от этого не страдает.

В Германии читают русских писателей. А еще перед вкушением пищи пожилые немцы целуют друг друга. Интересно, это вместо молитвы. Или вместе? Надо просить у Лады.

В Курпарке встречается на велосипеде человек, очень похожий на известного телеведущего Александра Мягченкова. «Как тесен мир, — думаю я и вспоминаю, что вчера из его рук получила диплом лауреата конкурса в номинации „Юмор, ирония, сатира“».

А еще в Германии летают каштаны, которые пролетают мимо уха со свитом и напоминают о том, что дни пролетают также. Незаметно и... Хотела сказать, что «смешно», но это уже не смешно. Поэтому нужно успеть. Успеть разогнаться и оторваться от московской орбиты, чтобы слетать туда и обратно с мыслью, что туда, куда летал, хочется вернуться.

До свиданья, «Русский Stil-12», до встречи в 13-м!

Поющие сердца
Моё кино

Победители

Подноминация «Полный автор»

Владимир ЖУКОВ

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Виктория ПОЛИНСКАЯ

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Наталья ЭЙКИНА

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

* * *

Подноминация «Исполнитель»

Коллектив «СЛАВЯНОЧКА» и Светлана РАГУЛИНА

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Максим ДАНИЛЬЧИК и Андрей СМЕТАНИН

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Кирилл АЛЕКСАНДРОВ

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Победители

Андрей КУЛЬБА

Лауреат 1-ой степени кино-конкурса «Русский Stil-2013».

Евгений ЛУМПОВ

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Надежда КРЫЛОВА

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса «Русский Stil-2013».

Информационный партнер фестиваля Телевизионная программа «Разговор с Александром Мягченковым»

Ведущий: Александр Мягченков

Шеф-редактор: Марина Меркулова

Авторская программа «*Разговор с Александром Мягченковым*» существует в телевизионном эфире с 4 сентября 2006 г. За это время ее героями стали более 1.000 человек — известных людей нашего времени. Личностей, совершающих поступки. Мы гордимся, что среди героев программы — Иосиф Кобзон, Андрей Кончаловский, Армен Джигарханян, Василий Лановой, Людмила Швецова, Роман Виктюк, Александр Михайлов, Дина Рубина, Владимир Познер, Анатолий Лысенко, Элина Быстрицкая, Наталья Солженицына, Владимир Коренев, Николай Гнатюк, Александра Пахмутова, Элеонора Митрофанова, Александр Розенбаум и многие другие. Каждый вечер по будням мы размышляем о взлетах и падениях, о трансформациях личности, о главных поступках в жизни. С 2009 года «**Разговор с Александром Мягченковым**» информационно поддерживает фестиваль «Русский Stil» и приглашает лауреатов фестиваля стать героями программы.

Юрий БЕРДАН

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

ЖИТИЗМЫ

* * *

Свобода слова — возбудитель творчества,
Она, как жарким днем вода и тень:
У вас есть право говорить, что хочется,
А у меня — не слушать вашу хрень.

* * *

За жизнь свою я был женат два раза.
Был неудачным оба раза брак:
Одна ушла к другому (вот, зараза!),
Другая же девятый год — никак!

* * *

Правительство наше забыло о Боге:
Дерет с нас, зараза, такие налоги!
Зарплату дадут — на остатки посмотришь:
Чем газ оплатить? А как быть с продовольствием?
Но говоря о налоге на роскошь —
Его бы платил я с большим удовольствием!

* * *

Мой шеф идиот. Он бездарен и груб.
Коллеги не знают простейшие вещи,
Мой тесть, как и дочь его, громок и глуп,
И отпрыск умом, к сожалению, не блещет.

Соседи... У них интеллект на нуле,
 Приятелей трое... Все трое дубины.
 Почти сто процентов людей на Земле
 Считают: почти сто процентов людей на Земле
 Дебилы.

* * *

Есть у меня друзья. Точнее — три.
 Один под стопку и любое блюдо
 Часами говорит про свой артрит,
 Жену, детей, работу, жизнь — зануда.

Другой готов под красное вино
 Без перерыва матерно и бойко
 Трепаться про театр, любовь, кино,
 Как будто не мужик, а балаболка.

А с третьим мы хоть час, хоть пять ведем
 Беседу о стихах моих последних,
 Про жизнь мою, семью, работу, дом...
 Какой же он прекрасный собеседник!

* * *

*«Понравилась нежная любовная лирика.
 В ней раскрывается романтик,
 прикрывающийся грубоватой бравадой».*

Из рецензии

Скажу вам так: про Юрия Бердана
 Никто из вас не знает ни шиша.
 А у него под маской грубияна
 Скрывается нежнейшая душа.

Но если вы его прочтете книги,
 Увидите: за нежною душой
 Лик циника, насильника, барыги.
 И интеллект. Но, правда, небольшой.

А под циничной аморальной маской
И минимальным уровнем IQ
Находитесь талант его гигантский,
Его — Бердан поклялся — не пропью!

А под талантом, комплексами мучась,
Истертый, мрачный, словно старый цент,
Хранит свою болезненную сущность
Нью-Йоркской психбольницы пациент.

Но под болезной сущностью дебила
В укромном уголочке, чуть дыша
(На все и всех давным-давно забила),
Запряталась ранимая душа.

Но если поскрести немножко душу,
В проточной всполоснуть ее воде,
Окажется: торчат оттуда уши
Жлоба, авантюриста... И т. д.

Письмо в газету

Вам пишет оскорбленная жена:
Мой муж бездельник. И неряха тоже.
Есть у него любовница. Она
Почти на двадцать лет его моложе.

Он сволочь и законченный прохвост.
Разбил по пьянке форд и два ниссана.
Метр шестьдесят четыре — это рост,
А на лицо — ну чисто обезьяна!

Со мной не ходит ни в кино, ни в клуб —
Сижу одна, реву до полвторого.
Гвоздь не забьет! К тому же очень глуп!
Еще и обзывается — «корова».

Со мной в постели полный ноль, пардон,
Зарплата, извините, — кот заплакал...
За это все таких мужчин, как он,
Когда-то на Руси сажали на кол!

Не знает слова «на», а только «дай».
Я с ним за жизнь намучилась изрядно!
Меня он в среду бросил, негодяй!
Скажите, как вернуть его обратно?

* * *

Ужасной волной четверть Бруклина смыто,
Упал на Челябинск метеорит,
Конфликт меж Корей (по сообщению МИДа),
И лес в Аризоне неделю горит.

В Кабуле теракты — плохая примета
Средь сотен других нехороших примет:
Распилена вдрызг олимпийская смета,
В Нигерии засуха пятое лето,
В Большом кислотой на худрука балета
Мерзавец плеснул! Марлезонский балет!
В ООН на кого-то наложено вето...
Нет в мире покоя три тысячи лет.

Увижу, услышу — весь в шоке и стрессе я,
Минут двадцать пять нет в душе равновесия,
Не пишется ямб, не закончен сонет.
От этих событий в народах депрессия,
С чего на Земле катаклизм и агрессия?
И каждый в смятении ищет ответ:
«Ну ни хрена себе!» — первая версия,
У всех, кто откроет с утра интернет.

Мой дядя

Блюда себя: диета, баня, спорт
 И каждый вечер — апельсина долька...
 А дядя мой — совсем наоборот:
 Не бережет здоровье он нисколько.

Ест то, что даже юному во вред,
 А пьет вообще любое, что ни дашь ему,
 И спит в неделю раза три с герлфренд,
 Не просто рядом, а по-настоящему.

Он лысоват и маленького роста,
 Живот, морщины... И глаза косят.
 Ему в субботу было девяносто,
 А мне в июле стукнет пятьдесят.

С меня недавно взял он обещание,
 Съев после рюмки жирный бутерброд,
 Что я его отмечу в завещании,
 А он мою могилку приберет.

* * *

Друзей-поэтов уважаю:
 Наташ, Олегов, Ир и Вить.
 И в гроб сходя, соображаю:
 Кого б из них благословить?!

Понять, кто гений — дохлый номер,
 Хорош любой — обидеть грех.
 И я решил, пока не помер,
 Благословлю, пожалуй, всех!

Они умны и моложавы,
 И хоть не Пушкины оне,
 Зато я буду как Державин,
 И это ТАМ зачтется мне!

Елена ИГНАТОВСКАЯ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Конфета

Мечтаю раздобыть конфету
Величиной с большой арбуз,
Чтобы она при всем при этом,
Имела мой любимый вкус!

Чтоб, откусив с полкилограмма,
Иметь запас кило на шесть,
Чтоб мне не показалось мало,
Но чтобы сразу все не съесть!

И за ночь чтобы подрастала,
Не помещаясь на столе,
И чтоб отросточки давала
Хотя бы раз в недели две!

Я стала бы такою щедрой,
Что братьям грамм по сто дала!
И дома сладости, наверно,
Не пропадали со стола!

Где взять большущую конфету?
Или хотя бы семена?..
Найду! Они должны быть где-то,
Найду и выращу сама!

Лень

Раскидала лень тетрадки,
В угол бросила портфель,
Дома было все в порядке —
Ералаш кругом теперь!

И тарелок грязных груда,
Пыли толстый-толстый слой,
Неужели лени трудно
Мыть посуду за собой?

По углам носки и брюки,
В центре — фантиков гора,
Да неряхе этой руки
Оторвать давно пора!

Ну, скажите, неужели
Трудно подмести палас?
Как не стыдно этой лени
Каждый день позорить нас?

Нужно, чтоб вмешался кто-то,
Чтобы в руки взял ремень,
Сразу закипит работа,
И сбежит из дома лень!
Нет, ремнем по попе больно,
От обид сойдешь с ума...
Не мешай мне, лень, довольно!
Лучше уберу сама!

Чудо

Что за солнце?! Вот вопрос!
Через сито, через сито
Прямо с синего корыта
Сеет лучики на нос!

Разыгралось — просто смех!
Так и чешутся ладошки
Золотые сыпать крошки:
Солнце дразнит всех-всех-всех!

Вот так чудо! Ох да ах!
Как забавные подружки,
Расселились конопушки
На ушах да на носах!

«Хо-хо-хо» и «ха-ха-ха»
Прямо с неба к нам несется —
Это так хохочет солнце,
Забавляясь свысока!

Каша

Я — обиженная каша:
Есть меня не хочет Даша,
На замок закрыла рот —
Я ж не сок и не компот!

Жаль, старалась я напрасно
Быть полезной, вкусной, классной,
Мною извозили нос,
Грустно чуть ли не до слез!

Ох-ох-ох, совсем непросто
Быть условием для роста,
Расползаться по щекам,
Видеть недовольство мам...

Плохо мне у Даши в миске,
Лучше я уйду к Дениске,
К Даше не вернусь назад,
Мне Дениска очень рад!

Лучик и непогода

Жил да был веселый лучик
В сером небе, среди тучек.
Он смеялся и кололся,
С непогодой боролся.

С настроением и хваткой,
К дыркам приложив заплатки,
Лучик быстрыми шажками
Небо прошивал стяжками,

А холодными ночами
Возвращался лучик к маме,
Но однажды по дороге
Потерялся в сером стоге.

И хозяйкой небосвода
Тут же стала непогода —
Вылив злобу из корыта,
Превратила небо в сито!

Наурыз

Нам сегодня не до драки,
Мы сегодня рады всем,
Так и манят баурсаки,
Ароматный чай в кесе!

Дастархан накрыт богато,
Мы гостей к столу зовем,
Наурыз влетел крылатый
Через окна прямо в дом!

Моя младшая сестренка
Подает на стол самсу,
На домбре играет громко
Папин родственник Турсун.

Ну а Серика невеста,
Знаменитый соловей,
Запевает снова песню
По желанию гостей.

Вот и время бешбармака —
Очень праздничный момент!
Ну, какая нынче драка?
Даже в мыслях драки нет!

Ели так, что еле-еле
Все смогли вместить в живот,
А теперь нас ждут качели,
Скачки, игры, хоровод!

Татьяна КАЙЗЕР

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Лис и смартфон

В этих краях Лис жил так долго, что уже считался старожилом. Один год сменяет другой, а с ними и что-то меняется в жизни.

Как-то Лис обратил внимание на то, что стали исчезать телефонные будки в округе. Потом стал замечать, что все жители, исключая разве что детей, ходят, слегка наклонив голову, держа у уха какой-то предмет, и громко разговаривают.

Лис реагировал на близкую человеческую речь тем, что стремился укрыться где-нибудь между колесами припаркованных машин. Но люди были заняты только разговором и не обращали внимания по сторонам. Постепенно мобильные телефоны начали всех прибирать к рукам.

Через некоторое время Лис заметил, что теперь уже многие ходят с опущенной головой и быстро перебирают пальцами по телефону. Люди стали заметно молчаливей.

Иногда просто удивительно, как некоторые, не глядя по сторонам, занятые перепиской, переходят улицы и газоны.

Лис теперь редко встречал человека, смотрящего в небо, а уж провожающего взглядом облака или птичьи стаи — и вовсе не вспомнить! Ребенок рядом с родителем гуляет в своем мире, где все вокруг вызывает огромный интерес, сыплет вопросами. А родитель идет, уткнувшись носом в ладонь, чтобы посмотреть стоящий на дисплее прогноз погоды.

Словно какой недуг одновременно заразил всех остеохондрозом: головы ни поднять, ни повернуть.

И вот однажды, перебегая лужайку, наткнулся Лис на странный черный предмет. Тронул его лапой — засветился экран, какие-то значки, картинки. Огляделся Лис по сторонам, никто пропажи не хватился. Все же подождал некоторое время для порядка, прежде чем забрал потерянное кем-то себе.

Дорога до норы показалась на удивление короткой, так не терпелось рассмотреть Лису свою находку. Быстро перекусил и стал изучать

дальше. Черная штучка оказалась телефоном, да не простым, а смартфоном. А при нем неиссякаемый запас всякой всячины. Не зря Лис был мудрым, сообразил, что без интернета здесь дело не обошлось. Потом все же устал, решил, что для первого знакомства хватит, отложил до утра. А расчудесная игрушка и без него временами сама включается, что-то показывает, да еще и музыку играет. Не удалось Лису хорошенько выспаться.

С утра, кое-что сделав, опять прильнул к телефону. Понравилось ему: раз лапой проведет — картинки, второй — фильм, третий — музыка. Временами появлялись и чьи-то лица — что-то спрашивали, смеялись, сердились, исчезали.

С трудом к вечеру Лис от смартфона оторвался — голод-то не тетка. Далеко на охоту не пошел, так кое-что нашел перекусить и назад в нору. А там новый друг заждался.

Все реже и реже и ненадолго стал покидать Лис нору, ленивым стал. Был сильно недоволен, если кто вдруг пытался отвлечь его. Со знакомыми перестал встречаться, а потом и вовсе общаться. Головы оторвать не мог, а то бы увидел, что паутина уже гирляндами украсила его жилище. Обедать еще удавалось мышками-полевками, которых подводило любопытство, когда прислушивались к звукам, доносящимся из норы.

Но незаметно подошла зима, сугробы насыпала. Все куда-то попрятались. Понял Лис, что если так будет продолжаться — не перезимует. Отошал. Шерсть стала какой-то слежавшейся и не грела. Тут бы и Лису и нашей сказке конец пришел, да замолчал смартфон, экран потух. Все. Заряд кончился.

Поблагодарил Лис судьбу, что искушение временным оказалось. Без прежней прыти, но все же привел жилище в порядок, наведалься к знакомым мусорным контейнерам, потом и к охоте подготовился. Округлились бока, залоснилась шерстка, вернулась былая краса и хвосту. Стал, как и раньше, поглядывать на небо, жмуриться солнцу, улыбаться луне и звездам.

И теперь, когда Лис встречает на пути человека, подставившего небу затылок, ему доставляет огромное удовольствие перейти дорогу перед его носом и даже махнуть хвостом по его обуви... безнаказанно!

Снеговик

Однажды зимним вечером, наконец, с неба посыпался крупными хлопьями снег. За четверть часа насыпало столько, что на лужайке перед домом вполне можно было лепить снеговиков. Вдоль тротуаров урчали маленькие снегоочистители, освобождая проход между сугробами. Светящиеся окна, украшенные рождественскими дугами и звездами, фонари, искрящийся снег — все участвовали в общем рождественском настроении.

На лужайке маленький мальчик с бабушкой радостно катали большие снежные шары для снеговика. Руками стали ветки от уснувшего на зиму кустарника. Вот только для носа под рукой не оказалось морковки. Не было и головного убора — ни традиционного ведра, ни картуза. Но чуть фантазии — и у снеговика появилась шапка — яркий фантик от большой шоколадки.

Наблюдавшая за лепкой, женщина с удовольствием фотографировала довольного сына рядом со снеговиком. Восторженные крики и смех кружили хоровод со снежинками. А потом все ушли.

Снеговик с интересом оглядывал окрестности. Ему очень хотелось с кем-нибудь пообщаться. Но до стайки нарядных, в белоснежных шубах елок, насмешливо как ему казалось, перешептывающихся, было немножко далековато.

Мимо пробежала рыжая красавица. Она только поприветствовала нового соседа, и роскошным хвостом замела натоптаные вокруг него следы. Было время ее вечерней охоты, и она заметно спешила.

Дворники уже закончили свою работу, снегоочистители уехали. Редких прохожих интересовали только проложенные к домам тропинки.

Тогда Снеговик решил подремать до утра. Но совсем скоро его разбудил скрип шагов совсем близко. Он обрадовался, заулыбался. Но неожиданно обрушившийся удар по плечу разломил его пополам.

Сквозь слезы увидел он невысокого темноволосого паренька без шапки, сплюнувшего в раздражении на снег то ли злость, то ли отчаяние.

Наблюдавшая из-под лохматой елки возвратившаяся лиса была озадачена. Чем был вызван такой жестокий поступок? Казалось, он был не того возраста, когда можно ожидать всяких необдуманных поступков, проказ.

Здесь дети, кого она знала, могли в игре неосторожно развалить снеговика, но чтобы специально и зло — такого не было на ее памяти.

Этот паренек был явно не старожилом. Может, там, откуда он приехал, не было снега, и никто не лепил снеговиков? Или же его задевало всеобщее предрождественское ликование вокруг, которого прежде не видел на своей далекой родине.

Его злил холод, отсутствие друзей — тоже.

Да и близкие с переездом как-то изменились, приняли новые правила, распорядок жизни, хотя все же избегали внимания к себе.

Жизнь в напряжении не может долго продолжаться — когда-нибудь происходит разрядка.

Паренек оглянулся на разваленную снежную фигуру, и что-то похожее на сожаление или досаду шевельнулось под курткой. Он, конечно, не верил ни в каких дедов Морозов.

И все же ожидание новогоднего праздника настраивает на ожидание чего-то лучшего, каких-то приятных перемен.

В эту ночь ему приснился сон. Уставший от одиночества и непонимания, от насмешек домочадцев и сверстников, он сидел и плакал в пушистую, но холодную шубу снеговика. А тот осторожно ветками рук гладил его и утешал.

Вдруг рядом кто-то остановился.

— Если в такое удивительное время кто-то плачет, значит, в его жизни просто не осталось ни капельки радости. Это так оставлять нельзя, — склонился над приятелями румяный седобородый старик в красном полушубке, подпоясанный широким черным ремнем.

— Так ты вправду существуешь? — воскликнул паренек, удивленно разглядывая Деда Мороза.

— Да, для тех, кто ждет меня и не закрыт от сказочного мира, мира чудес, неожиданностей, сюрпризов, доброты. И ждет не только моего прихода с подарком, но и сам приготовил подарки, которые бы хотел раздать с моей помощью. Ты плохо поступил с моим другом снеговиком, но меня попросили и тебе передать подарок.

— Мне? — от волнения перехватило горло. — А кто?

— Видно, тот, кто тебя любит. Держи! — с этими словами Дед Мороз протянул небольшую коробку.

Там оказался смартфон. Паренек, все еще недоумевая, осторожно прикоснулся к нему.

На экране вдруг поплыли картинки его родного городка, а потом он услышал любимый голос оставшегося там дедушки...

Наутро столбик в градуснике пополз вверх, дорожки освободились от снега, сугробы вдоль лужайки заметно осели. О разрушенном снеговике напоминанием остался только яркий фантик от конфеты, зацепившийся за ветку.

До Рождества оставались считанные дни...

Новое увлечение

Внука вниманье к железной дороге
Играм другим не оставило места.
Сказки, конструктор, машины в тревоге —
Нет ни малейшего к ним интереса.

Книги про поезд, про поезд мультфильмы,
И про метро, электрички, трамваи.
Вдруг в новой книжке картинку нашли мы —
В космосе наша Земля проплывает.

Сразу к планетам проснулось вниманье —
Спутник, Сатурн, астронавт интересны,
Космос волнует, простор Мироздания.
Стало ракетой удобное кресло.

— Ты позови, как обед приготовишь.
Быстро примчусь я с работы из космоса.
Карта надежная будет со мною.
Мы — в этой точке огромного глобуса!

В Космос ракета взлетает стремительно.
Там приключения разные встретятся.
Внук мне на ухо шепнул доверительно:
— Знаешь, я чувствую, как Земля вертится!

Чайка и Рома

Чайка над водой кружится, Ищет чем бы поживиться. Ей за рыбой лень нырять. Лучше Рому подождать. Принесет ей вкусный хлеб — Из кондитерской обед.	В школу наш малыш не ходит И читать еще не может. Кто-то написал таблички, Что нельзя кормить здесь птичек. Экология заботит? Человек комфорта хочет!
--	--

Утро — день — вечер — ночь

Утро скачет по подушке, Сон с лица водой смывает. Ну а солнце добродушно Нас до школы провожает.	Нет усталости как будто, Хоть не бегаю как ветер... Рядом с мамою уютно Проводить за книжкой вечер.
Заполняют день учеба, Игры, спорт, задания на дом. И минуты нет свободной — Столько дел исполнить надо!	Полусонная пижама Обнимает мягко плечи. Ласково целует мама, Провожая сну навстречу.

Ночь крадется по квартире.
Спят игрушки и компьютер.
Все должны набраться силы,
Чтобы завтра встретить утро.

Исполнение мечты

Я весь год мечтал о море,
Рисовал ветра и штормы,
Чаяк, волны, маяки,
Моряков и корабли,
Белый поезд облаков,
В сетях рыбаков улов.
Волны в пене белых кружев
Из глубин несут наружу
Водоросли и медузы,

Россыпи камней радужных.
Пляж... песок... у кромки самой
Загорает моя мама.

Наконец-то, мы на море.
Чайки кружат на просторе.
Солнца брызги янтарем
Возвращаются из волн.
Пляж... песок... и край земли.
Исполняются мечты!

На пляже

Солнце спрячется за тучу —
Дует ветер с дюн колючий.
На воде барашки.
От воды мурашки.

Полотенце-друг спасает —
Дрожь уже не пробирает.
Переждем немного,
Потом снова в воду.

Манят волны нас игриво.
Вот и солнце жар разлило.
Вновь загаром мажет.
Хорошо на пляже!

Гроза

Ветер гонит тучи к морю.
Кто решится с ним поспорить?
Все торопятся укрыться:
И прохожие, и птицы.

Расцвели зонтами дружно
Улицы, кафе. Ненужным
Оказался грустный пляж.
С ним причал — всех лодок страж.

Но гроза недолго длится.
Солнце осветило лица.
Сшила море, облака,
Улыбаясь, Радуга.

31 декабря

Мы встречаем Новый год.
Может, Дед Мороз придет
Этой ночью звездною?
Но не верят взрослые!
Разговоры, радость, смех —
Я, конечно, громче всех
И во всем участник —
Школьник-первоклассник.
Возле елки яркой
Нахожу подарки!

Вдруг раздался в дверь звонок.
Кто шагнул через порог
В красной шапке меховой,
С белоснежной бородой?
Шуба длинная до пят
И большой мешок в руках!
В шутку голос грозный:
— Ждут здесь Дед Мороза?!
Гладит варежкой усы.
— Будут песенки, стихи?

Я в большом волнении
Хочу стихотворение
Первым Деду рассказать.
Он спешит подарок дать,
Гладит мои кудри...
А глаза... бабулины!!!
С Деда бороду тяну...
Всех уже зовут к столу.
Крепко я обнял бабулю,
За такой сюрприз целую.
Мы с ней верим в чудеса —
Пусть сбываются всегда!

Сергей УГРЕНИНОВ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Люсенька

Повар Васька Косматенко с ведром отходов после обеда спустился в неглубокий овраг, тянущийся от маленького животноводческого поселка к речке Кара-Тургай мимо трех вагончиков поисковой партии. Овраг, заросший бурьяном и раkitником, лишь по веснам наполнялся водой, в остальное время был сух, тих и никому не нужен. Но нынешним летом нагрывавшие в эти места геологи в поисках свинцовой руды развернули на его краю маленький лагерь и стали использовать овраг в качестве помойки. Нет, Васька Косматенко не бросал в него консервные банки, бумагу, бутылки и целлофановые мешки, их он зарывал в яму наверху. Сюда же приносил только остатки пищи, чтобы добро, как он говорил, не пропадало, а шло хотя бы на пользу местным птицам и зверькам. И действительно, большая часть отходов в течение вечера, ночи и раннего утра пропадала. Одних постояльцев дармового стола Васька увидел со второго дня: сороки и вороны всегда оставались на высоте насчет поесть в сравнении с другими пернатыми, да и в сравнении со своими пушными конкурентами. В этот же раз Косматенко обнаружил их, недовольно прыгающих, трещащих и каркающих на склоне оврага и на крупной иве, раскинувшей свои ветви над помойкой.

«Чего это они истерику закатили?» — удивился Василий, шагая к кусту. Осталось до него совсем немного, когда повар увидел рыжую лисицу. Она, опустив остроносую голову, хрустела какой-то косточкой. Рыжая была так занята ею, что за собственным хрустом и криком птиц не слышала шагов человека.

Васька Косматенко расплылся в широкой и счастливой, как у ребенка, улыбке. Белый ряд зубов резко контрастировал с его темным от загара курносым лицом с синими ясными глазами и густой сеточкой морщин возле них. Да, Васька уже давно был не юношей, ему шел пятый десяток лет, а в кудрях его пепельно-русых волос уже виляла седина, но душой он был моложе многих своих товарищей-бурильщиков и геологов. Только перелом руки весной не дал ему этот сезон трудиться на бу-

ровой, но и на кухне Косматенко не чувствовал себя ущемленным, готовил очень даже прилично и никогда не хитрил с продуктами, не воровал, как это нередко бывает в экспедициях. Косматенко был живой, страшно веселый и чрезвычайно энергичный человек. Он всех любил в партии, и его любили все. Именно поэтому его и старшие, и младшие звали по-своейски Васькой, и произносили все это имя с почтением и уважением, а не высокомерием и небрежностью.

Лисица расправилась с костью, облизнула темный кончик носа и, подняв голову, уставилась желтыми, словно янтарь, глазками на высокую, худощавую фигуру Васьки. Косматенко неслышно хохотал и, задирая небритый, шершавый подбородок, тихо шептал себе: «Ой, не могу!» Его ужасно веселила недоумевающая, растерянная морда золотисто-желтой с белой грудкой красавицы. Лисица опять облизнулась, неторопливо развернулась и рысцой побежала по оврагу к речке. Но, преодолев метров десять, она остановилась, оглянулась и села.

Косматенко со смеющейся физиономией подошел к помойке и вывалил содержимое ведра. Лисица устремила глаза на ведро, затем снова посмотрела в лицо человека.

— Какая ты смелая, степная принцесса, — ласково заговорил с ней Васька, — молоденькая, наверное, еще бояться человека не научилась. Лисонька, ли-исонька.

Васька протянул в сторону зверя жилистую руку с поднятой кверху ладонью:

— Иди, принцесса, кушай. Ли-исонька, Люсенька.

Но та поднялась на четыре лапы и убежала, теперь уже не оглядываясь.

На следующий день лисица снова кормилась отбросами. Опять Васька манил ее рукой и звал к себе: «Лисонька, Люсенька». В этот раз зверек отбежал от человека метров семь, вертел острой мордочкой, наблюдая за васькиной пятерней и облизываясь при виде свеженьких пахучих объедков со стола геологов. С каждым днем у новой знакомой Косматенко прибавлялось смелости. Дошло до того, что она стала выхватывать кости с кусочками мяса прямо из васькиных рук, но дотрагиваться до себя, правда, не позволяла. Но Косматенко был счастлив и таким «контактом». Постепенно Васька стал знакомить с рыжей Люськой и своих коллег. Приводил их по одному, а затем и по двое в овраг

и демонстрировал им прирученность лисицы. Все ахали и восхищались талантливостью повара общаться и дружить не только с окружающими его людьми, но и животными.

— Эх, если бы рядом жил волк, я бы и его приручил! — хвастался Васька. И ему все верили, уж такой он был неотразимо привлекательной личностью.

Но наступил октябрь, пошли долгие холодные дожди, а к середине месяца выпал и первый снежок. Геологи и бурильщики отправили в город самоходки с буровыми установками, мощные автомобили «Уралы» потащили по грязи вагончики, а за людьми прикатил вахтовый ГАЗ-66. Двадцать первого октября десяток последних счастливых геологов и бурильщиков, счастливых от мысли, что скоро будут дома, в городе, в уюте современной благоустроенной квартиры, рассаживались в салоне вахтовки. В степи хлопнул ружейный выстрел. Ну хлопнул и хлопнул, мало ли их в охотничий сезон в степи раздается.

Васька Косматенко с рюкзаком и спальным мешком вслед за другими влез в машину и уселся сзади у окошка. Он непрестанно шутил, улыбался всем, как и эти все улыбались друг другу в радостный час отправления домой за полтысячи километров от Кара-Тургая.

— Что, все?! — крикнул из кабины шофер.

— Почти все, — ответили ему.

— А вон и последний Дубов Артур бежит, — ткнула пальцем в окошко укутанная в полушубок молоденькая техник-геолог Рита Ковалева.

— С ружьем! И, смотрите, что-то тащит! Собаку что ли? — весело заметил буровой мастер Иванов.

— Э-эх! — с восторженным воплем одним махом запрыгнул с улицы в салон помощник бурильщика Артур Дубов. Средних лет, спортивного телосложения, подвижный и сильный, со здоровым румянцем на щеках он часто вызывал у встречающихся с ним людей чувство, что его где-то видели на обложке журнала, и непременно на цветной. А сейчас Дубов казался красавцем-зверобоем с обложки журнала «Охота и охотничье хозяйство». В позе супермена, с ослепительной улыбкой, он потрясал правой рукой двустволку, а левой золотисто-желтую, словно луч, вырванный из головы солнца, лисицу.

— У-ух ты-ы, везунчик! — восхищенно воскликнул Иванов. — И когда это ты успел ее выследить?!

— Э-э, — разинула рот, что-то соображая, Рита Ковалева, — а не Люська ли это?

Все перестали хихикать и улыбаться и вопросительно посмотрели на Артура.

— Вы правы, господа, это — Люська! — потряс зверя за хвост Дубов и гордо улыбнулся. — Первым же выстрелом в овраге шлепнул!

— Артур, зачем ты ее убил? — донесся с заднего сиденья мрачный, дрожащий голос Васьки Косматенко.

— Как зачем? — продолжая улыбаться, недоуменно спросил Артур. — Ведь мы уезжаем, Василий. А на следующий год мы ее здесь не найдем. Я подумал: зачем лисьей шкуры, которая сама к тебе идет, лишаться? Тем более, моя жена мечтает о лисьем воротнике.

— Не сдохла бы твоя жена, да и ты сам без лисьего воротника, — угрюмо бросил Косматенко и отвернулся к окну.

Дубов повел глазами вокруг и неприятно удивился: все бурильщики и геологи с осуждением и даже долей брезгливости смотрели на него.

— Да чего вы все?! — сердито гаркнул он, бросая лису в проходе между сиденьями и опуская ружье на рюкзак. — Смотрите на меня как на жмота! — Он взглянул на соседа, молодого глазастого бурильщика Хайдарова. — Ильгиз, скажи, был я когда-нибудь жмотом? Или ты, Володька, скажи. — Повернулся он к рыжему могучему парню в светлой фуражке и вьющимися из под нее кудрями. — Разве я кусок хлеба или сигареты последние другим не отдавал?!

Никто не отвечал Дубову.

— Ну, слушайте, — раздраженно продолжал Артур. — Я любому из вас отдам эту лису! Хочешь, Ритка, тебе! Воротничок как раз к твоему лицу... Или тебе, Иванов. Старухе своей подаришь... Да нет, что я болтаю! Отдаю ее Ваське. Ведь это он ее, так сказать, вырастил и выкормил. Да, только ему. Что я, дурень, сразу не подумал об этом! Василий, возьми лису, только не считай, что я чужое заныкал. И вы не считайте, ладно?!

Васька Косматенко ничего не ответил, а только тяжело вздохнул.

— Ничего не понимаю, — с неподдельным удивлением развел руками Дубов и сел, — никогда я ничего не зажимал, и лису готов подарить любому. Что вы на меня так взъелись?

— Тебя в жадности или воровстве, Артур, никто и не обвиняет, — раздался бас Володьки, — ты — не жадный, ты — жестокий и, как мы

теперь видим, отчасти дурно воспитанный человек. И самое печальное это то, что ты не понимаешь, за что тебя сейчас презирают другие.

— Ну объясните же тогда! — вдруг истерично закричал Дубов, ударив кулаками по своим коленкам.

— Не ори, — сухо сказал Ильгиз, сузив свои черные глаза, и добавил: — До Кустаная десять часов езды, сиди и думай. Если поймешь, за что тебя сейчас не терпят в этом салоне, то тогда тебя простят, и Васька, может быть, простит. А не поймешь — лучше уходи из нашего отряда.

Ильгиз замолчал. Машина выехала на полевую дорогу и помчалась по степи. Никому не хотелось говорить, только машина взывала на дороге при переключении скоростей.

Ольга КОЗЭЛЬ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Некрореализм — относительно новое течение в современной русской прозе. Его основной задачей является создание принципиально новой эстетики — поиска красоты в человеческой смерти. Роман «Похороны зеркала» — одно из произведений, которые можно смело отнести к данному течению.

Похороны зеркала

(отрывок из романа)

Когда-то Фу Хей был правой рукой молодого Императора Шихуанди, был его любимцем, его любовником — и Шихуанди — в ту пору двадцатилетний, скуластый и решительный — обычно ни во что не ставивший своих «альковных мальчиков», уважал и ценил Фу Хей как дельного советчика и неоспоримого знатока древних битв. Но время шло, возле Императора появились новые люди — и Фу Хей оказался оттесненным в сторону. Тогда он решил уехать в Кантон — не оттого, что чувствовал обиду, а потому, что хотел найти себе дело по душе. Но в Кантоне ему точно так же, как и в столице, было нечего делать — Фу Хей скучал и ждал, что Император вспомнит о нем.

Но Шихуанди никогда больше не вспомнил о бывшем друге: он вообще легко расставался с людьми — и Фу Хей знал об этом так хорошо, как никто другой. Шихуанди жил своими сражениями — и побеждал в них так же легко, как крепкий, здоровый ребенок побеждает легкую хворь. Он присваивал — земли, города, чужих жен. Непобедимой оставалась только смерть — с нею нельзя было договориться, ее надо было смять, сломать, подчинить, иначе он перестал бы уважать самого себя. И тогда он дал себе слово не сомневаться больше. Он решил затеять игру — так когда-то, еще мальчиком, он затевал военные игры с детьми, чтобы только выйти победителем. Слух об этой новой игре прошел по всему Китаю, как иногда внезапно по молодому, мускулистому телу мгновенно проходит страх смерти — с кровью, с отчаянием, с внезапно нахлынувшей детской слабостью. Когда слух докатился до Кантона — он уже оброс новыми слухами и новыми страхами и напоминал собою крепко сбитый ледяной ком.

Один человек в Кантоне крепко задумался тогда. Задумался друг Фу Хея, гадалщик на костях Янмин.

СЫН «ЗЕМЛЯНОГО ЧЕРВЯ»

...

Искрометные фонтаны били когда-то в саду его детства, в далекой провинции Шэньси. Это было самое удивительное и самое бесприютное место на свете. Шелковые одежды и красный плащ мандарина... какая им цена в Шэньси? Богатство и знатность человека определяет здесь количество фонтанов в его саду. У его отца было двенадцать фонтанов — одни веселой смелой струей били вверх и походили на подпрыгивающего человека, другие имели вид важный и медлительный — издали они напоминали плющ, карабкающийся вверх по отвесной стене. Отец Янмина — знаменитый «земельный мастер», а проще говоря — «земляной червь» — редко видел свои фонтаны и еще реже — собственного сына. Он изездил весь великий Китай и знал его земли лучше, чем линии на ладони. Его часто приглашали в знатные дома гадать о будущем, и отец исправно ездил, хотя и считал, вероятно, эти гадания пустой тратой времени. «Недоумки хотят, чтоб комья засохшей глины предсказали им будущее. Будет вам будущее, только платите деньги» — было написано на его брезгливом, одутловатом лице, когда он садился в присланный за ним экипаж. Янмин рано стал догадываться, что отец безнадежно скуп.

Каждый раз по возвращении из поездки он запирался в своей комнате и пересчитывал полученные деньги. Дом ходил на цыпочках и прислушивался. Из отцовской комнаты доносились то глухо выкрикиваемые ругательства, то довольное урчание. «Кинули собаке кость — она и радуется...» — едва слышно бормотала мать Янмина, сухая, с острыми, выступающими вперед ключицами и постоянно шелушащимися губами. Сын считал мать старухой и стеснялся, когда она выходила на улицу звать его. Он видел, что отец не замечает ее, точно эта старая женщина, когда-то давно родившая ему сына, превратилась в ненужную вещь — в какую-нибудь грубо вырезанную из дерева статуэтку или вытершуюся циновку на стене. Она слушала сытое урчание мужа над деньгами — и злилась, злилась. Янмин знал: каждый раз, когда ей удастся заполучить мелкую монету, она плетется на базар и просит нацедить в потемневшую деревянную кружку самого дешевого кислого вина. Утром обыкновенно приходил ростовщик.

Дверь комнаты снова наглухо запиралась. Ростовщик выходил обычно с красным лицом и укоризненно качал головой. Отец неторопливо шел за ним и довольно потирал большие руки с коричневыми полосками земли под ногтями. Он прекрасно знал, что является выгодным клиентом, и никогда не шел на уступки. Почему этот обрюзгший человек с широким волевым ртом считался лучшим «земельным мастером» во всей провинции — знали, вероятно, только небесные силы. Его пророчества часто сбывались.

На него была мода, как на покрой парадного халата или сорт редких глициний в саду. Эта неприступная раздраженная душа пылала, тем не менее, страстью к единственной вещи на свете. Вещью этой была земля. Никто лучше него не смог бы найти счастливое место для могилы — так считали в Шэньси и в соседних провинциях; не желая в душе предсказывать будущее живым, он неподражаемо предсказывал его мертвым. Для этого знаменитому «земляному червю» требовалось лишь взглянуть на место последнего упокоения. «Добрые духи будут хранить в этом месте вечный сон твоего отца, о юноша», — проникновенно говорил он, и собравшиеся проливали слезы радостного умиления. С теми, кто явно не интересовался мнением духов, он говорил обычно сухо и деловито. За века могил накопилось столько, что нельзя было поглубже ковырнуть лопатой: того и гляди, наткнешься на человеческие кости.

В Китае нет, как известно, более верного способа заслужить казнь, чем нарушить покой мертвых. Янмин наблюдал однажды, переполняясь ужасом и отвращением к происходящему, как избивали палками соседского мальчика: несчастный ставил ловушки на кротов в собственном саду и наткнулся на неизвестную могилу. Отец чуял старые могилы — так волки в маньчжурских степях чуют добычу: придя на указанное место, он останавливался точно вкопанный, поднимал голову и долго втягивал носом воздух. Он разбирался в могилах, как мудрецы разбираются в людях: едва взглянув на поверхность земли, мог сказать, сколько лет захоронению, мог назвать причину, по которой человек перешел в мир мертвых, умел определить даже, есть ли в могильной земле хоть мельчайшие частицы костей, или остались лишь небольшие пустоты. В последнем случае можно было спокойно хоронить на выбранное место нового покойника, ибо никому будет не под силу назвать это нарушением покоя мертвых.

В часы досуга он сидел в плетеном кресле и крутил в руках магический шар — с виду совсем обычный, ничем не примечательный гип-

совый кругляш с неровной поверхностью. Иногда он доставал из-за пояса полосатый мешочек и высыпал на стол горсть земли. Это означало, что прежние ритуалы гадания наскучили клиентам и нужно придумать что-нибудь свежее — так считал Янмин. О том, что же отец придумал в очередной раз, Янмин обычно узнавал из городских слухов, торча с мальчишками на базаре. Слухи эти были нелепыми и бесконечными, они намертво прилипали к телу, точно оторванное крыло бабочки.

...

Янмин точно знал, что ни за что, даже под пыткой, не станет гадальщиком. Как можно всю жизнь делать то, во что не веришь сам? Он был молод тогда, слишком молод и самонадеян. При мысли же о том, что нужно будет выучиться определять счастливые места для могил, нервного болезненного подростка передергивало от ужаса. Злые духи, не получив во власть тело, непременно отомстят «земляному червю» — он много раз слышал подобные истории и не боялся за отца лишь потому, что отец умел изгонять из земли злых духов — так он сам говорил своим клиентам. Однажды вечером отец вызвал Янмина к себе. В правой руке он держал небольшую глиняную кружку.

Увидев эту кружку, пятнадцатилетний Янмин задрожал. Отец пристально оглядел его, точно пытался определить, можно ли доверить юнцу сокровенное знание. Он хорошо разбирался в могилах, а не в людях, и не заметил дрожи в руках своего сына.

— Вырос, — сказал он кратко и кивнул на кружку. — Иди теперь, понюхай. Захватил для тебя землицы со свежей могилы.

Янмин задрожал еще больше.

— Не буду я ее нюхать... — твердо сказал он. — У меня нос заложен. И вообще — я не трупный червь.

Отец тяжело взглянул на него, по-мальчишески оттопырив нижнюю губу.

— А что я, по-твоему, трупный червь? В таком случае радуйся — ты каждый день трескаешь хлеб трупного червя...

— Ты — другое дело. И не попрекай меня своим хлебом, я с этого дня вообще ничего не буду есть...

Отец тряхнул головой, точно отгонял овода.

— Это ты как себе знаешь. Можешь и не поесть пару дней — ты вон какой толстяк. Мужчины нашего рода всегда были стройными, учти это.

От злости и обиды Янмин перестал дрожать. Он был пухляшом и терзался от этого, какого черта еще его попрекать?

— Да, были стройными, — стараясь выглядеть спокойным, сказал он, глядя отцу в глаза. — И не брали деньги за обман. А ты обманываешь людей своим гаданием, придумываешь всякую всячину, а деньги отдаешь ростовщику.

Янмин зажмурился. Пусть отец убьет его, все равно. Тогда уж точно не придется нюхать эту дрянь с могилы и заниматься дурацкими гаданиями. Он умрет как настоящий мужчина, оберегая свою честь. Но умереть на этот раз не пришлось. Резко наступившую после его слов тишину нарушил отцовский смех.

— Ага, вот, значит, как. Да открой ты глаза, дурень... Ты хоть знаешь, сколько людей, благодаря твоему отцу, избежали позорной казни? Что же я, по-твоему, только придумываю заклинания и морочу головы добропорядочных бездельников? Да, я беру за свой труд деньги. А ты предлагаешь мне заниматься этим бесплатно?

Янмин смущенно опустил голову. Он уже жалел, что наругал отца. Но он все равно не расстанется со своими убеждениями и будет отстаивать их до конца.

— Но ведь... мне показалось... мне всегда казалось, что ты считаешь гадание «земляных мастеров» обманом... Как могут быть эти кучки земли, по которым ты определяешь судьбу, связаны с духами добра и зла?

Отец устало отвернулся к окну.

— Все в мире связано одно с другим, сынок. И земля может предсказывать будущее — нужно только ее хорошенько попросить. На что, по-твоему, духи земли?

Янмин недоверчиво перебил его:

— Духи земли? Неужели они существуют, отец?

— А ты думаешь — нет? Другой вопрос — захотят ли они всякий раз заниматься ерундой, вмешиваться в жизнь людей, давать поверхностные ответы на поверхностные вопросы?

Янмин во все глаза смотрел на отца. Таким он видел его впервые. Отец устало облокотился о стену и продолжал:

— Настоящее гадание выглядит иначе, сынок. Оно связано со страхом, риском для гадающего. Малейшая неосторожность — и человек или умирает мучительной смертью, или же попадает в руки бесов. Люди, которые платят мне за гадание деньги, совсем не хотят ни страха, ни риска. Они желают знать будущее, но совершенно не задумывают-

ся, зачем оно им. Другое дело — место для могилы — тут, можешь быть уверен, я не напрасно беру деньги. Это занятие дает верный кусок хлеба, и будет давать его до тех пор, пока живые люди намертво, как теперь, связывают свою жизнь с умершими — связывают порой глупо, нелепо и жестоко. Вот недавно я подыскивал место для могилы одной разложившейся старухи из селения Вэй, ну ты знаешь, это там, откуда на базар привозят всякую дребедень вроде бус из поддельного жемчуга и расшитых бисером колпаков. Я едва не лишился чувств от вони, когда меня подвели к трупу. А эти ее родственники держали тело дома столько времени — и ничего. Принюхались что ли? Ты знаешь, отчего ее не хоронили почти полгода? В доме было несколько молодых женщин, и то одна, то другая ждала ребенка, а по нашим обычаям, нельзя хоронить покойника, пока беременная родственница не разродится. Или вот тебе еще пример: наш сосед Ли Дэн.

— Это тот, который постоянно хоронит отца? — уточнил Янмин, хотя и так прекрасно знал, о ком идет речь.

Отец прижал руки ладонями друг к другу и сделался похожим на даосского старца со своей любимой картины, висящей в столовой.

— Он самый. А зачем он это делает, ну, по твоему разумению?

Янмин растерянно мотнул головой.

— Н-не знаю. Но я слышал, как он говорил, что дела опять идут плохо, кожа не раскупается, и ругал всех «земляных червей» мошенниками и горлодерами.

Отец засмеялся.

— Вот-вот. Наверно, скоро опять будет выкапывать несчастного покойника. Ну, скажи, пожалуйста, чем «земляные черви» виноваты в том, что Ли Дэн торгует плохо выделанной кожей и не умеет высчитывать спрос на рынке? Неужели есть в благословенном Китае такой участок земли, на котором этот бездельник похоронит отца — и разбогатеет? Ты думаешь, он один такой? Нет, сынок, здесь опять виновен обычай — дурацкий обычай нашей страны винить во всех своих бедах мертвецов.

Янмин вскинул голову.

— Но, отец... ведь если человека похоронить в неправильном месте, его душа будет вмешиваться в дела живых — это знает даже младенец.

Отец усмехнулся.

— Младенец? Но ведь ты-то уже не младенец — и должен реально смотреть на вещи. «Земляной мастер» — доходное ремесло, мальчик,

тебе необходимо овладеть им. А для этого, как ни крути, придется нюхать землю, спать на ней много ночей, даже жевать ее.

— Жевать? — Янмин не смог удержаться и рассмеялся. — И, по твоей логике, это все лишь для того, чтоб не наткнуться при похоронах на человеческие кости? Во все остальное ты ведь не веришь, ты сам только что сказал. Зачем тогда вся эта канитель? Можно просто взять длинный острый прут, хорошенько прощупать выбранное для могилы место — и вот ты уже известный «земляной мастер»...

Янмин пристально посмотрел на отца, чтобы увидеть, как злость закипает в нем.

Но отец (нарочно что ли?) отвернулся к окну.

— Ты, известный «земляной мастер», для начала научись хотя бы не бояться покойников. Возьми железный прут, как собирался, прогуляйся к башне Малышей — там вокруг много безвестных могил — и опробуй свое чудо-предположение на практике. Спесь с тебя мигом слетит — а ума прибавится.

Янмин переступил с ноги на ногу и резко покачал головой.

— Нет, не пойду. Ты что, хочешь, чтоб меня казнили, да?

Отец горько покачал головой.

— Дурень. Кому ты нужен — тебя казнить? По нашим законам, осквернить могилу — это значит открыть ее содержимое человеческому взгляду. Я ведь не предлагаю тебе явиться туда с лопатой. Просто походи, пошарь вслепую своим прутом — может, мозги, наконец, заработают... Или тебе слабо? — и, не увидев воодушевления на лице сына, добавил:

— Какой же ты трус!

Янмин почувствовал, как в горле нарастает комок. Он разозлился на себя, пытался проглотить его — и не мог. Сейчас он расплатится, как карапуз, как дурак — и этот «могильный червь» будет торжествовать: еще бы, заставил плакать труса!

С огромным трудом он выдавил:

— Завтра же пойду и обшарю каждый комок почвы. А надо будет — загляну и в самую башню. Тебе ничего не принести для твоих гаданий?

Отец резко обернулся и изумленно смотрел на него. Янмин почувствовал, как под этим взглядом у него нагревается макушка.

— Это в каком смысле?

— А в таком. Я слышал, самое верное гадание — на человеческих костях.

Но отец встретил эту занозу на удивление спокойно:

— Да. Самое верное. Но я, к стыду своему, не слишком хорошо им владею. Да и зачем?

Противный комок надежно провалился назад. Янмин снова почувствовал злость.

— Ну как зачем? Чтоб говорить людям правду о будущем... Или я неправильно понимаю смысл гаданий?

— Смысл — понятие сложное, сынок. Человек хочет знать правду о своем будущем с одной-единственной целью — подчинить его себе. Поэтому-то будущее интересует его порою даже больше, чем настоящее — по крайней мере, не меньше.

Твоя задача — никогда, ни при каких обстоятельствах не говорить им этой правды, ибо, узнав свое будущее, человек не успокоится на этом — он непременно попытается изменить его. Как правило, это приводит к поистине ужасным последствиям. Поэтому-то «земляной червь» и должен уметь гадать — чтобы случайно не сказать никому правды. Разумеешь?

Янмин ошарашенно захлопал глазами: оказывается, он до сих пор ничего не знал о своем отце.

— Разумею. Но ведь сам-то «земляной червь» получается, знает правду? Ты же только что говорил обратное...

Отец устало закрыл глаза.

— Дурак. Ничего я тебе не говорил. Для того, чтобы знать правду о прошлом и будущем человека, вовсе необязательно смешивать землю со всякой дрянью вроде ртути или киновари и проводить долгие обряды. Иногда достаточно просто внимательно посмотреть человеку в лицо. Ты помнишь госпожу Дэй, супругу сборщика податей?

— Ту, что умерла на прошлой неделе?

— Ее самую. Я ездил ей гадать за три месяца до смерти — смерть уже была написана у нее на лице: изменился цвет кожи, вокруг глаз проступали оранжевые «круги ада» — я потом научу тебя видеть их. Я, разумеется, ничего не сказал ей — и не столько из сострадания к самой умирающей, сколько... Впрочем, вот я тебя спрошу: что, по твоему, стала бы делать госпожа, узнав о приближающейся смерти?

Янмин наморщил лоб в раздумье.

— Не напрягайся — я сам тебе скажу: поспешила бы с подготовкой «эликсира бессмертия», чтобы пожить еще хоть немного — в бессмер-

тие эта умная женщина не верила, а в отсрочку смерти — пожалуйста. Ты слышал про «эликсиры бессмертия»?

— Говорят, Повелитель Неба и Земли велел сделать такой эликсир? — проявил осведомленность сын (он слышал об этом в базарный день от хромого судьи из Кантона).

— Да, говорят. Но рецептов-то всяких полным-полно. Один из них состоит в том, чтобы закатать в бочку с раскаленным воском рыжеволосого мальчика, который еще не щиплет первый пух на лице, а по ночам не портит простыни. А потом отколупывать кусочки застывшего воска и класть под язык — вот тебе и весь рецепт бессмертия.

— А этот мальчик умрет? — спросил Янмин, хотя и сам понимал глупость вопроса.

— Мученической смертью. Капни-ка себе на руку раскаленным воском — взвоешь. Так суть моего рассказа в том, что в доме госпожи Дэй жили пять или шесть таких мальчиков, я сам их видел. Расскажи я госпоже о близкой смерти — пожалуй, никто из этих заложников бессмертия не уцелел бы.

— Но ведь теперь все узнают, что ты ошибся в своем гадании...

Отец похлопал Янмина по плечу.

— Да нет же, дурачок. Я сказал госпоже, что ее ждет блаженная неизвестность... Госпожа обрадовалась — говорили, она бегала за молоденьким писцом из Суда, равнодушным к ней. А я имел в виду не взаимную любовь, а смерть — только и всего.

Янмин был поражен: такой человек, как его отец, стал спасать каких-то мальчиков...

Как ни крути, ему, сыну знаменитого «земляного мастера», тоже придется доказывать, что он не трус и достоин своего отца.

Но ни про трусость, ни про башню Малышей отец в тот последний вечер не сказал больше ни слова.

...

Он решил отправиться туда на следующий день, едва рассвело. Идти было близко. Если ступать решительным шагом настоящего мужчины пятнадцати с половиной лет — то путь займет около часа. Если же плестись мелким, семенящим девчоночьим шагом — чуть поболее, но все равно башня Малышей находилась близко от города, прямо возле дороги — в удушливый летний день проезжающие вовсю нахлестывали коней и задерживали дыхание, чтобы не вдыхать сладкий запах разложения.

Виною всему была дороговизна похорон — за гроб, пусть даже маленький, за место на кладбище надо платить, а где взять деньги? На базаре поговаривали, что за последние десять лет рис и овощи подскочили в цене ровно в десять раз, овцы почти круглый год болели чесоткой, в жаркие летние дни младенцы умирали, как мухи, а в башню Малышей разрешалось спустить трупик бесплатно — такова милость городских властей. Последние два года тропинка к башне заросла, лестница покрылась густым мхом, трупы детей из окрестных деревень почему-то больше не опускали туда, а ведь совсем недавно новых обитателей башни привозили даже с другого конца города.

Поговаривали, что башня доверху набита детскими костями — поэтому ее и закрыли. Янмин сам много раз по дороге в город приглядывался к этому невзрачному серому строению, по форме больше похожему на кривой колпак арестанта, чем на настоящую башню. Мать как-то раз обмолвилась, что там, должно быть, на самом дне этого жуткого каменного сосуда покоится тельце его новорожденной сестры — отец когда-то пожалел денег, чтобы купить для крошечной дочери участок на кладбище. Янмин в ответ лишь пожал плечами тогда. Он не помнил никакой сестры. Теперь ему предстояло увидеть то, что от нее осталось — если, конечно, то, что осталось, не расклевали дикие ястребы: они постоянно раньше кружились над открытым люком башни. Но теперь не было даже ястребов, не было вообще никого и ничего: ни птиц, ни людей, ни повозок на дороге. Казалось, в мире существовал теперь только запах — тошнотворный, липкий, заставляющий слезиться глаза. Чем ближе подходил Янмин к злосчастному строению, тем больше хлестали по ногам дикие травы: сперва колючий шарпей, оставляющий на ногах синие полосы, потом — какие-то мохнатые ростки, а уж возле самой башни все заросло крапивой — и пришлось закрывать глаза и стискивать зубы, чтобы подобраться ближе. Никаких могил здесь, судя по всему, не было — неужели отец говорил неправду?

Что ж, очень может быть: решил провести дурака-сына. Как бы не так, не на того нарвался! Янмин в ярости скрипнул зубами и отбросил в сторону железный прут. Пусть отец сам занимается ерундой и тычет этой дрянью в землю, а он вернется домой — с него хватит! Мало того, что все тело саднит от крапивных ожогов... Да, но... Как же тогда он докажет, что приближался к башне? Отец опять обзовет его трусом и скажет, что Янмин, сын «земляного червя», боится покойников. Как видно, придется залезть в башню и вытащить оттуда какую-нибудь косяшку — если проделать это быстро, авось души умерших не успеют

опомниться и позвать на помощь демонов. Наверное, не успеют... Выхода в любом случае не было. Сын «земляного червя» передернул плечами и решительно направился к заросшей мхом, рассыпающейся лестнице.

...

Впоследствии Янмин никогда не мог вспомнить, что заставило его лишиться чувств. Может быть, запах? Но к запаху он привык, когда поднимался по лестнице... Спуститься вниз оказалось до смешного легко — из люка торчали края деревянной лестницы — изрядно подгнившей, но зато доходившей до самого пола. Это обрадовало Янмина: что за радость спускаться в эту дыру по веревке? Хотя веревкой он, на всякий случай, все-таки обвязался: чего доброго, лестница рухнет под его тяжестью, что тогда? Он задержал дыхание (чтоб не сойти с ума от этих ароматов) и начал быстро спускаться в темноту. Никаких костей до потолка в башне не было — сперва Янмин вообще ничего не мог разглядеть из-за темноты — казалось, даже страшный запах смерти куда-то исчез, и пахло теперь свежими, недозрелыми яблоками. Янмин пригляделся — увидел целую россыпь белых яблок внизу под собой — зачем они тут? Обычные яблоки, разве что покрупнее обыкновенных... Вот чудеса! Какие все-таки дураки те, кто боится смерти! Он спустился ниже и увидел, что ошибся. Никаких яблок не было. Внизу его ждали десятки запрокинутых лиц. Они отчаянно зывали храбреца к себе, улыбаясь маленькими беззубыми ртами. Глаз почти ни у кого не было, но обитатели башни явно и без них хорошо ориентировались в темноте. То, на что упал сын «земляного червя», прыгнув с лестницы, оказалось трупом девочки-подростка, довольно хорошо сохранившимся и совершенно обнаженным — должно быть, родственники поскупились купить ей одежду...

Глаза девочки были широко раскрыты и неотрывно смотрели на Янмина, одна грудь была изъедена, вероятно, мышами или птицами, другая, с маленьким продолговатым соском, напоминала бутон лотоса. Янмин попытался встать, но не мог шевельнуться. Маленький скелетик сбросил истлевшую циновку, в которую был завернут, и, с трудом волоча иссохшие ноги, пополз к новичку... Янмин не дождался его приближения. Последнее, что он почувствовал — как его раскаленная голова уткнулась в ключицу мертвой девочки. И все стерла тьма.

...

«Земляной червь» вглядывался вдаль до боли, до иступления, до тех пор, пока к зрачкам не подступила холодная кромка полночи. Он

ждал своего сына и удивлялся ему. Неужели мальчик до сих пор торчит в этой Башне Малышей? (утром он проследил за сыном и уверился, что тот отправился исполнять его наказ). Тут одно из двух: или занятие так увлекло паренька, что он забыл о времени, или... Впрочем, что могло случиться в этой Башне? Живые туда близко не подойдут, а мертвые... да что за охота мертвым связываться с каким-то мальчишкой?

«Должно быть, испугался да сбежал...» — мелькало в мозгу «земляного мастера». Он изведал мир мертвых, изгрыз его с иступлением, со страстью, как червь грызет подгнивший, забытый садовником плод. Он знал все о мертвых, и мало — о живых: знания о последних были необходимы лишь для того, чтобы набить себе карман. Теперь он стоял на пронизывающем ветру, вглядывался в ночь и ожидал сына. Но сын все не шел. Он так и не пришел совсем.

...

Круглый год дышат дикие травы, каждую весну оживают возле пагод веселые лилии с жирными, лоснящимися лепестками, и лишь раз в несколько лет набирает силу таинственный цветок лань-хуа. Невесты мечтают увидеть его во сне — это означает, что потомство рода будет многочисленным и удостоится всевозможных почестей. Путешественник бережно срывает встретившийся у дороги лань-хуа и, держа за пушистый, как хвост белки, стебель, прячет находку в рукав дорожного халата — путь будет легким, не извилистым — и не заблудится путник во тьме. Но даос единожды выбирает свой путь, и единожды путь выбирает его.

Подросток Янмин, извлеченный из Башни Малышей прохладными, незнакомыми руками, ничего не знал о своих благодетелях. Он очнулся в маленькой веселой комнате, похожей на перо канарейки. Прямо над его головой висела клетка из ивовых прутьев — он видел такие в городе, на базаре — в клетке ворковал сытый лохматый голубь — по всему видать, драчун и обжора. Янмин приподнялся на чистом соломенном матрасе и пристально посмотрел в глаза птице. Собственные руки и ноги казались легкими и почти не существовали — так всегда бывает во сне. «А, может, я не сплю, а умер?» — подумал Янмин, и ему отчего-то сделалось весело. Кто-то слегка тронул его за голое плечо — только теперь он заметил, что раздет донага. Сын «земляного червя» недовольно скосил глаза. Рядом темнел силуэт женщины — легкий, воздушный, похожий на контур знаменитых маньчжурских ваз. Янмин удив-

ленно смотрел на улыбающееся скуластое, почти мальчишеское лицо. Да, точно, она была бы совсем мальчик, если б не эти огромные серебряные шпильки, удерживающие прическу, — их еще, кажется, называют «шпилька-феникс» — да синий ишан с двумя драконами — одежда женщины знатного рода.

А, может, это ожила та самая девочка из Башни, на тело которой он упал... о, ужас! Янмин закрыл лицо руками и застонал — теперь он вспомнил все-все! Женщина-мальчик, видимо, по-своему истолковала стон своего гостя — и поспешила набросить кусок полотна на его обнаженные ноги. Едва прикрыв наготу, сын «земляного червя» устался на незнакомую даму — во сне ведь нет ничего недозволенного... На всякий случай спросил:

— Я сплю? Вы мне снится?

Женщина засмеялась — низко, чуть хриловато — и поправила прическу:

— И не думаю. Ты что, совсем ничего не помнишь?

Янмин пожал плечами.

Женщина провела указательным пальцем по его стриженому затылку — он втянул голову в плечи.

— Как ты оказался в Башне?

— В Башне Мальшей? — уточнил Янмин. Нужно было что-то срочно придумать, не рассказывать же ей правду.

Женщина, между тем, нетерпеливо дернула плечом — ну, в точности переодетый мальчишка:

— Ну, так я жду... Что ты делал в Башне?

«Пришел за костями...» — мысленно хмыкнул Янмин. Мозг был точно неживой — никак не хотел думать.

— Пришел за костями? — спросила она и внимательно посмотрела в глаза Янмина — точно так, как сам он только что глядел в глаза голубя.

Все, конец. Эта дамочка выследила его — и теперь непременно доложит властям. Но... как она сама попала в Башню? И как сумела вытащить оттуда увесистого подростка?

Он ответил напористо и прямо:

— Хотите на меня донести? Чтобы меня казнили?

Женщина наморщила лоб.

— Вот так раз. Да если бы я хотела твоей смерти — тебя уже десять раз не было б в живых.

И, не глядя на вытаращившего глаза Янмина, неожиданно спросила:

— Кто твой отец? Он занимается черной магией?

Янмин склонил голову к плечу.

— С чего вы взяли?

— А с чего бы ты вдруг притащился в Башню, доверху наполненную костями? Как правило, в такие места посылают маленьких сыновей: взрослому ведь не залезть туда, да и притом, если поймают, спрос ребенка меньше. Маг должен беречь свою жизнь пуще чужой...

Последние слова она произнесла, наклонившись к Янмину. Глаза у нее были слегка зеленоватые — как он сразу этого не заметил? Женщина продолжала:

— Чужих мальчишек тоже обычно не посылают...

— Почему? — перебил Янмин и с горечью подумал о своем отце. — Разве собственного сына жалко меньше?

— Да потому что боятся разглашения — неужели не понятно? Отправишь такого негодника, посулишь ему несколько мелких монет — завтра весь город будет знать, кому понадобились человеческие кости.

— А если сын мага попадетя, и его казнят? — голос Янмина сделался резким, как вчера, во время разговора с отцом.

Она потрогала мочку маленького уха. Рыбка-сережка от колебания света быстро моргнула синим глазком, точно живая.

— Бывает... Я знала одного чудесного мальчика твоих примерно лет — его схватили у разрытой могилы. Все как обычно — надели на шею кангу, предали пыткам — хотели узнать, кто послал его воровать кости.

— И он не сказал? — для приличия полюбопытствовал Янмин, хотя ответ было легко предугадать.

— Нет. Задохнулся в канге — но не выдал отца. В Поднебесной дети преданы своим родителям, не правда ли? — и она пристально взглянула на Янмина. Янмин тряхнул головой, точно пытаясь отогнать навязание — он уже забыл, к чему ведется этот разговор.

— Мой отец «земляной червь». — Он старался говорить как можно спокойнее. — Ему не нужны никакие кости — «земляные черви» не гадают на костях.

Женщина вскинула голову и с любопытством смерила его взглядом.

— Он хотел сделать из меня «червя», — продолжал Янмин, опершись на локоть. — А я ненавижу гадалщиков, рытье в могилах и...

— И боишься мертвых? — голос ее сделался насмешливым. Или Янмину показалось? — А зачем тогда все-таки залез в Башню?

Янмин почувствовал, что начинает злиться. Ну какая ей разница? Или думает, что он, почти юноша, станет рассказывать незнакомой, и к тому же красивой женщине, как отец смеялся над ним и упрекал в трусости? Нет уж, извините...

— Я, между прочим, ничего не боюсь — именно поэтому и залез туда... Просто захотелось мне — я и полез в Башню, скучно стало. А сами вы как там очутились? — ехидно поинтересовался Янмин.

Она, казалось, не расслышала вопроса.

— Просто так в подобные места не попадают — раз пришел, значит, тебя избрали Пять Гениев... Поэтому мы и не убили тебя, хотя это надо бы сделать теперь, за твое ехидство. Ты хочешь вернуться к отцу?

Янмин решительно мотнул головой.

— Нет...

Он неотрывно смотрел на нее, точно до этого никогда не видел женщин. Полные, белые бедра были отчетливо видны под легкой тканью ее ишана, была даже видна крупная родинка на правом бедре, похожая на хлопкового жука. Вторая точно такая же по форме, только крошечная, жила на щеке, ближе к уху.

Женщина перехватила его взгляд и укоризненно покачала маленькой красивой головой.

...

Лишь несколько недель спустя после своего пробуждения в цветастой комнате с голубем подросток Янмин узнал, кто вытащил его из Башни. Яким (так звали белокожую женщину с родинкой-жуком) много чего рассказала ему. Теперь он жил в Сьяо — загадочном «мертвом» городе, о котором раньше слышал столько волнующих страшных рассказов. Мальчишки говорили, что Сьяо представляет собой огромное кладбище, по которому души мертвых открыто разгуливают даже днем, а по ночам из могил вылезают костлявые руки и тянутся к небу. Оказывается, ребята ввали, как и всегда: Сьяо, находящийся в нескольких часах ходьбы от родного города, оказался обычным маленьким городком, скорее похожим на деревню. Здесь нельзя было встретить богатый, расшитый шелками паланкин — люди в грубо сляженных кафтанах и широких штанах ходили пешком или ездили на низкорослых вислобрюхих клячах. Кладбище, правда, имелось, но самое обыкновенное, без шатающихся тут и там призраков, бедные, плохо засыпанные могилы преобладали на нем. В праздник Чжунъюань даосский служитель из храма Пяти Гениев — храм восточной стороной примыкал к

кладбищу — посыпал края подгнивших гробов, тут и там торчащих из земли, свежим песком. Здесь же, при храме Пяти Гениев, находился Дом Магов — подобранный в Башне Малышей подросток считался теперь то ли гостем, то ли пленником Дома. Хотя на деле все обстояло иначе: никто, разумеется, не приглашал его в гости и уж тем более не собирался брать в плен. Его просто-напросто извлекли из Башни, привели в чувство, привезли в Сьяо, чтобы тут же забыть о нем.

Сначала, правда, лекарь Ма Синьи — пожилой, сморщенный, как плод карамболы, — говорил на утреннем «круге очага», что чужому мальчику не место в Доме. Поскольку на «круг» чужие не допускались, Янмин с замиранием сердца подслушивал, лежа на полу возле дверей зала. За него вступилась Яким. «Что скажет Верховный Маг?» — скрипуче вопрошал Ма Синьи.

— А ничего... Парень вырастет и станет приносить Дому побольше прибыли, чем некоторые. Вам что, жалко несколько кусков мяса для него? — ехидно выкрикивала Яким.

Маги молчали и позевывали. Никому не было жалко нескольких кусков мяса. Теперь Янмин жил при храме и больше всего на свете боялся, что отец узнает, где он находится — при отцовских связях это было бы делом нескольких дней. Но все было спокойно, никто за ним не приезжал, и найденыш продолжал каждый день слоняться, как тень, по двору храма Пяти Гениев, размышляя о том, в какие странные игры вовлекает даоса судьба. Его нашли почти сразу же после того, как он потерял сознание на полу Башни. Мастер «дела молчания» Лян Аин, увидев среди полуразложившихся трупов бездыханного мальчика, сначала решил, что кто-то из обнищавших горожан пренебрег запретом и спустил в Башню своего мертвого сына. («То-то мы посмеялись, Янмин, твоей любвеобильности: ты ведь лежал на раскинувшей ноги девке и прижимался к ней, ха-ха-ха»). В приемные часы (каждый день, после восхода солнца) в храм приходила пропасть народу — здесь были жаждущие исцеления от долгой болезни, бедняки, которым не терпелось разбогатеть, родители, мечтающие снять с незамужних дочерей венец безбрачия. Большинство хотело гадать о будущем — на звездах, на костях, на иероглифах.

Яким выходила к ним с подносом глиняных кругляшей — на каждом из них был указан день и час, когда следовало явиться в храм. К подносу тянулись десятки рук — иссохших и костлявых, юношеских — с обгрызенными ногтями, пухлых женских — трясущихся от сладост-

ного нетерпения. Кругляши исчезали с подноса в считанные мгновения. Яким, не улыбаясь, медленно опускала белесые, загнутые вверх ресницы в ответ на многочисленные вопросы. Потом двор пустел и вновь становился огромным. Днем над ним жужжали жирные зеленые мухи. Вкусно пахло разваренным собачьим мясом — физиономист Лун Афэну, по прозвищу Ветроудуй, готовил похлебку на пороге своей каморки при храме. Деньги текли в храм рекой не менее многоводной, чем Янцзы. Янмин сам несколько раз видел, как астролог Гуань Лу — низкий, костлявый, с залысинами на черепе и неправдоподобно голубыми глазами — выносил из Приемной комнаты глиняную миску размером с гигантскую тыкву: миска была доверху набита деньгами.

Верховного Мага Янмин видел всего только раз — и был изумлен его видом. Маг никак не мог быть таким обыкновенным, ничем не примечательным. Янмин представлял себе высокого, седовласого старика в фиолетовом колпаке и длинном оранжевом халате — так выглядел колдун, бродивший в праздничные дни по базарной площади у них в городе. А Маг оказался мелким, плешивым, с бегающими в разные стороны глазками. «Точно обезьяна в зверинце», — с огорчением подумал Янмин. Он больше всего на свете боялся, что Верховный турнет его из Дома Магов. Он ожидал грозы, но ее не последовало. Маг исчез так же стремительно и внезапно, как появился — за воротами храма его ожидал паланкин. Наблюдательный Янмин заметил, что Яким — единственная, с кем обезьяноподобный Маг разговаривал во дворе — кусала от досады тонкие, красивые губы. Едва только паланкин тронулся, Янмин забрался на высокий каменный забор и не слезал с него до тех пор, пока маленькая процессия не скрылась из виду. Тогда он соскочил вниз и подошел к Яким. Она варила ягоды в огромном медном котле. Котел шипел на открытом огне, как котенок, которого дразнят. «Забрал деньги — и прочь со двора», — зло бормотала Яким. Янмин тихонько кашлянул, привлекая к себе внимание. С недавних пор он смотрел на Яким, как жеребята смотрят на поле, поросшее сладкой, сочной травой. Теперь он уселся подле нее и болтал ногами, как ярмарочный паяц, как пятилетний мальчик.

— Не мельтеши, Янмин, ты мне мешаешь... — она была озлоблена, раздражена.

Янмин изо всех сил хотел отвлечь ее от мрачных мыслей, но знал по опыту, что сделать это будет непросто.

— А чем занимается Верховный Маг? — спросил он лишь для того, чтоб завязать разговор, который никак не завязывался.

— Зарабатывает деньги, как и все мы... Ты до сих пор не понял, чем мы занимаемся? — Яким исподлобья взглянула на мальчика.

Янмин склонил голову к левому плечу и ехидно прищурил глаза:

— А, по-моему, он зарабатывает на вас...

Яким отвернулась от своих ягод и с изумлением уставилась на него.

— А чего тут непонятного? — продолжал Янмин. — Ма Синьи летит, Лун Ветроудуй гадает по лицам, Гуань Лу предсказывает будущее по звездам — все чего-то делают, хотя и чушь все это, Яким. Один Лян Аин делом занят — он, по крайней мере, притаскивает в свою каморку человеческие кости, а после спит в этой же каморке, ха-ха-ха. Верховный Маг так не смог бы — его дело забрать деньги и уехать, и все...

Яким засмеялась недобро.

— Ну создай свой Дом Магов, раз ты такой умный... Думаешь, почему с нас до сих пор не сняли шкуру, Янмин? Или ты считаешь, властям не известно, что в Сьяо, при храме Пяти Гениев находится Дом Магов?

— Ну и что? — самоуверенно возразил Янмин. — Магия ведь не запрещена...

Он был груб с Яким, груб и по-детски прям. В его воображении она давно уже стала его первой женщиной — в редкие минуты одиноких наслаждений, так свойственных мальчикам его возраста.

— Не запрещена, это верно... Если дело не касается осквернения могил. А у нас, как ты знаешь, в ход идут человеческие кости... Лян Аин, над которым ты сейчас потешался, делает из них снадобья. За это полагается тюрьма, или, хуже того, казнь, а наш Дом никто не трогает — знаешь, почему?

— Да знаю я почему, — Янмин с досадой махнул исцарапанной ладонью. — Потому что брат Верховного — губернатор провинции... (он не раз слышал об этом от Яким).

— Умничка... — Яким снова засмеялась и потрепала его по макушке. — Кстати, хватит тебе болтаться без дела... Гуань Лу говорил, что он не прочь взять тебя в ученики.

Этого еще не хватало! И тут из него хотят сделать гадальщика — неужто Яким забыла, что именно по этой причине он удрал из дому?

Янмин содрогнулся: он представил, как Гуань Лу будет сидеть в засаленном халате, расставив голые волосатые ноги, и рассказывать ему про свои звезды.

— Я не хочу быть астрологом, неужели непонятно?

Яким уперла руки в бока.

— А чего ты хочешь — болтаться целыми днями по двору? Ты же ничего не умеешь...

— Я много чего могу... — запальчиво возразил Янмин. — Могу, к примеру, ловить змей для лекарств...

— Нужны больно твои змеи... Вот что, Янмин, — голос Яким неожиданно сделался заискивающим, почти ласковым, — я сегодня должна ехать за костями с Лян Аином... Но в прошлый раз я себе зашибла ногу, когда выбиралась из этой дурацкой Башни. Съезди за меня, а?

Янмина передернуло от ужаса и отвращения. Как? Опять лезть в Башню, вдыхать эту вонь, да еще придется трогать руками ужасные кости — как иначе? Наверняка все это враки — про ногу, просто Яким неохота тащиться в повозке несколько часов по солнцепеку. Да и то правда: разве это подходящее занятие для такой хрупкой женщины?

— А, может, он один съездит, а, Яким?

— Какой же ты трус, а еще сын «земляного червя»! — Яким смотрела обиженно, как девочка.

Янмин возмущенно вскочил на ноги — он вспомнил слова отца.

— Я не трус. Конечно, я поеду... но если я заражусь от мертвых костей и умру — виновата будешь ты, Яким... — последние слова он проговорил ворчливым стариковским голосом лишь для того, чтоб дать ей понять, что предстоящая вылазка — самостоятельное решение храброго мужчины.

Марина МЕРКУЛОВА

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

Последний шанс российского телевидения

Для начала одна телевизионная история. Когда строилось новое здание телевизионного центра для трансляции Олимпиады 1980 года, над инициатором строительства Генрихом Юшкявичюсом открыто смеялись. «Генрих роет себе могилу!», — говорили про него. Спрашивается, почему? Парадокс: никто не верил, что здание будет востребовано после Олимпиады... Сегодня два здания телецентра по обе стороны улицы академика Королева уже давно не вмещают огромное количество телеканалов и телекомпаний. Посмотреть вперед, просчитать выгоды для будущего — в русском языке это качество называется дальновидностью. Именно это слово хочется применить, говоря о ситуации, которая сложилась на российском телевидении в последние годы.

Сказать, что у нас сегодня плохое телевидение — неправильно. Много ярких и разных программ. Но есть тенденция, которая крепнет год от года. Упрощение на всех уровнях. Примитивизм, ведущий к деградации. Яркий пример — шоу Первого канала «Вечерний Ургант». С одной стороны — в создании программы задействована масса людей, приходят герои — один значительнее другого. Но ради чего? Покидаться яйцами, как Владимир Познер? Спеть частушки, как Юлия Пересильд? Сыграть в отгадайку, как Владислав Третьяк? Да, смотрится живо, есть эмоции, но не хватает главного. Ради чего? Ради чего сегодняшнее телевидение идет на поводу у человеческой природы — как можно меньше думать?

Когда-то старики МХАТа говорили, что пьесу стоит играть, если в ней присутствует хоть одна глубокая сцена. Пусть в целом и драматургия хромает, и диалоги не довыписаны, но если есть хоть одно место в спектакле, когда ставится вопрос не на жизнь — на смерть, когда герой принимает решение, меняется, когда зритель понимает, в чем смысл жизни — это будет успешный спектакль. Когда-то Микаэл Таривердиев пел: «Тишины хочу я, тишины». Сегодня хочется прокричать: «Глубины прошу я, глубины».

В прошлом телесезоне героиней программы «Разговор с Александром Мягченковым» (телеканал «Театр») была легендарный тренер

Елена Чайковская. На вопрос, почему сегодня у нас нет чемпионов в фигурном катании, она ответила: «Никто не формирует направление». И привела пример: много лет назад законодателями мод в танцах на льду были англичане. И наши фигуристы копировали их — катались так же чопорно, технично. А чтобы победить, нужно знать, в чем твое отличие, чем ты можешь взять своим? И тогда возникли Людмила Пахомова и Александр Горшков — безудержные и стихийные. Сегодня мы вновь всего лишь копируем то, что придумывают другие. Родить новое направление, повернуть в другую сторону — никто не может.

Направление. Это слово должно стать ключевым для всех тех, кто создает и запускает новые телеканалы. Грустно, когда в телепространстве появляется новый канал, но ты видишь, что он сделан по образу и подобию существующих. Разработать путь, дорогу перемен, стать главным стратегом — вот первоочередная задача телевизионных технологов сегодня. В обществе есть настойчивая потребность в новом телеканале, который станет шаг за шагом завоевывать влияние, чтобы и другие телеканалы пошли по его пути. Что главное на этом пути? Человечность и доверительность, искренность и задушевность. Та самая «химия», которая возникает между зрителем и экраном. «Человек — мера всех вещей» — лозунговая фраза Фридриха Энгельса, кажется, сегодня должна обрести свежее дыхание. Экрану нужно учиться разговаривать со зрителем. Не показывать некое действие, где все кричат и любой ценой пытаются выставить на первый план свою личную точку зрения, а звать к живому человеческому разговору равноправных собеседников. На экран должны прийти те, кому есть что сказать. Не поболтать. Не потрындеть. Не посплетничать. Сказать по делу. По существу. О главном. Экран отвык от философов, культурологов, ученых, творческой интеллигенции. Словом, от личностей. Россия всегда брала умом. Он есть и сегодня. Где угодно — в книгах, на конференциях, только не на голубых телеэкранах. Рождение мысли — уникальный энергетический процесс. Он способен заморозить, вовлечь в свою орбиту любого человека. Этой энергетики на экране сегодня нет.

За какие-то двадцать прошедших лет перевернулись ценности. Нам катастрофически не хватает мировоззренческой системы. Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова предложила философский термин — «новый гуманизм». Действительно, изменился взгляд на базовые нравственные категории: скромность, гордость, сострадание, доверие. Словом, на вечные ценности. Убийства, пропажи людей, травмы, беды, обманы были всегда, но парадигма освещения катастрофически поменя-

лась. Человеческая жизнь обесценилась. На экране стало очень мало лиц — одухотворенных, способных вызвать симпатию, тронуть. Кто-то же должен сказать, хорошо это или плохо? Кто-то же должен объяснить, как с этим жить дальше? Сегодня все любят сетовать, что власть не слышит общество, общество не слышит власть. А кто этому учит? Кто указывает пути, как вернуть доверие людей друг к другу? Новое телевидение должно стать путем эволюции, путем подготовки страны к кардинальным изменениям в головах. Главное — не свобода политического высказывания. При любом раскладе оппозиции всегда будет казаться, что ее на экране мало. А власти — что оппозиции слишком много. Если ставить на кон свободу слова как таковую — останутся недовольны все.

В 2008 году, когда случился финансовый кризис, гендиректор Первого канала Константин Эрнст заявил, что модель телевидения 90-х умерла, и тот, кто первым найдет новую интонацию и новый язык, кто не будет бояться рисковать и экспериментировать — первым будет же и востребован аудиторией, а ситуация экономического кризиса лишь сделает этот путь короче. Прошло почти пять лет. Перемен не случилось. На том же Первом за это время появились лишь качественные художественные фильмы для поколения успешных менеджеров, которые демонстрируются после полуночи. Прошлой осенью все тот же Константин Львович в Каннах снова говорил о культурном кризисе модели взаимоотношения людей с миром, о том, что успешный телеформат живет теперь сезон-два и не более, и ни один формат пока еще так и не отразил атмосферу начала третьего тысячелетия. То есть, грустно развел руками.

Сегодняшнее телевидение — это суперпрофессиональная, отлаженная, зализанная машина, где все четко сформировано, гладко прописано и красиво смонтировано. Мы все куда-то бежим, кричим, изображаем. Хватаемся только за жареные факты, непроверенную информацию, которая может породить как бы сенсацию. Все идеи давно переродились в форму пены, которая клубится и пузырится на поверхности, но в глубину не проникает. Наступило время подмены, имитации, продукции, сделанной наспех. Опытные редакторы и режиссеры, которые давно «набили руку», могут выполнить любой заказ, они работают параллельно на трех и более проектах, делают все одинаково, не затрачиваясь на эксклюзив и фантазию... А в результате с канала на канал ходят одни и те же герои, им задают одни и те же вопросы, топчутся на одних и тех же темах, да и манеры съемок, оформление сту-

дий — все похоже. Все, как по лекалу. Конвейер, халтура и псевдо-профессионализм. И с одной главной целью — констатацией успеха, торжества жизни, минут славы. Современное телевидение — это путь производства звезд, а не воспитания масс. Герой сегодняшнего ТВ — эгоист, человек без боли. Лощеный, самовлюбленный, приятный по всех отношениях. Все, что он делает, он делает для себя и ради себя. А кого показывают, о ком говорят — те и становятся образцами для подражания. Увы, сегодня родившихся детей не называют в честь летчиков или космонавтов, в честь писателей или ученых. Этих героев на большом экране нет. А ведь именно телевидение легко может формировать потребности общества — ту же потребность в кумирах.

Конечно, все сегодня опасаются выходить на телевизионный рынок с новыми каналами мировоззренческо-культурологической тематики: мол, рейтинги будут малы. Заведомо равняют на рейтинг канала «Культура». Но зрители сами проводят свои рейтинги, и они катастрофически отличаются от официальных. Пример: в кулуарах ТВ ходят слухи, что на ряде каналов появились устные установки — снимать молодых, про молодых и для молодых. Причем с четким ограничением: молодой — это тот, которому до 40 лет. И вот «Народный блогер» Станислав Садалский провел на своем сайте голосование с вопросом «Вы тоже не станете смотреть программы об актерах старше 40 лет?». Получил ответ: «Буду смотреть — 94,6 %. Не стану, переключу канал — 5,4%».

Впрочем, даже если допустить мысль, что поначалу рейтинги каналов, которые предложат новое телевизионное направление, будут невысоки, это нормально. Реформирование национального сознания — всегда история с отложенным результатом. В московском театре имени Рубена Симонова несколько сезонов шел спектакль «Валентин и Валентина», который не собирал зал. Но художественный руководитель театра Вячеслав Шалевич упорно не снимал его с афиши. И дождался: зритель «дорос», сегодня на спектакль трудно попасть.

Еще один пример: прошлой зимой в московском театре «Глас» проходила культурологическая конференция, и неожиданно после одного из докладов в зале встал человек, представился руководителем министерства культуры одной сибирской области. И рассказал, как несколько лет назад в их министерство пришло указание — подготовить материалы для формирования национального проекта «Культура», просчитать, сколько денег нужно и какой будет результат. Сели чиновники писать: ну увеличат количество библиотек, ну построят новый ки-

нотеатр, ну откроют культурный центр — а как посчитать итог? Что изменится в денежном отношении после использования этих средств? В уме-то нам всем понятно, что при изменении культурной политики региона через какое-то количество лет и снизится количество самоубийств, и повысится количество приема в вузы студентов, и уменьшится количество разводов, и так далее, но как это все представить в цифрах, да еще и соответствовать сегодняшнему принципу: результат здесь и сейчас. Вынь да положь. Но культура не является сферой услуг, и ее результаты не измеряются в категориях рыночной экономики. В общем, тот чиновник сказал, что не написали они никакого проекта, и задание не выполнили. Хотя подобная статистика, только в обратную сторону, есть. В Америке провели социологические исследования и подсчитали, что показ одного сюжета по телевидению про суицид подталкивает к суициду 58 человек. Вдумайтесь: 58 человек! Значит, последствия исследователи просчитать могут. А перспективы — нет. Это опять к вопросу про дальновидность.

Когда-то Тарковский говорил Параджанову: «Не станет хлеба — человек умрет. Не станет искусства — человек умрет. Разница только в том, что человек знает о возможности умереть от голода, а о том, что он может умереть от отсутствия искусства, — не знает». Хорошо бы, чтобы телевидение сменило парадигму, угол зрения централизованно, руками настоящих профессионалов. Потому что еще немного и этот вызов времени переместится в пространство нишевых кабельно-спутниковых, городских и региональных телеканалов, которые начнут предлагать свои модели формирования общественного мнения, реформирования общественного сознания. Ведь чем меньше канал — тем он мобильнее, активнее, оперативнее. Но этот процесс может оказаться длинным и разрозненным. Нужен вектор, база, фундамент, мировоззренческая система как направление, как путь. Ведь, как известно, быстрее всего можно дойти до цели, если идти по правильному пути.

Александр МЯГЧЕНКОВ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2013».

«Разговор с Александром Мягченковым»

*Фрагмент телевизионной программы о фестивале «Русский Stil»
с участием Марии Арбатовой*

Александр Мягченков

Мария, в вашем дневнике в социальных сетях я прочитал такую фразу: «Понятно, что у человека, который проехал за несколько дней города Ульм, Штутгарт, Мюнхен, Баварские Альпы, в голове зонтиком помешали...» Объясните, что это значит? Все перепуталось?

Мария Арбатова

Тут надо пояснить, что я писала эти слова о фестивале «Русский Stil», который ежегодно проходит в Германии, и на котором мы с вами несколько месяцев назад вместе были. Не будем скрывать нашего прошлого! Фестиваль проводит замечательная семейная пара Баумгартенов. Жена из этой пары — Лада Баумгартен, русская, а муж — Штеффен Баумгартен, немец, журналист, блестяще владеющий русским языком. И отлично шутящий по-русски, как мы с Вами видели. Фестиваль организуется абсолютно открытым способом. Все желающие — просто со всей планеты! — могут послать туда свои произведения.

Александр Мягченков

Вы были членом жюри этого фестиваля?

Мария Арбатова

Да, меня пригласить «жюрировать», и все тексты, которые я читала, были под номерами. Я не знала ни одного автора.

Александр Мягченков

Я вас перебыю: давайте уточним, что там были в основном непрофессиональные авторы, живущие в России, в Германии и в других странах. Ведь Вы профессиональный драматург, у Вас есть литературное образование. А на этот фестиваль приехали люди, у которых другие профессии. Получается, это как художественная самодеятельность? Занятие в свободное от основной работы время? Призвание души?

Мария Арбатова

На самом деле, в этом фестивале принимают участие разные люди.

Мне попадалась и очень слабенькая проза, и в то же время были сильные авторы. Просто не все могли приехать в Германию на награждение, и многим призы повезли по городам и весям.

Александр Мязченков

Меня вот что удивило. Там был такой автор — инженер деревообрабатывающих машин из Воронежа. Алексей Ряскин. Когда он пришел в немецкое посольство получать визу, его спросили: «Вы инженер, а едете на литературный фестиваль. Какая связь?» Немцы они очень въедливые, поэтому им было непонятно: зачем инженеру писать?

Мария Арбатова

Ну я не буду напоминать, какие основные профессии были у наших великих авторов... Дело в том, что все пишущие люди хотят, чтобы их читали, чтобы они были кому-то интересны. Я помню этого парня. Ему совершенно необходима литературная среда, и совершенно ясно, что среди своего деревообрабатывания он эту среду не получает. Более того, этот фестиваль собирает пишущих авторов из разных частей света, многие летели по 30 часов из дальних просторов «американщины», чтобы просто поговорить по-русски, чтобы потереться плечами со своими, чтобы кто-то послушал их стихи...

Александр Мязченков

То есть, этот фестиваль — это колоссальная нагрузка такая миссионерская что ли?

Мария Арбатова

Да, с одной стороны. Ведь здесь на Западе есть целый блок людей, которые хотят держаться вместе. Такие «мармеладовы», которым жизненно необходимо, чтобы их кто-то слышал. С одной стороны — этот фестиваль нужен для объединения русской эмиграции.

Александр Мязченков

А с другой стороны, я вспоминаю потрясающего молодого поэта из Новосибирска — Даниила Лебедева. Фантастические стихи, с таким ощущением мира, что мне, взрослому человеку, не все было понятно, но он так рифмует, так складывает, у него свой мир, свой личностный взгляд... На мой взгляд, очень перспективный автор.

Мария Арбатова

Или Светлана Дон. Она живет в крошечном городке в Алтайском крае, и на фестиваль она не приехала, потому что не было денег на билет. Но я уже выяснила ее координаты, отправила ее стихи в «Литературную газету» и ее уже напечатали. Парадокс, но этот фестиваль в Гер-

мании открывает дорогу многим русским авторам, живущим в России. Например, Тамара Черемнова. Она живет в доме инвалидов, у нее вышла недавно пронзительная книга «Трава, пробившая асфальт». Для меня было удивлением, когда мне попался ее рассказ среди произведений, присланных на «Русский Stil». Я знала Тамару, но не знала, что она участвует в конкурсе. То есть, можно говорить об абсолютной открытости и честности фестиваля.

Александр Мягченков

Который зажигает новые имена и в эмиграции, и в России... Мне еще вспомнилась молодая девушка, талантливая самобытная поэтесса, Наталья Хмелева, которая сейчас живет в Дюссельдорфе... То есть, это момент и реализации, и общения, и чего-то еще большего?..

Мария Арбатова

Вы знаете, я когда приехала и увидела этих людей, съехавшихся на фестиваль, я подумала, что вряд ли они перспективны в литературном отношении. Во мне сыграл мой снобизм. Я не люблю политических эмигрантов, я считаю, что сегодня надо жить и работать в России, здесь есть все условия. И вот с этим настроением я пришла на Открытие фестиваля. И увидела этих людей. Вы помните, как это было ужасно пронзительно? Когда вышла пожилая женщина и сказала: «Мы же все здесь пишем от одиночества». Или девушка с Украины, которая читала стихи. Помните, у нее рефреном все время шли строчки: «В чужом краю не падает роса...». Ком в горле... Или прелестная Дина Левина, которая, когда мы ехали в автобусе, пересказывала свой рассказ про начало войны в Белоруссии. Она была трехлетней девочкой... Пожилая женщина, не открою тайну ее возраста, и так понятно, что если во время войны ей было три года, значит, сейчас ей за семьдесят. И вот мы с этой Диной пошли на экскурсию в замок...

Александр Мягченков

Помните название замка?

Мария Арбатова

Ой, не выговорю, хотя учила немецкий в школе...

Александр Мягченков

Нойшванштайн, замок баварского короля Людвига Второго...

Мария Арбатова

Мы с этой Диной в какой-то момент потеряли в толпе моего мужа-индуса, а я забыла, как по-немецки слово «дорога». И я сказала: «Дина, Дина, как будет по-немецки „дорога“?» И она ответила: «Я не знаю

ни одного слова на их языке». Я говорю: «А сколько вы здесь?». Она: «Пятнадцать». Я: «Как?!» Она: «Так. Не хочу». Понимаете?

Александр Мягченков

На самом деле — не понимаю! НЕ понимаю.

Мария Арбатова

Для этих людей подобный фестиваль как витаминный коктейль. Они приезжают, чтобы напитать свой организм русским кислородом на весь год. Чтобы хватило сил выжить.

Александр Мягченков

И ведь на этот фестиваль приезжают и совсем пожилые люди?

Мария Арбатова

Я там встретила Михаила Серебро...

Александр Мягченков

Бывшего актера Московского академического театра имени Маяковского?..

Мария Арбатова

Который сейчас живет в Нюрнберге. Он ко мне подошел — я обомлела. Это такое перелистывание страниц моей юности. Ему 80 лет, но он с нами бегал по экскурсиям.

Александр Мягченков

А экскурсии на фестивале, надо сказать, очень интересные. Бавария, юг...

Мария Арбатова

Все эти люди, и из России, и из Германии, и из Америки — они могли бы объехать Германию и без нас! Но им важно было сделать это в своей среде.

Александр Мягченков

Мне кажется, здесь важна статистика. Два миллиарда людей на земле признаются в том, что чувствуют себя одинокими людьми. Я не знаю, насколько точна эта статистика, но подобный фестиваль — удачное мероприятие. Пишущим людям он дает благодарную аудиторию. Роскошь общения.

Мария Арбатова

А нам с вами возможность увидеть Германию изнутри, не туристом. Внутри родственной интеллигентной среды. И вообще, вспомните, сколько фестивалей мы объехали, где было такое — никто не разбил ни одного окна, как это частенько бывает на русских киношных фестивалях! Я вспоминаю этот фестиваль как приятную сказку... Сегодня в

России выделяется огромное количество денег на программу «Русский мир», чтобы поддержать русскоговорящих людей за рубежом. А Лада и Штеффен Баумгартены делают это абсолютно бесплатно. Считая это своей гражданской миссией — не дать людям забыть, как они говорят на родном языке и как пишут.

Александр Мягченков

Спасибо. Это была драматург, писатель Мария Арбатова — член жюри Международного литературного фестиваля «Русский Stil». До встречи в Германии, на «Русском Stil-e»!

Русский Stil — праздник сердец

Гимн фестиваля

Музыка и слова Ирины Шульгиной

Из года в год, стирая грани:
Пространства, времени, границ.
Встречают нас на фестивале,
На празднике сердец.
Здесь и поэзия, и проза,
Здесь юмор, даже — креатив.
Литературных виртуозов
Форум объединил.

Припев:

«Русский Стиль» — любовь и признание,
Фестиваль талантливых людей.
От России и до Германии
Собирает «Русский Стиль» друзей.

Ждем интересных встреч, общения,
Ждем новых творческих идей.
Наш фестиваль — Души творенье,
Свет в тысячу свечей.
Страна Бетховена и Гете
Нас снова будет вдохновлять.
И с нетерпением год от года
Мы будем встречи ждать!

Припев: 2 раза.

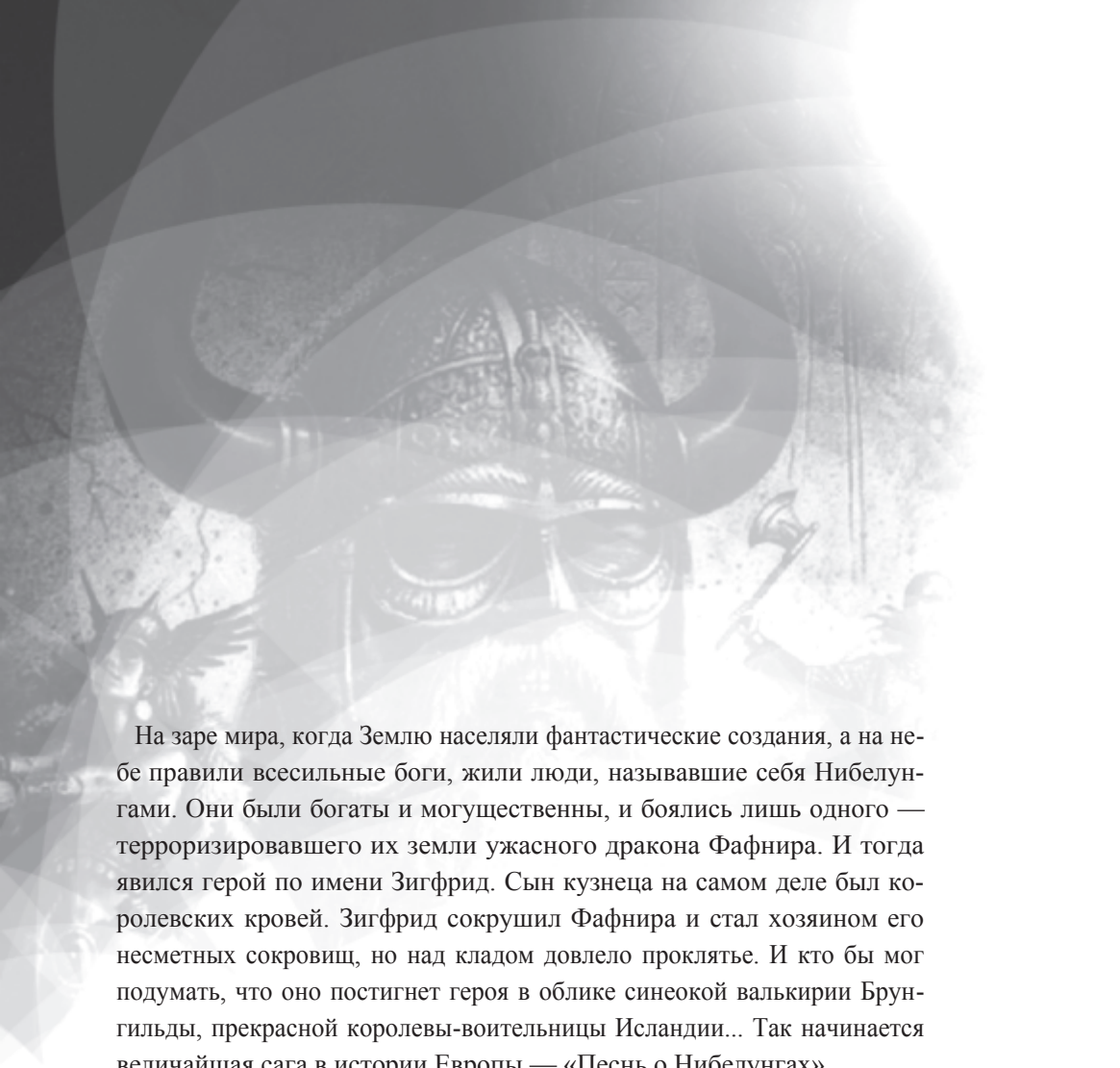
«Русский Стиль» — любовь и признание,
Фестиваль талантливых людей.
От России и до Германии
Собирает «Русский Стиль» друзей.

«Русский Stil»
в Германии

РУССКИЙ СТИЛЬ-2014

На заре мира, когда Землю населяли фантастические создания, а на небе правили всеильные боги, жили люди, называвшие себя Нибелунгами. Они были богаты и могущественны, и боялись лишь одного — терроризировавшего их земли ужасного дракона Фафнира. И тогда явился герой по имени Зигфрид. Сын кузнеца на самом деле был королевских кровей. Зигфрид сокрушил Фафнира и стал хозяином его несметных сокровищ, но над кладом довлело проклятье. И кто бы мог подумать, что оно постигнет героя в облике синеокой валькирии Брунгильды, прекрасной королевы-воительницы Исландии... Так начинается величайшая сага в истории Европы — «Песнь о Нибелунгах»...

Как вы могли уже догадаться, будущий фестиваль будет не менее волшебным и сказочным, так как развернется на фоне самых необыкновенных декораций. Нам предстоит в следующем году жить и работать, познавать неизведанное и путешествовать в «Золотом треугольнике Нибелунгов».

Вормс. Именно в Вормсе жила королевская династия Нибелунгов, о подвигах которых Вагнер рассказал в своей бессмертной опере. Вот почему городские улицы носят имена героев эпоса, а изображения и фигурки драконов часто можно увидеть на бульварах и в сувенирных магазинчиках. А еще Вормс был центром Бургундского королевства,

одним из самых важных городов в империи Карла Великого, здесь разгорались политические и религиозные страсти. В этом городе провозгласил свою концепцию протестантства Мартин Лютер.

Шпейер. Археологические данные позволяют предполагать, что город был населен кельтами 500 лет до н. э. В Шпейере обаятельный Старый город: барочная Ратуша, высокие городские ворота Альтпертель, построенные в XII веке, еврейский квартал, где можно посетить Музей-микве — ритуальную еврейскую купальню, фахверковые дома эпохи ренессанса.

Гейдельберг. Городок, в переводе означающий «гора с черникой», почти целиком построен из красного песчаника. Большая часть населения — это студенты. Гейдельбергский университет — самый старинный в Германии. Над Старым городом Гейдельберга возвышается величественный замок. Издалека он похож на театральную декорацию — фасады, нарисованные на фоне неба. Но по мере того, как вы поднимаетесь на холм, на котором стоит замок, декорации вырастают и приобретают реальность. Замок состоит из нескольких частей, и про каждую есть своя легенда. Например, одну из башен Фридрих V якобы приказал возвести за одну ночь в качестве подарка на день рождения своей жене, английской принцессе Элизабет Стюарт. Но это только одна легенда, а сколько их всего хранится в замковых стенах, и не сосчитаешь...

Вот такой необычный экскурс предстоит нам с вами в следующем году. Если интересно, присоединяйтесь.

<http://ruskij-stil.de>

INTERNATIONAL GUILD OF WRITERS

Международная гильдия писателей представляет новый проект

ХАРЛиИ — что это такое?

Хорватская академия русской литературы и искусства — учебное учреждение нового типа. Мы учим год и выпускаем специалиста с профессиональным портфолио и дипломом. Кроме того наша Академия — это не только процесс получения знаний, но и мощная интеллектуально-творческая среда, территория для экспериментов.

Обучение в Академии — это:

- ⇒ концентрированное обучение по выбранному направлению;
- ⇒ расширение и переоценка творческого опыта;
- ⇒ получение профессиональных знаний;
- ⇒ возможность найти дело по душе.

Курс практической драматургии

*Сценарное искусство в применении к театру,
кино, телевидению, мультимедиа*

Драматург театра, кино и телевидения создает литературную основу будущих постановок. В кинематографе и на ТВ его называют сценаристом. Только из хорошего сценария может получиться хорошее кино. И только лучшие пьесы надолго переживают своих творцов.

Наша образовательная программа — это не только теория, но и практические занятия, а также разбор домашних заданий и советы профессионалов. Цель **Курса практической драматургии** — помочь автору с любым уровнем подготовки овладеть самыми современными наработками в области технологии создания драматургических произведений. А лучшие работы рекомендовать продюсерам.

Подготовленный в ХАРЛИИ выпускник **Курса практической драматургии** сможет сразу войти в индустрию: предложить свои идеи, сценарии и пьесы театрам, студиям и сценарным агентствам; войти в команду действующих авторов или даже получить собственный первый проект, начав карьеру профессионального драматурга/сценариста.

Преподаватели:

Ирина Егорова — драматург, поэт, преподаватель, актриса театра и кино, главный режиссер театра «КомедиантЪ», лауреат литературных, драматургических, театральных, кино конкурсов и премий, член МГП и других творческих союзов.

Алена Чубарова — художественный руководитель театра «КомедиантЪ», член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей Москвы, автор многих сборников стихов, пьес, прозы, лауреат Российских и международных конкурсов.

Александр Фридрихсон — выпускник высших курсов сценаристов и режиссеров при Госкино СССР, автор сценариев более десяти фильмов, руководитель сценарной мастерской и преподаватель Высшей национальной школы кино и телевидения, соавтор учебника «Живой сценарий. Ремесло кинодраматурга», лауреат фестиваля военного фильма имени Юрия Озерова, член союза журналистов России.

Чему вас научат:

Студенты направления «**Практическая драматургия**» научатся создавать произведения драматургии: пьесы и сценарии для кинофильмов, рекламных роликов, радио и телепередач различных жанров и форматов. Выпускники данного направления смогут заниматься творческой и организаторской деятельностью в сфере литературы, театра, кино, радио, телевидения и других искусств.

Выпускной работой является пьеса или сценарий — литературная основа для спектакля, фильма, радио, телепередачи или другого видео или интернет представления. Некоторые сценарии, написанные студентами в ходе обучения, могут быть поставлены на практических выездных семинарах силами самих студийцев или приняты к постановке театральной труппой «КомедиантЪ». А лучшие драматургические произведения будут изданы в книжном формате.

Сроки:

Обучение продлится с 1 ноября по 30 июня. Обучение проходит дистанционно, в июле состоится выездная недельная сессия на Адриатику для защиты проектов и дипломных работ (включена в стоимость обучения). Возможен интенсив-курс в сжатые сроки (спрашивайте при подаче заявления). Выпускники получают диплом международного образца о дополнительном образовании по специальности «Драматург-сценарист».

Условия приема:

Заявление в произвольной форме можно подавать
в секретариат МГП:

postmaster@schriftstellergilde.org

К заявлению требуется приложить автобиографию
и свои полные контактные данные.

Обучение платное.

Международная Гильдия Писателей (МГП) — это объединение творческих людей, независимо от их возраста, места проживания, национальности и вероисповедания.

Основной целью МГП является объединение творческих людей для:

- Оказания помощи начинающим писателям;
- Реализации программ в области образования, культуры и духовного развития;
- Содействия организации и проведению практических и теоретических конференций, семинаров, симпозиумов, творческих встреч и иных мероприятий, направленных на пропаганду и развитие литературы;
- Организации и проведения выставок, конкурсов, форумов, аукционов, концертов, спортивных состязаний, театральных и музыкальных постановок, лотерей и иных культурно-массовых мероприятий;
- Учреждения специальных стипендий, премий, грантов Гильдии;
- Выдвижения кандидатов на получение премий, учрежденных иными организациями и государственными органами разных стран;
- Представления членов МГП к присвоению почетных званий;
- Учреждения средств массовой информации и осуществления издательской деятельности;
- Осуществления информационной деятельности в электронных и печатных средствах массовой информации.

<http://schriftstellergilde.org>

Содержание

Финалисты конкурсов 2013 года

Номинация «Поэзия»

Лауреаты и дипломанты:

Изяслав Котляров, Беларусь	6
Елена Морозова, Украина	8
Марк Яковлев, Германия	10
Павел Сердюк, Украина	12
Михаил Матушевский, Израиль	14
Валентина Назарова, Россия	16

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Наталья Мери, Финляндия
Миясат Муслимова, Дагестан
Вероника Ткачёва, Россия
Алиса Знакомая, Россия
Любовь Антонова, Литва
Кирилл Александров, Россия
Елена Берсенева, Россия
Надежда Хофф, Бельгия
Юлия Елина, Россия
Ульяна Шереметьева, Германия
Елена Слободская, Россия
Евгения Степурина, Россия
Сергей Плышевский, Канада
Юлия Скородумова, Россия
Виктор Щетников, Россия
Светлана Бурашникова, Россия
Людмила Буратынская, Украина
Лев Кропоткин, Россия

Номинация «Молодые дарования»

Лауреаты и дипломанты:

Елена Саянова, Россия	18
Анна Грувер, Украина	20
Евгений Лумпов, Казахстан	22
Александр Москвин, Россия	24
Дмитрий Бобылев, Россия	26
Наталья Хмелева, Германия	28

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Марина Жойа, Украина
Виктор Щетников, Россия
Татьяна Омельченко, Украина
Анжелика Парусова, Россия

Номинация «Проза»

Лауреаты и дипломанты:

Наталья Жукова, Россия	32
Вадим Борисов, Россия	36
Светлана Волкова, Россия	42
Елена Кисловская, Украина	47
Наталья Гагарина, Россия	52
Бекет Карашин, Казахстан	58

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Альфия Камалова, Башкортостан
Сергей Гупало, Украина
Татьяна Красикова, Беларусь
Николай Кузнецов, Казахстан
Анатолий Лунин, Россия
Леонид Медведев, Россия
Алексей Широков, Россия
Евгения Степурина, Россия
Дмитрий Трипутин, Россия
Александр Уткин, Россия
Яна Ишмухаметова, Башкортостан
Вадим Россик, Германия
Татьяна Малинина, США
Людмила Винтерия, Россия
Юрий Жекотов, Россия
Екатерина Антоненко, Украина
Наталья Крофтс, Австралия
Александр Амусин, Россия
Оксана Ткаченко, Россия
Елизавета Зяблицева, Коми

Номинация «Юмор, ирония, сатира...»

Лауреаты и дипломанты:

Алексей Березин, США	66
Семен Островский, США	68
Катя Чековска, Россия	70
Леонид Медведев, Россия	76
Николай Шамсутдинов, Россия	78
Лев Кропоткин, Россия	80
Анна Лукашева, Украина	82

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Валентина Назарова, Россия

Геннадий Литвинцев, Россия
Владимир Шестаков, Украина
Юрий Юрукин, Германия
Марк Яковлев, Германия
Светлана Волкова, Россия
Татьяна Малинина, США
Вадим Борисов, Россия
Марина Эпова, Россия
Екатерина Антоненко, Украина
Наталья Малькова, Россия
Виктор Родин, Великобритания
Елена Евдоченко, Россия
Дмитрий Зайцев, Россия

Номинация «Поэзия в фотографии»

Лауреаты и дипломанты:

Инна Грубмайер, Хорватия	86
Виктория Плескова, Россия	87
Андрей Кульба, Украина	88
Вера Платонова, Россия	89
Анатолий Шишкин, Россия	90
Ольга Сванберг, Финляндия	91

Звания «Мастер!» удостоены:

Елена Кисловская, Украина
Дмитрий Кузнецов, Россия
Виолетта Минина, Россия
Вероника Миронова, Россия
Антон Соулев, Россия

Номинация «Нашим детям»

(стихи)

Лауреаты и дипломанты:

Людмила Буратынская, Украина	94
Семен Островский, США	96
Лев Рахлис, США	98
Виолетта Минина, Россия	100

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Светлана Гончар, Украина
Марина Жойа, Украина
Ян Краснов, Россия
Юрий Юрукин, Германия
Светлана Синцерова, Россия

Тамара Попко, Беларусь
Андрей Сметанин, Беларусь
Лев Кропоткин, Россия
Анна Лукашева, Украина

Номинация «Нашим детям»

(проза)

Лауреаты и дипломанты:

Михаил Попов, Россия	103
Андрей Сметанин, Беларусь	107
Вероника Ткачёва, Россия	110
Елена Соколова, Россия	114

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Дмитрий Бобылев, Россия
Татьяна Десятниченко, Россия
Альфия Камалова, Башкортостан
Татьяна Красикова, Беларусь
Елена Яхненко, Бельгия
Алена Разумова, Беларусь
Павел Сердюк, Украина
Владимир Германздерфер и Наталия Рябцева, Украина
Виолетта Минина, Россия
Елена Потехина, Россия
Людмила Шмидт, Германия
Ольга Толочко, Россия

Номинация «Журналистика, эссеистика»

Лауреаты и дипломанты:

Наташа Северная, Украина	120
Виктор Гришин, Кипр	125
Дмитрий Бобылев, Россия	130
Вера Платонова, Россия	135
Елена Зинченко, Украина	140

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Ольга Сванберг, Финляндия
Виктор Бейко, Германия
Михаил Попов, Россия
Бекет Карашин, Казахстан
Надежда Егорова, Россия
Елена Белякова, Россия
Альбина Гарбунова, Германия
Владимир Краснов, Россия

Елена Потехина, Россия
Евгения Сенчилова, Россия

Номинация «Луч надежды»

Лауреаты и дипломанты:

Елена Зинченко, Украина	146
Ангелика Ренц, Германия	149
Елена Маркштедтер, Швейцария	151
Юрий Юрукин, Германия	152
Наталья Дейнека-Дюприе, Германия	153
Яна Ишмухаметова, Башкортостан	154
Татьяна Мартынова, Германия	156

Номинация «Германия из моего окна»

Лауреаты и дипломанты:

Вадим Борисов, Россия	158
Светлана Хромых, Молдова	164
Катя Чековская, Россия	168

Номинация «Поющие сердца» 174

Лауреаты и дипломанты:

Владимир Жуков, Россия
Виктория Полинская, Россия
Наталья Эйкина, Россия
Коллектив «Славяночка» и Светлана Рагулина, Россия
Максим Данильчик и Андрей Сметанин, Беларусь
Кирилл Александров, Россия

Спецдиплома «За вклад в песенное искусство!» удостоены:

Наталья Эйкина, Россия
Григорий Суворов и Андрей Данильсон, Россия
Валерий Ярушин и Игорь Круглов, Россия

Номинация «Мое кино» 175

Лауреаты и дипломанты:

Андрей Кульба, Украина
Евгений Лумпов, Казахстан
Надежда Крылова, Россия

Спецдиплома «Открытие формулы кино!» удостоен:

Виталий Прядеин, Россия

V.I.P.

Юрий Бердан, США	178
Елена Игнатовская, Казахстан	183
Татьяна Кайзер, Германия	188
Сергей Угренинов, Казахстан	196
Ольга Козэль, Россия	201
Марина Меркулова, Россия	220
Александр Мягченков, Россия	225
Гимн фестиваля	230
Фестиваль-2014	233
ХАРЛИИ	236

CD

Музыкальное приложение к альманаху «Лучшие песни фестивальных лет»

- 1 **Гимн фестиваля** (Автор слов, музыки и исполнитель — Ирина Шульгина)
- 2 **Неизбежность** (Автор слов, музыки, аранжировщик и исполнитель — Александр Давидович)
- 3 **Нежданная моя любовь** (Автор слов, музыки и исполнитель — Владимир Жуков)
- 4 **Горизонт** (Группа «Бигуди» и Роман Полищук)
- 5 **Шторм** (Автор слов, музыки и исполнитель — Владимир Жуков)
- 6 **Внутри** (Автор слов, музыки и исполнитель — Виктория Полинская, рояль — Андрей Кондратенко, запись и сведение — Игорь Деловой)
- 7 **Голодная песня** (Автор слов — Андрей Сметанин, автор музыки — Сергей Толкунов, исполнитель — Максим Данильчик)
- 8 **Девочка, умеющая ждать** (Автор слов — Инна Заец, автор музыки и исполнитель — Георгий Савельев)
- 9 **Если бы не ты** (Автор слов, музыки и исполнитель — Наталья Эйкина)
- 10 **Однажды я вернусь** (Автор слов и исполнитель — Ирина Павлова, автор музыки — Анжела Осовская)
- 11 **Ярмарка** (Автор слов и музыки — Светлана Рагулина, аранжировка — Сергей Алексеев, исполнитель — вокальный коллектив Воскресной школы при Храме Воскресения Христова г. Подольска, руководитель — Наталья Скрипко)
- 12 **Сестрицы** (Автор слов и музыки — Ирина Шульгина, исполнитель — семейный ансамбль «Сестры»)
- 13 **Сохрани любовь мою** (Автор слов, музыки и исполнитель — Ирина Шульгина)

© Русский Stil-2013
Литературный альманах современных русских авторов + CD
Все права защищены

Verlag „STELLA“
Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
<http://stella-verlag.com>
Tel. +49/07031 4282498
E-mail: artstellapro@gmail.com
lnbg@ya.ru

ISBN 978-3-944121-78-9

